9(с52)
П14

К. ПАЛУАНИЯЗОВ

ИСТОКИ РОЖДЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ КАРАКАЛПАКСТАН

«КАРАКАЛПАКСТАН»

К. ПАЛУАНИЯЗОВ

ИСТОКИ РОЖДЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ КАРАКАЛПАКСТАН

Часть I

ЛЕВОБЕРЕЖНАЯ КАРАКАЛПАКИЯ В 1917 — 1924 г. г.

БИБЛИОТЕКА
Каракалпакский госуниверситет
Инв. 96236

НУКУС
«КАРАКАЛПАКСТАН»
1992

63 3 (2-карб) П. 14

Палуаниязов К. А.
Истоки рождения Республики Каракалпакстан. Часть I. Левобережная Каракалпакия в 1917 — 1924 г.г. *(Монография)* — Нукус: «Каракалпакстан» 1992 — 144 стр.

В монографии исследуется один из сложных и ярких этапов истории рождения Республики Каракалпакстан, социально-экономического и политического развития Левобережной Каракалпакии (в 1917 — 1924 г.г.) в условиях ее нахождения в составе Хивинского ханства, с 1920 года: — Хорезмской республики (ХНСР-ХССР). На богатом фактическом материале анализируется история возникновения первого национально-государственного образования каракалпакского народа — Левобережной Каракалпакии.

Рассчитана на читателей, интересующихся проблемами истории каракалпакского народа, являющегося одним из древних народов мира.

Под редакцией доктора исторических наук К. Б. Мухамедбердыева.

Рецензенты: *Кандидат исторических наук Уразбаева Р., преподаватель кафедры истории народов Узбекистана и Каракалпакстана НГУ Сейтимбетов М.*

П 0503020900-005 / М-357(04)-92 5-92

ISBN 5-8272-1191-5

©Издательство «Каракалпакстан», 1992

Э(52)
П14

Посвящается великому сыну моего народа — Аллаяру Досназарову

Аржақ-бержақ болып еки сан болған,
Бөлим-бөлим еллер қарақалпақтады.
. . . . . .
Өз миллетим дейип қарақалпақты,
Бир болсын деп аржақ пенен бержақты,
Уғлы Досназардың Аллаҳыяры,
Мәскеў мәжилисине бара баслады

Аяпберген Мусаев

ВВЕДЕНИЕ

Одной из важнейших задач, стоящих ныне перед отечественной историографией, является всестороннее изучение и осмысление всего пути, пройденного народами нашей страны за все годы послеоктябрьского периода с принципиально новых позиций, критического поэтапного анализа. Это можно выполнить путем расширения и обновления всей источниковедческой базы исследований. Лишь тогда вся система объективных фактов может служить в качестве основы для научных умозаключений.

Например, в исследовании истории народов Средней Азии необходимо учесть, что в силу ряда объективных и субъективных причин развития двух основных ее частей — Туркестана, непосредственно входившего в состав царской России и Хивы, Бухары, формально сохранивших свою самостоятельность в качестве протекторатов, с 1917 года и ряде последующих лет пошли несколько различными путями. Формы, методы и темпы их социально-экономического и политического развития видоизменились в зависимости от традиционных, национальных, исторически сложившихся условий. Как нам представляется, прежде всего именно этим и определяется актуальность темы данного исследования, т. к. своеобразие социально-экономического и политического развития двух разных частей — Левобережной и Правобережной Каракалпакии — в 1917 — 1924 годы является одним из наиболее ярких тому примеров.

Так, в Амударьинском отделе (Правобережной Каракалпакии, непосредственно входившей в состав Туркестана), уже в конце 1917 — начале 1918 г. г. побе-

дила социалистическая революция и весь процесс дальнейшего развития этой территории проходил в составе многонационального социалистического государства. А в Левобережной же Каракалпакии, находившейся в составе Хивинского ханства, вплоть до начала 1920 г. безраздельно господствовали феодальные отношения. Революция, победившая здесь в феврале 1920 г., в отличие от революции, победившей в Туркестане, была направлена, в первую очередь, против феодального строя и имела не социалистический, а антифеодальный, народнодемократический характер. Главной ее движущей силой было дехканство, поддержанное не только городской беднотой, но всеми патриотическими силами во главе с партией младохивинцев.[1]

Особенностями победившей революции было обусловлено и то, что государственной формой нового строя в Левобережной Каракалпакии, как и на всей территории бывшего Хивинского ханства, было признано создание народно-демократического государства, государства переходной формы. Именно таким и была Хорезмская Народная Советская Республика, провозглашенная на I Всехорезмском курултае народных представителей (в апреле 1920 г.), в составе которой оставалась Левобережная Каракалпакия все годы существования (ХНСР-ХССР).

В октябре 1923 г. ХНСР была преобразована в Хорезмскую Социалистическую Советскую Республику. Хорезмская республика, будучи суверенным слаборазвитым государством, с самого начала своего существования опиралась на тесную экономическую, культурную и военно-политическую помощь РСФСР, СССР, находила постоянную моральную и материальную поддержку.

Как и в других частях Хорезмской республики, в Левобережной Каракалпакии были созданы соответствующие местным условиям органы народной власти, призванные, во-первых, разрешить задачи революционно-демократических преобразований (ликвидация феодальных отношений в экономике и политической структуре общества), во-вторых, подготовить политические, экономические и духовные условия для

перехода от патриархально-феодальных отношений к социалистическому этапу развития.

За время нахождения Левобережной Каракалпакии в составе Хорезмской республики (ХНСР-ХССР) были осуществлены революционно-демократические преобразования, которые заметно изменили социально-экономическое и культурно-политическое положение населения этих районов. Заслуживает, например, особого внимания то, что вначале был создан Казахско-Каракалпакский отдел при ХорЦИКе (1922 г.), а затем отдельная область (1923 г.) с тем же названием с центром — городом Ходжейли. Это было первым значительным шагом на пути образования единой Каракалпакской национальной государственности—Каракалпакской автономной области, позволившей объединиться Левобережной Каракалпакии с Правобережной.

Как свидетельствуют большое количество документов, изученных нами, вся эта работа проходила в крайне сложной обстановке. Тернистым и запутанным был сам процесс создания Каракалпакской автономной области. Несмотря на развернувшуюся с самого начала 1924 г. широкомасштабную кампанию по проведению в Средней Азии национально-территориального размежевания, вплоть до самого августа того же года давнее справедливое требование каракалпакского народа о создании своего национального государства путем объединения его обеих частей — Правобережной и Левобережной — оставалась почему-то незамеченным со стороны организаторов этого важнейшего политического мероприятия. Не удалось, например, обнаружить какого-либо значительного документа в архивах, где имелись бы сведения хотя бы о малейшем внимании к чаяниям каракалпакского народа, жаждавшего воссоединения двух искусственно разделенных частей и создания своего национального государства. К сожалению, ничего не говорится об этом и в исследованиях, посвященных деятельности Средазбюро ЦК РКП(б), непосредственно руководившего работой по проведению национально-территориального размежевания в масштабе всего среднеазиатско-казахстанского региона.

Есть полное основание утверждать, что лишь бла-

годаря огромным патриотическим усилиям и энтузиазму отдельных представителей самого каракалпакского народа, а именно — Аллаяра Досназарова, Ибрагима Бекимбетова, Абиуа Кудабаева и их единомышленников, нашедших в этом стремлении действенную поддержку со стороны Средазбюро РКП(б), удалось поставить вопрос об образовании каракалпакской национальной государственности в виде автономной области и добиться его быстрейшего положительного решения (в течение чуть более одного месяца)[2] Справедливое требование каракалпакского народа было поддержано и ВЦИК СССР, и ЦК РКП(б).

Думается, необходимо сделать объективную оценку тому, что национально-территориальное размежевание в Средней Азии произошло таким образом, что вновь образованная Каракалпакская автономная область вошла в состав Казахской АССР. Казалось, была альтернатива. Буквально рядом с Каракалпакской автономной областью находились две новые союзные республики — Туркменская ССР и Узбекская ССР. Исторический процесс дальнейшего развития каракалпакской автономии подтвердил правильность этого решения.

В монографии подчеркивается преемственность истории и современности. Это важно сейчас в плане рассмотрения острейших проблем межнациональных отношений... «в последнее время нам пришлось столкнуться и с проблемой отношений между самими республиками и нациями, ... дело это в высшей степени деликатное, способное принимать драматический оборот, — писала «Правда», — поэтому и в истории, и в современности нам надо в первую очередь видеть то, что объединяет наши народы, рождает между ними доверие и уважение, а не отчуждение. Необходимо развивать лучшие традиции дружбы народов, идти по пути взаимного уважения национальной самобытности».[3]

История Каракалпакстана, в частности ее Левобережных районов, первых лет Советской власти — это убедительное подтверждение тому, что это были годы рождения подлинной дружбы и братства между различными народами, населяющими этот многонациональный край — Хорезмский регион. Нами было

обнаружено множество ценных документов, которые со всей отчетливостью свидетельствуют, что за свободу и счастье каракалпакского, узбекского, туркменского, казахского народов, населяющих Левобережную Каракалпакию сражались насмерть и сыны русского, украинского, белорусского, татарского, башкирского и многих народов; за Левобережную Каракалпакию боролись и отдали свою жизнь многие иностранные интернационалисты, оказавшиеся здесь.

Исторический опыт социально-экономического и культурно-политического развития Левобережной Каракалпакии в 1917 — 1924 гг., насыщенный рядом характерных особенностей и своеобразных черт, имеет не только научное, теоретическое, но и большое практическо-познавательное значение. Особенности, являвшиеся характерными для развития этих районов в составе сначала Хивинского ханства, затем Хорезмской республики (ХНСР-ХССР), в значительной мере определяли специфику процесса развития Каракалпакстана в целом еще ряд лет после образования Каракалпакской национальной государственности. Множеством нитей связывается все это и с изменениями, происходящими здесь сегодня.

История Каракалпакстана периода Февральской и Октябрьской революции в России, первых лет Советской власти давно уже находится в центре внимания исторической науки. Опубликовано большое количество книг и статей и по истории Хивинского ханства, и по истории Хорезмской республики (ХНСР-ХССР), в составе которых находилась Левобережная Каракалпакия. По различным аспектам этих проблем выполнены также кандидатские и докторские диссертации. Довольно подробно освещается состояние советской (отчасти и зарубежной) историографии по проблемам истории Каракалпакстана, народов всего Хорезмского региона в трудах ряда авторов. Это в определённой мере облегчает нашу задачу избавляя от необходимости давать подробный анализ некоторых аспектов истории Левобережной Каракалпакии.[4] Тем более, как справедливо отмечает Д. Ниязова, «успехи и недостатки историографии Каракалпакии достаточно полно освещены в монографии К. Б. Мухамедбердыева «Октябрь и воссоединение Каракалпакстана».[5]

Так, усилиями ученых-обществоведов, прежде всего, историков Г. Непесова, Я. Досумова, С. Камалова, К. Мухамедбердыева, Р. Караева, Р. Косбергенова, К. Аметова, Ш. Бабашева, У. Калниязова, И. Косымбетова, А. Сабырова, А. Садыкова, С. Татыбаева, Дж. Уббиниязова и других, изучены и прояснены многие аспекты истории этого сложнейшего, вместе с тем исключительно интересного периода каракалпакского народа в условиях, когда его исконная территория оставалась искусственно разделенной между двумя государствами — вначале между Россией и Хивинским ханством, а затем — СССР и ХНСР.

Однако ни в одном из этих исследований история Левобережной Каракалпакии, отличающаяся множеством своеобразных черт и особенностей, не являлась предметом специального монографического исследования. Как правило, данная тема обходится стороной. Если говорится об этом, то тоже как бы между прочим, лишь в общей связи с освещением истории Каракалпакстана или Хорезмской республики.

Не являются исключением в этом отношении даже и труды известного исследователя истории первых лет Советской власти в Каракалпакии Я. Досумова.[6] Хотя в них речь идет о всей Каракалпакии в целом.

К сожалению, такое неакцентированное изучение истории Левобережной Каракалпакии оставалось в Советской историографии вплоть до последнего времени. Поэтому неудивительно, что история Левобережной Каракалпакии не находила должного освещения и в самих обобщающих трудах, посвященных истории Каракалпакстана. Более того, ряд аспектов этой проблемы освещался противоречиво, а порой, думается, явно ошибочно.

Так, во втором томе «Очерков истории Кара-Калпакской АССР»[7] история Левобережной Каракалпакии периода ее нахождения в составе ХНСР показывается почему-то как период социалистического строительства в каракалпакских районах Хорезмской НСР (1921 — 1924 гг.)»[8] Авторы данной монографии, видимо, упустили тот факт, что эти районы оставались еще в составе государства переходной формы — ХНСР, где еще шел

процесс революционно-демократических преобразований. В результате такой трактовки история Левобережной Каракалпакии становится еще более запутанной.

Явно схематично освещается в «Очерках» и такой принципиальный вопрос, как вопрос о движущих силах революции в Левобережной Каракалпакии. Авторы считают, что окружение таких известных организаторов басмаческого движения в Хорезмском регионе, в частности Левобережной Каракалпакии, как Джунаидхан, Темиралихан, Хан Максум, якобы состояло только из местной шайки головорезов, терроризировавших окрестное население, впоследствии обратившихся к активной борьбе против Советской власти.[9] Однако, как свидетельствуют многочисленные архивные источники, воспоминания очевидцев этих событий, дело было вовсе не так. Положение, сложившееся здесь, в частности, в Левобережной Каракалпакии, свидетельствовало о тех глубоких процессах, при том не только классовых, но еще больше межнациональных. Умело используя создавшуюся сложную внутриполитическую обстановку, возникшую из-за многочисленных ошибок, допущенных руководством страны в деле организации борьбы против басмачества, каждый из этих лидеров сумел представить себя в качестве вождя своих соплеменников. Например, Джунаидхан — среди туркмен, Мадраим Бай — среди узбеков, Темиралихан — среди казахов, Хан Максум — среди каракалпаков и т. д. Олицетворяя собой феодальную «собирательную» деятельность, они, зачастую при прямой поддержке самого народа объединяли вокруг себя массы местного населения, создавали себе опору. С помощью феодальной верхушки простому народу внушалось, что их судьба зависит исключительно от успехов Джунаидхана, Темиралихана, Хана Максума и Мадраим Бая. Как нам представляется, только этим и можно объяснить, что против басмачества, против их вождей пришлось вести решительную борьбу еще много лет после победы революции.

С сожалением приходится констатировать, что примерно на том же уровне оставалось освещение истории Левобережной Каракалпакии и в двухтомнике «История Каракалпакской АССР».[10] Еще более странной выглядела в решении этой проблемы позиция коллектива авторов монографии «Осуществление ленинской программы построения социализма в Каракалпакии»,[1] где вообще отсутствует и само упоминание об этих районах. Хотя в предисловии было сказано: «В предлагаемом коллективном труде, охватывающем период от победы Октябрьской революции до завершения социалистической реконструкции народного хозяйства, рассматриваются темы: свержение власти эксплуататоров и установление Советской власти в **Каракалпакии,** ... вопрос национальной самостоятельности и независимости **каракалпакского народа»** (выделено мною — К. П.).[12]

Казалось, более обстоятельные ответы на вопросы, связанные с историей Левобережной Каракалпакии, на наш взгляд, должны были бы дать книги Г. Непесова, появившиеся в печати в середине 60-х годов.[13] Но они также вновь повторили те же выводы и положения, высказанные раньше.

Определенный шаг вперед в освещении данной проблемы был сделан в монографии С. Татыбаева «Исторический опыт построения социализма в Каракалпакии»,[14] в которой были высказаны некоторые новые выводы и положения о наиболее характерных моментах истории этих районов. Они тоже носят в основном тезисный характер, но обращает на себя внимание свежесть ряда мыслей, научная обоснованность которых не вызывает сомнения и теперь.

Период 1917 — 1924 гг., — пишет С. Татыбаев, — был временем важнейших политических и социально-экономических изменений, как на правом, так и на **левом** (выделено мною — К. П.) берегу Аму-Дарьи».[15] «В Левобережной Каракалпакии, то есть в районах, входивших в состав ХНСР, — продолжает автор, — в отличие от Амударьинского отдела (Правобережной Каракалпакии — К. П.) вначале возникли крестьянские Советы. Там, как и во всем Хорезме, не-

капиталистическое развитие началось до возникновения государства диктатуры пролетариата, а крестьянские Советы представляли собой революционную власть, переходную форму к диктатуре рабочего класса... Следовательно, потребовался переходный этап (1920 — 1924 г.г.) для приступа к строительству социализма и при этом решались задачи, которые не входят в понятие «социалистический путь развития» в собственном смысле».[16] Особенно импонируют нам слова С. Татыбаева о том, что связь между Хорезмской республикой и Туркестанской АССР осуществлялась главным образом через Правобережную Каракалпакию, которая являлась как бы мостом, связывающим Хорезмский берег Амударьи с Туркестанским, а через него — с самим СССР.[17]

Заслуживает внимания в этой связи книга К. Мухамедбердыева «Октябрь и воссоединение Каракалпакстана», где делается попытка как можно глубже исследовать сам процесс становления разных частей Каракалпакстана на социалистический путь развития в условиях разделенности их между двумя государствами — СССР и ХНСР. Однако полному раскрытию содержания всего этого процесса мешает малый объем изложения. Например, весь продолжительный процесс революционно-демократических преобразований в Левобережной Каракалпакии в период нахождения ее в составе Хорезмской республики рассматривается в книге в объеме чуть более, чем на 18 страницах.[18]

Здесь упомянуты лишь те работы, в которых в той или иной степени нашли (или должны были найти) свое отражение отдельные аспекты истории левобережных районов Каракалпакии на переломном этапе их развития. Однако и этого достаточно, чтобы сделать вывод о том, что многие важнейшие вопросы исследуемой проблемы в значительной мере определили характерные черты развития Каракалпакстана и в последующие годы. Они остаются еще не изученными и не освещенными в литературе. Между тем на необходимость всестороннего осмысления всего своеобразия истории Левобережной Каракалпакии в исследуемый нами период не раз указывалось в печати. Прав, например, Т. Алланиязов, утверждая, что по сей день сохраняется «необходимость более углубленного ис-

следования национально-государственного строительства в Левобережной Каракалпакии в период до национально-государственного размежевания в Средней Азии с целью выявления общего и особенного в осуществлении этого вопроса в обеих частях Каракалпакии, находившихся в различных государственных объединениях, определения и раскрытия сущности социально-экономических и политических мероприятий, с помощью которых осуществлялась политическая дифференциация народов Хорезмской республики.»,[19] в частности Левобережной Каракалпакии.

Таким образом весь имеющийся в литературе материал о Левобережной Каракалпакии 1917 — 1924 гг. не создает полной картины специфики и своеобразия тех процессов, которые происходили в этих районах. К тому же отдельные выводы и положения, по нашему мнению, явно противоречат друг другу.

Цель монографии — на основе глубокого изучения и осмысления богатейшего материала о методологических проблемах исторической науки, всестороннего анализа и обобщения большого количества архивных документов, в основном еще не использованных в трудах наших исследователей, а также путем критического историографического обзора всей опубликованной литературы на каракалпакском, русском, узбекском, казахском, туркменском языках, вышедшей в разные годы как по истории самого Каракалпакстана, так и по истории народов Хорезмского региона в целом, по-новому объективно осветить происходивший в своеобразных условиях Левобережной Каракалпакии в 1917 — 1924 гг. целостный процесс социально-экономического и культурно-политического развития, проанализировать практический опыт, приобретенный ее населением на том сложном этапе становления на путь социалистического строительства; раскрыть роль в этом процессе такого фактора, как сотрудничество и дружба каракалпакского народа с народами самого Хорезмского региона и народами нашей страны в борьбе за новую жизнь.

Исходя из этого, в монографии ставятся задачи:

— исследовать причины исторически сложившегося разделения Каракалпакской земли между двумя деспотическими государствами — царской Россией, в составе которой отошли правобережные районы, и Хивинским ханством, в составе которого остались левобережные районы. Подчеркнув при этом, что именно политика царизма «разделяй и властвуй» явилась первопричиной разделения компактной территории каракалпаков, расположенной на разных берегах Амударьи;

— раскрыть историческую роль влияния трудящихся масс Правобережной Каракалпакии, уже с конца 1917 г. оказавшейся в составе многонационального социалистического государства — Туркестанской АССР, на повышение политического самосознания масс в Левобережной Каракалпакии;

— исследовать роль трудящихся Левобережной Каракалпакии в свержении деспотической власти хивинского хана, победе народной революции в Хиве и создании Хорезмской Народной Советской Республики — первого в истории государства переходной формы;

— выявить закономерности и своеобразие общественно-политических, социально-экономических и культурных преобразований, осуществленных в Левобережной Каракалпакии в составе ХНСР, на ее революционно-демократическом этапе развития. Определить значение в этом процессе экономической, культурной и военной помощи РСФСР, ее составной части — ТАССР;

— вскрыть и оценить последствия преждевременного провозглашения ХНСР социалистической республикой и перегибов, допущенных в налоговой политике. Проанализировать изменение внутриполитической обстановки в республике;

— исследовать весь сложный процесс создания и развития Казахско-Каракалпакской области, по праву ставшей первым заметным шагом на пути создания Каракалпакской национальной государственности;

— всесторонне проанализировать весь запутанный процесс образования Каракалпакской автономной области, создавшей условия для воссоединения Левобережной Каракалпакии с Правобережной;

— и, наконец, вскрыть причину вхождения Каракалпакской автономной области именно в состав Казахской автономной республики.[20]

Выбор данной темы для самостоятельного исследования обоснован тем, что Левобережная Каракалпакия в 1917 — 1924 гг. по сравнению с Правобережной прошла своеобразный, по ряду моментов принципиально отличающийся от нее путь социально-экономического и политического развития. До 1920 г. (до победы народной революции в Хорезме) Левобережная Каракалпакия была в составе Хивинского ханства, а затем, до 1924 г., (до проведения национально-территориального размежевания в Средней Азии и образования Каракалпакской автономной области) в составе Хорезмской республики — ХНСР — ХССР. Все это и определило хронологические рамки монографии.

Методологическую и теоретическую основы монографии составили достижения отечественной и зарубежной обществоведческой науки, исторической прежде всего, где вырабатываются ныне новые концептуальные подходы ко всем кардинальным проблемам истории народов нашей страны. Намечаются определенные позитивные сдвиги, постепенно изживаются, например, канонизированные десятилетиями догматические подходы, уходят в прошлое идеологизированные, политизированные пропагандистские клише. И что особенно, на первый план выдвигается научно-ценностная ориентация исследований, их диалектико-познавательный смысл, историзм, подлинная научная объективность, система фактов в качестве основы для научных умозаключений.

Особый смысл приобретают сейчас для исследователей истории установления Советской власти в бывших восточных окраинах царской России, в частности, для нашего исследования, идеи о свободе и полном равноправии всех народов и наций, обнародованные в первых документах Советской власти, отдельные из которых были непосредственно обращены к трудящимся — мусульманам. В них (самых демократических в то время документах), — «Декларация прав народов России» и Обращении Совнаркома РСФСР «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока» — были установлены основные принципы национальной политики Советского государства.[21] Провозглашался решительный отказ от политики царизма, основанной на угнетении малых народов, и утверждался «добровольный

и честный союз народов России» при отмене всех и всяких национальных и национально-религиозных пережитков и ограничений, гарантировалось свободное развитие всех национальных меньшинств. Провозглашались и новые принципы международных отношений, пронизанные идеей высокой нравственности. Это отказ от разных оговоров, провокаций, шантажа и борьбы за господствующее положение в мире или отдельных его регионах.[22]

В многочисленных документах тех лет был разработан ряд важных положений о путях и методах борьбы народов бывших колоний за свое социальное и национальное освобождение. Особую актуальность приобретают сейчас, в условиях достижения полного равноправия и суверенитета республик высказанная еще тогда, при Ленине, идея о необходимости достижения этими народами не только формального, но и фактического равноправия. Необходимость практической ликвидации для этого экономической, социальной и культурной их отсталости. В качестве гаранта тому выдвигалось положение о безусловном доверии ранее угнетенных народов к Советской власти, к правительству СССР. Этому способствовала осуществляемая тогда целенаправленная, последовательная деятельность институтов управления, которая проходила в условиях гласности, какой не только Россия, но и мир не знал. Но эти и многие другие гуманистические начинания были преданы затем забвению сталинизмом, господствовавшим в стране.

В плане методологии нашего исследования имеет значение и напоминание о невиданном дотоле нравственном климате, созданном тогда в стране, благодаря особой деликатности действий по отношению к национальным чувствам оскорбленных и униженных в прошлом народов — многочисленных и малочисленных, благодаря бережному отношению к истории и культуре, к традициям и обычаям народов. «Царизм и великорусская буржуазия своим угнетением оставили в соседних нациях тьму озлобления и недоверия к великоруссам вообще, и это недоверие надо рассеять делами, а не словами», — писал Ленин. «Особенно нужно быть осторожным, — подчеркивал он, — по отношению к различным нациям, ибо нет вещи хуже, чем недоверие

нации».[23] Имеются сведения и о непосредственном отношении В. И. Ленина к событиям, происходившим тогда в самом Хорезмском регионе, в том числе Левобережной Каракалпакии. Так, в выступлениях на VII (Апрельской) Всероссийской конференции РСДРП (б), I Всероссийском съезде рабочих и солдатских депутатов, 2 Конгрессе Коминтерна в работе которого участвовали и представители Хорезмской Республики),[24] был сделан ряд важных конкретных выводов об особенностях социально-экономического и политического развития Хивинского ханства и созданной на его месте Хорезмской республики, в том числе Левобережной Каракалпакии, были высказаны ценные соображения о реальных путях и методах борьбы народов этого региона за свое социальное и национальное освобождение.[25]

Дополнениями к этим основополагающим положениям явились и материалы съездов народных депутатов бывшего СССР а также материалы съездов народных депутатов Республики Узбекистан и Республики Каракалпакстан, проходивших за последние годы. Эти и другие важнейшие документы наших дней являются огромным импульсом в развитии методологии и теории нашего исследования, опираясь на которые можно с принципиально новых позиций осветить всё своеобразие социально-экономического и политического развития Левобережной Каракалпакии в 1917 — 1924 гг.

Основным источником для нас явились архивные документы, а также воспоминания самих участников борьбы за революционно-демократические и социалистические преобразования в этом далеком тогда от центра крае.

В различных архивах Москвы, Ташкента, Алма-Аты, Нукуса, Ургенча, главным образом в ЦГАОР (Москва), ЦГАНХ СССР (Москва), ЦГА УзССР (Ташкент), ЦГА КазССР (Алма-Ата) ЦГА ККАССР (Нукус), а также облархива Хорезма автором было обнаружено большое количество исключительно цен-

ного фактического материала. Многие из этих оригинальных документов вводятся в научный оборот впервые. Неоценимую помощь оказали нам и сборники архивных документов, изданные в Ташкенте, Алма-Ате, Ашхабаде. Это двухтомник «Иностранная военная интервенция и гражданская война в Средней Азии и Казахстане», «История Хорезмской Народной Советской Республики (1920 — 1924)»[26] и другие. Интересные сведения об истории каракалпакского народа, об особенностях развития населения самой Левобережной Каракалпакии в 1917 — 1924 гг. были найдены и в периодической печати, издававшейся на разных языках за годы Советской власти, прежде всего в газетах «Инклаб қуяши» («Солнце революции») орган ЦК Компартии Хорезма, «Известия», орган Полномочного представителя РСФСР, с 1923 г. — СССР, журналах, публиковавшихся в 1920 — 1924 гг. в самой Хорезмской республике, а также газетах «Амударьинские известия», «Советская Каракалпакия», «Туркестанская правда».

Архивные источники зачастую являются отрывочными, неполными, не всегда способствуют их пополнению и материалы периодической печати, где порой печатались явно противоречивые сведения, допускались неточности и разночтения. Поэтому особую ценность представляют воспоминания самих участников тех далеких событий. Считаем целесообразным более подробно остановиться на их месте и значении в материалах данной монографии.

Ряд воспоминаний, насыщенных большим количеством фактического материала, был напечатан в вышедших в разное время отдельных сборниках. Это сборник «Воспоминания участников Бухарской и Хорезмской революции» (Ташкент, 1930); сборник «Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Туркестане. Воспоминания участников», (Ташкент, Госиздат УзССР, 1957); сборник« Советский Туркменстан. Воспоминания участников революции и гражданской войны». (Ашхабад, Туркменгосиздат, 1963); сборник «За Советский Туркестан», Ташкент, Госиздат, УзССР, 1967); сборник «Революционеры, вожаки масс. (Славная плеяда коммунистов Узбекистана)» (Ташкент, Изд. «Узбекистан», 1987); сборник «Помнят древ-

ние стены...» (Ташкент, изд. «Узбекистан», 1970); сборник «Они боролись за Советскую власть. Воспоминания участников Октябрьской революции и гражданской войны в Каракалпакстане» (Нукус, изд. «Каракалпакстан», 1977). К этим материалам нужно добавить и публикации самих участников этих событий, выпустивших свои воспоминания в виде отдельных книг, брошюр. На наш взгляд, особого внимания в этой связи заслуживают книги: И. С. Кутякова «Красная конница и воздушный флот в пустынях (1924 г.)» (под ред. Б. Какурина с предисловием С. Буденного. М., Госиздат. Отдел военной литературы, 1930); М. Н. Щербакова «Таким было начало...» (Воспоминания о боевом походе Амударьинской группы войск в 1919 — 1920 гг.) (Ташкент, изд. «Узбекистан», 1964); Г. Капустина «В низовьях Аму-Дарьи» (Нукус, изд. «Каракалпакстан», 1967); А. Т. Пискунова «Годы огненные» Воспоминания. Нукус, изд. «Каракалпакстан», 1970), О. Халмуратова «Омирим мудам халк пенен» (Нукус, изд. «Каракалпакстан», 1973). Например, поистине уникальной является книга И. С. Кутякова, командовавшего частями Красной Армии, прибывший на помощь народам этого края в то трудное время, когда басмаческие отряды грозили существованию Советской власти в Хорезме, в том числе Левобережной Каракалпакии. В ней подробно рассказывается о героических сражениях за новую жизнь, о выполнении частями Красной Армии своей интернациональной, гуманистической миссии. «Прилагая сверхчеловеческие усилия, — писал в предисловии к этой книге маршал Советского Союза С. Буденный, — конная группа блестяще выполнила возложенную задачу и, пройдя 50-километровый поход в пустыне, положила начало мирному развитию социалистического строительства в Хорезме»,[27] в том числе Левобережной Каракалпакии.

Разумеется, к воспоминаниям, вышедшим в 30-е годы и позднее, необходимо относиться критически, учитывая усилившийся процесс идеологизации всей литературы, в том числе и легендарной.

При написании монографии широко использовалась и научная литература, выходившая в разные годы в

стране на каракалпакском, русском, узбекском, казахском и туркменском языках, имеющая отношение к различным аспектам изучаемой нами темы.

В книге впервые в научной литературе сделана попытка объективного воссоздания всего цельного своеобразного процесса социально-экономического и культурно-политического развития Левобережной Каракалпакии в 1917—1924 гг., который во многом отличается от процесса становления на социалистический путь развития соседних с ней районов среднеазиатского региона, в том числе от правобережной части самой Каракалпакии.

1. Впервые на сравнительно конкретном материале вычленяются особенности развития Левобережной Каракалпакии, своеобразные черты, отличающие его от процесса развития Правобережной Каракалпакии за годы их раздельного существования в составе разных государств.

2. Впервые делается попытка в широком монографическом плане исследовать весь сложный процесс борьбы за объединение всех каракалпакских земель в составе многонационального советского социалистического государства путем создания Каракалпакской автономной области, которая вначале вошла в состав Казахской АССР, а затем — непосредственно в состав РСФСР.

3. С новых, альтернативных позиций освещается в монографии и такой принципиальный вопрос, как вопрос о характере присоединения Каракалпакии к России.

4. С принципиально новых позиций рассматривается в монографии вопрос о своевременности провозглашения ХНСР социалистической республикой.

Фактические данные, приведенные в монографии, теоретические положения, обобщения и выводы, сделанные по всем затронутым в ней вопросам могут быть полезными при исследовании острых проблем межнациональных отношений в современных условиях, способствовать возрождению традиций интернационализма и сотрудничества народов Средней Азии и Казахстана, заложенных в 20-е годы. Исторический опыт тех лет их сотрудничества с бывшими республиками бывшего Союза, как нам видится, должна служить решению задач нашего времени, когда идет много дискуссий о путях

дальнейшего развития независимых государств, в частности о перспективах развития бывших автономных республик.[28]

Как и любой труд по истории нашего отечества, данная работа служит делу патриотического и интернационального воспитания людей, прежде всего молодежи.

Материалы исследования могут быть использованы в преподавании курсов «Отечественная история», «История Республики Узбекистан», «История Республики Каракалпакстан» в ВУЗах и школах республики.

ГЛАВА I. ЛЕВОБЕРЕЖНАЯ КАРАКАЛПАКИЯ В СОСТАВЕ ХИВИНСКОГО ХАНСТВА НАКАНУНЕ И В ПЕРИОД ЕГО ПАДЕНИЯ.

1.1. Внутриполитическая обстановка в Левобережной Каракалпакии в период Февральской и Октябрьской революции в России

По неравноправному договору от 12 августа 1873 года, навязанному царской Россией Хивинскому ханству после завоевания, исконная земля каракалпаков, компактно расположенная на обоих берегах реки Амударьи, вопреки воле самого народа была искусственно разделена между двумя государствами — Хивинским ханством и царской Россией.

Правобережная часть территории каракалпаков была отторгнута царизмом и насильственно включена в состав самой Российской империи, а Левобережная Каракалпакия по-прежнему оставалась в составе Хивинского ханства. В Правобережной Каракалпакии по воле царской власти для «удобства» правления был образован Амударьинский отдел, который входил в состав Сырдарьинского округа Туркестанского генерал-губернаторства. Центром для Амударьинского отдела был определен небольшой населенный пункт Турткуль. Главную роль в этом сыграло то, что Турткуль, находясь буквально у порога ханской столицы — города Хивы, имел важное стратегическое значение, являлся местом, откуда можно было оказывать прямое воздействие на ханскую власть.

А вся Левобережная Каракалпакия, составлявшая более двух третей всей территории нынешней Республики Каракалпакстан, включавшая территории Амударьинского, Ходжейлийского, Ленинабадского, Шуманайского, Кунградского и Муйнакского районов, в том числе все Приаралье и плато Устюрт, как и прежде, были оставлены в составе самого Хивинского ханства, с той лишь разницей, что и само оно тоже стало теперь зависимым от царской России вассальным государством, являясь протекторатом. Словом, было видно, что искусственное разделение территории каракалпаков на левобережную и правобережную части, да и сам факт определения Турткуля центром Амударьинского отдела преследовал прежде всего цель: «разделяй и властвуй», служил осуществлению колонизаторской политики царской России. Она являлась тогда «тюрьмой народов не только в силу военно-феодального характера царизма, не только потому, что буржуазия великорусская и поддерживает царизм, но и потому, что буржуазия... интересам капиталистической эксплуатации принесла в жертву свободу наций».[1]

Левобережная Каракалпакия, как и вся Хива, была многонациональной. Вместе с каракалпаками, насчитывавшими тогда около 44 тыс. человек[2] жили узбеки, туркмены, казахи, представители других национальностей.

Как отмечают исследователи истории дореволюционной Каракалпакии академик С. К. Камалов, доктор исторических наук Р. К. Косбергенов, каракалпаки (в Хивинском ханстве) главным образом жили на окраинах Кунградского земледельческого оазиса — Шуманае, Кият-Жаргане и в районе Куня-Ургенча. Они встречались отдельными мелкими группами и в других местах ханства. По образу жизни, типу хозяйства, культуре, быту хивинские каракалпаки не отличались от правобережных. Все они составляли единый, но насильственно разобщенный народ.[3]

Общественно-политический строй Хивинского ханства, в том числе Левобережной Каракалпакии, после превращения его в протекторат России, почти не изменился, т. к. правители Хивы были заинтересованы в сохранении старых порядков государственного устройства и общественной жизни. В делах внутреннего

правления хан по-прежнему оставался неограниченным деспотом, воля которого была законом для подданных; ему принадлежала высшая законодательная, административная и судебная власть.

Кочевое и полукочевое население Хивинского ханства, в частности каракалпаки, казахи, туркмены, управлялись своими родовыми старшинами. Так, каракалпаки — аталыками и биями, туркмены — беками, вакиль, кеткуда, казахи — биями. Каракалпакские бии возглавляли мелкие родовые группы и подчинялись аталыкам, которые управляли более крупными родовыми подразделениями. Аталыки подчинялись особым хивинским чиновникам, как правило, из самих каракалпаков и назывались они беглербеги, то есть управляющими главными родовыми подразделениями. По данным того же специалиста — Р. Косбергенова, в конце XIX — начале XX в. в. каракалпаков онторт уру возглавлял Кутлуг-Мурат беглербеги, а конгратов — Шарибай (он управлял родами кият и ашамайлы), Кошан (родами отделениями жуунгыр — казаяклы и баймаклы), Жусуп (родами теристамгалы, айллы, тиекли, шомак).[4] Каждому беглербеги подчинялись четыре аталыка, а последним, в свою очередь — по четыре бия. Права беглербеги, аталыка и бия передавались от отца к сыну. Как правило, сыновья должностных лиц воспитывались в Хиве. Иногда в распоряжении беглербеги и аталыков находились жузбасы, ведавшие военными отрядами — сотнями («жузбасы» — сотник).[5]

Хивинское ханство было типичным феодальным государством, во главе с верховным собственником всех земель — ханом, который, как отмечает академик М. Ю. Юлдашев: «Не только имел обширные угодья, но и полновластно, как своей собственностью, распоряжался государственной землей».[6]

В Левобережной Каракалпакии, как и во всем Хивинском ханстве, мульковые земли в податном отношении разделялись на три категории: ярлыклы-мульк, мульк и атаи-мульк.

Например, атаи мульк возникли в начале XIX в., их владельцы вместо поземельной подати платили подворную, взимаемую не пропорционально количеству принадлежавшей им земли, а сообразно тому разряду, к

которому плательщики подати причислялись по имущественному положению. Каракалпакские атаи-мульклары, в отличие от узбекских, платили не подворную, а кибиточную подать в размере 21 таньга с хозяйства. Притом характерно, что атаи-мульк был основной формой землевладения у хивинских каракалпаков в конце XIX — начале XX вв. Наиболее крупными землевладельцами среди хивинских каракалпаков являлись представители знати, в руках которых из поколения в поколение, из рода в род концентрировались лучшие земельные участки.

Одной из наиболее характерных форм землевладения в Хивинском ханстве были вакуфы — земли, пожертвованные духовным учреждениям. Вакуфные земли большей частью сдавались в аренду безземельным крестьянам за десятую часть урожая. Все сборы с таких земель должны были поступать в распоряжение духовных учреждений, но обычно расхищались ханскими чиновниками и духовенством.

Тяжелым бременем для трудового населения Левобережной Каракалпакии являлась сама порочная налоговая система, которая открывала широкий простор для грабежа населения. Подать взималась любыми средствами. Почти вся администрация была причастна к сбору налогов, ибо все налогосборщики не получали определенного содержания от хана и «жили исключительно на те средства, какие удавалось ей добыть с населения сверх установленных норм».[7]

Наибольшую тяжесть испытывало трудовое население Левобережной Каракалпакии от ирригационной повинности — очистки сложной сети оросительных каналов от наносов амударьинского ила, возведения взамен неисправных головных сооружений, арыков, тарнау, дамб, мостов, ремонта дорог. Казу[8] в каракалпакских районах производились на каналах Шуманай, Кият-Жаргана, Бек-яб и др. Как правило, ирригационную повинность использовали как источник дохода. По установленному порядку из каждых ста рабочих, посылавшихся на казу, 8 могли откупиться. Практически же за взятку мог откупиться любой, в результате чего постоянно отбывали эту повинность лишь бедняки, не имевшие возможности дать отступного. Систематические злоупотребления и бесчинства организаторов

казу приводили к тому, что каналы из года в год очищались все хуже и хуже, вода в них убавлялась.[9]

Как свидетельствуют многочисленные документы, вода служила средством эксплуатации и порабощения дехкан. Например, чтобы провести канал через землю феодала-землевладельца, обязательно надо было получить его разрешение, за что собственник земли получал особое вознаграждение. И это кроме того, что он свободно пользовался водой из этого арыка. Зачастую земледельцы закрывали арыки, прекращали подачу воды на дехканские поля, требуя с дехкан обработать их земли. «Хивинский хан, — как справедливо замечает профессор А. Садыков, — стремясь держать в подчинении туркмен и каракалпаков, не заботился об оросительной сети, находившейся на их землях, а когда они пытались сами организовать орошение, хан всячески препятствовал этому».[10] Конечно, каракалпаки, туркмены, казахи много раз выступали против ханского произвола. Обращались они с жалобой и к царскому правительству. Но выступления народных масс жестоко подавлялись ханом при поддержке царких войск, а жалобы не принимались во внимание.

Такое положение было обычным делом в Хивинском ханстве, т. к. ханская власть не предпринимала никаких мер по благоустройству страны. Из поступавших в его казну средств лишь незначительная часть расходовалась на государственные цели. Основная же масса составляла личный доход хана и правящей верхушки.

На правом берегу Амударьи тоже свирепствовали тяжелые колонизаторские порядки, но по сравнению с хивинской частью, дело обстояло сравнительно легче. Поэтому часть населения Левобережной Каракалпакии перекочевывала в Правобережные районы. И это было особенно заметно среди самих каракалпаков, которые не поддавались никаким уговорам местной администрации, требовавшей их возвращения обратно.

Следует заметить, что и хозяйственная жизнь левобережных каракалпаков отличалась от быта правобережных каракалпаков. Если на правом берегу кочевниками были лишь 4,9% всего каракалпакского населения, то на хивинском — 36%.[11] Скот у левобережных каракалпаков издавна служил мерилом богатства — все продукты и товары оценивались путем перевода на единицы стоимости скота. Каракалпаки Кунградского и Шуманайского бекств являлись основными поставщиками крупного рогатого скота на всех базарах оазиса.

Для отдельных племенных групп (муйтен, балгалы, ашамайлы, кият) — ведущим занятием и главным источником питания и дохода было рыболовство.

Положение каракалпаков-рыбаков, живущих на морском побережье и в северо-западной части дельты Амударьи, тоже было крайне тяжелым. Примитивная техника рыболовства не позволяла им использовать в полной мере рыбные богатства Аральского моря. Из-за отсутствия рыболовных снастей бедняки нанимались к зажиточным сородичам. Все лучшие рыбные места обычно считались собственностью хана и сдавались в аренду местным рыбопромышленникам.[12]

В связи с появлением в низовьях Амударьи русских рыбопромышленников, рыбный промысел обогатился новыми орудиями лова — сетями, усовершенствованными лодками и др., однако положение бедняков от этого не улучшилось. В погоне за прибылью местные рыбопромышленники еще больше усилили эксплуатацию промысловых рабочих. Рыбный промысел все больше приобретал товарный характер. Из всей пойманной рыбы лишь четвертая часть лова оставалась в оазисе для питания населения, а вся остальная вывозилась в Россию: через Кунград, Казалинск на Оренбург и через Чарджуй по железной дороге.

Характерно, что все рыболовецкие участки по Аралу в пределах хивинской территории были распределены между крупными рыбопромышленниками, а на долю бедняков оставалась ловля в мелких озерах и прудах. Левобережная беднота притеснялась не только местными хозяевами промыслов, но и рыбопромышленниками соседнего Амударьинского отдела. Об этом красноречиво свидетельствует категорическое напоминание хивинским властям начальника Амударьинского отдела от 13 июня 1913 г. Он писал: «Согласно пунктам 6 и 8 мирного договора с Хивой, русские предприниматели вправе устраивать на свободных хивинских землях вблизи русских вод промысловые заведения и

производить промысл и торговлю беспрепятственно и беспошлинно. Притязание местных жителей к русским промышленникам не должно иметь места».[13]

Под влиянием развития капиталистических отношений в Левобережной Каракалпакии, как и во всем Хорезмском оазисе, постепенно развивалась торговля. Центрами торговли здесь являлись Кунград, Ходжейли, Куня-Ургенч, Жаны-Кала (Шуманайское бекство), Яккубай-Кала (близ Урги), в которых дважды в неделю собирались многолюдные базары.

Однако общественный строй каракалпаков и формы эксплуатации трудовых масс феодально-байской верхушкой и теперь оставались такими, какими они были и раньше до прихода русских. По-прежнему преобладали патриархально-феодальные отношения, устойчиво сохранялось родоплеменное деление на арысы (группы) — конград и он-торт уру, племена, роды, родовые подразделения и самые мелкие родственные деления — коше.

Население каждого аула обычно состояло из членов одного родового подразделения. Земли жителей аула были смежными: водой пользовались из общего канала, иногда носившего родовое название (Киятжаб, Киятжарган, Кенегес-жаб и т. д.).[14] Такое положение было на руку эксплуататорским классам, которые широко пользовались этим для удержания в повиновении дехкан.

Таким образом, основные формы эксплуатации трудовых масс Левобережной Каракалпакии в большинстве случаев отражали особенности патриархально-феодальных отношений. Причиной этого был низкий уровень развития производительных сил и условия натурального и полунатурального хозяйства, оснащенного примитивной техникой. Сама феодальная система Хивинского ханства способствовала консервации пережитков родового быта и феодальных отношений у каракалпаков.

Развитию производительных сил препятствовало и то, что в каракалпакских, казахских и туркменских районах все еще преобладала общинно-родовая форма землепользования, поддерживаемая родоплеменной знатью в эксплуататорских целях. Как указывалось в одной из статей, напечатанных в 1875 году в «Туркестанских ведомостях», «каждый род каракалпаков имеет свои площади земель, принадлежавшие всем членам общества», то есть всему родовому подразделению.[15] Такая форма землепользования маскировала феодальную собственность баев, аксакалов, аталыков, которые полностью распоряжались этими землями, заставляя работать на себя рядовых членов общин. Более того, эти земли находились в потомственном владении. «Если каракалпак,—говорилось в той же статье,—какого-либо рода желает получить участок земли, принадлежащий другому роду, то он должен его купить... (и) он становится «биватань», то есть вроде арендатора, платя хозяину известную часть урожая».[16] Необходимо учесть и то, что и сама почва в районах, населенных каракалпаками и казахами, была менее пригодна для земледелия. Ежегодные разливы Амударьи способствовали образованию множества озер и болот. А ханское правительство не заботилось об улучшении ирригационной системы. Поэтому в каракалпакских районах ханства (от Ходжейли до Кунграда) земледелием занимались несколько иным методом, чем в орошаемых районах ханства, то есть здесь не соблюдалось чередования культур.[17]

Начиная с конца XIX века в сельском хозяйстве Хивы усиливается процесс разложения натурального хозяйства,[18] это явилось результатом товарно-денежных отношений. Под влиянием роста потребностей промышленности России в сырье хозяйственные связи ханства с Россией укладывались в схему «колония-метрополия». В Левобережной Каракалпакии, как и на всей территории Хивинского ханства, земли стали сдаваться в концессии российскому капиталу, который вместо освоения свободных земель, направил свои усилия на захват земель коренного населения, причем к моменту первой мировой войны концессии приобрели небывалые масштабы.[19]

Характерно, что захват новых земель у коренного населения в ханстве опять же в большей степени касался именно каракалпакских районов Хивы. Это проводилось вопреки воле и желанию трудового народа, неоднократно выражавшего свое глубокое возмущение против такой политики. Действия разного рода дельцов-махинаторов, все больше приобретавших новые земли

в Хиве, вызывали недовольство даже царской администрации. Опасаясь всерастущей захватнической деятельности владельца хлопкоочистительного завода и нескольких торговых лавок в Ходжейли некоего Сафарянца, начальник Амударьинского отдела полковник Колосовский 12 декабря 1914 г. писал: «Года два или три тому назад русскоподданный армянин Сафарянц, проживающий в Ходжейли, в больших размерах начал скупать за бесценок, пользуясь различными долговыми обязательствами и фиктивными документами, землю у окрестного населения, из среды которых многие благодаря этому совершенно разорялись».[20]

Необходимо отметить и то, что для каракалпаков и соседних с ними казахов и туркмен большим злом являлись бесконечные родовые и племенные распри, феодальные мятежи и интриги, постоянно разжигаемые самой ханской властью и царизмом. Главной причиной подобных столкновений был вопрос об орошаемых землях, который использовался в корыстных целях правящими классами. Узбекская феодальная аристократия сосредоточила всю политическую власть в ханстве в своих руках и стремилась держать в зависимости каракалпаков, туркмен, казахов и другие народы Хивы. Она захватила самые плодородные земли и главные арычные системы, оставляя этим народам малоорошаемые земли в низовьях канала. Хан и его окружение пользовались этим преимуществом всякий раз, когда нужно было оказать «воздействие» на каракалпаков, казахов, туркмен.

Такое положение сохранилось в Хиве и после ее завоевания царской Россией, т. к. царизм не принимал никаких мер, чтобы ограничить деспотическую власть хана и окружающей его феодальной клики, даже наоборот, делал все возможное, чтобы сохранить ее. Для осуществления колонизаторской политики царизма в Хиве неоднократно использовались царские войска, находившиеся при начальнике Амударьинского отдела. Но это вполне удовлетворяло самого хана и его окружение. Многочисленные документы того времени свидетельствуют о том, что царские войска нередко использовались в корыстных целях самой узбекской феодальной аристократией. Через хивинского хана она добивалась организации карательных акспедиций против каракалпаков, казахов, туркмен, выразивших свое нежелание подчиняться притязаниям хана и его чиновников. Так случалось не раз. Например, в феврале 1905 года, когда несколько тысяч человек в Кунграде, до предела возмущенные махинациями местного бека Байгуренова, встретили его криком «ур» («бей»). На их «усмирение» тут же была послана сотня астраханского полка. «Ваши обязанности в Кунграде сводятся к тому, — говорилось в специальной инструкции начальника Амударьинского отдела командиру этой сотни, — что вы командированы с сотней для прекращения беспорядков в городе Кунграде и его окрестностях, беспорядков туземцев».[21]

Следует особо отметить, что правящие круги больше всего беспокоили именно те районы, в которых было больше русскоподданного населения. К числу таких районов как раз и относились районы Левобережной Каракалпакии, которые будучи расположенными в нижнем течении Амударьи вблизи Аральского моря явились местом, где в основном сосредоточены все русскоподданные, оказавшиеся в этих краях. «Левая сторона устья Амударьи и прилегающие острова Аральского моря Токмак-Ата (ныне—город Муйнак—К. П.), где пребывает большое число русскоподданных, занимающихся рыболовством, ... — говорилось в одной из докладных записок, отправленных тогда в Петербург,—оказываются убежищем всяких неблагонадежных в нравственном отношении людей».[22]

Однако, вопреки воле правящих кругов, союз русских рабочих и трудящихся левобережной Каракалпакии, как и всего населения Хорезмского оазиса, все больше укреплялся и со временем превратился в определяющую силу в борьбе за свержение ханской власти в Хиве. Как справедливо отмечали исследователи истории дореволюционного Хорезма Я. Досумов, С. Камалов, К. Мухамедбердыев, Г. Непесов, А. Садыков, особую роль в этом сыграли русские революционеры, высланные сюда из городов: Петербурга, Москвы, Киева, Баку и других. Такими были, например, Н. А. Андреев, живший в ханстве с 1896 г., А. Сафонов, прибывший в Хиву в 1898 г., сосланные царским правительством за революционную деятельность в студенческих кружках Петербурга. Всеобщее признание у местного населения края получили тогда Д. Д. Головяшкин (один из быв-

ших руководителей Чарджоуской организации РСДРП), А. В. Качанов, А. С. Косьяненко, В. Д. Луценко, М. М. Дорохов и многие другие, скрывавшиеся от преследования царской власти.[23]

Население Левобережной Каракалпакии, как и все трудящиеся Хивинского ханства, с определенной надеждой встретили известие о низвержении царского самодержавия и победе Февральской буржуазно-демократической революции в России. В городах ханства Ходжейли, Кунграде, проходили собрания, митинги, демонстрации.

Серьезное революционизирующее влияние на население Левобережной Каракалпакии, как и всей Хивы, оказывали в тот момент русские солдаты, находившиеся в пределах ханства, в частности в каракалпакских городах Ходжейли, Кунград, Муйнак. Именно они—русские солдаты—были инициаторами начала повсеместных революционных волнений почти на всей территории ханства. Они открыто выразили свою готовность организовать совместно с трудящимися Хивы всеобщее восстание против существующих здесь порядков, свергнуть хана.

В характеристике состояния войск Туркестанского военного округа за октябрь 1917 г. отмечалось: «В Хиве по-прежнему недружелюбное, даже неприязненное отношение солдат к командному составу, наблюдается большой непорядок (во) внутренней жизни войск».[24] При этом следует подчеркнуть, что инициатором и организатором этого был Хивинский Совет солдатских и казачьих депутатов, который пользовался авторитетом не только среди русских солдат и рабочих, но среди определенной части местного населения.

Известие о победе буржуазно-демократической революции в России способствовало активизации местной национальной буржуазии, возглавляемой тогда так называемой партией младохивинцев, которые являлись в тот момент единственной организационной политической силой в ханстве.

Учитывая, что проблема младохивинского движения в Хорезме, точнее, вопрос о роли и месте партии младохивинцев в социально-экономическом и политическом развитии Левобережной Каракалпакии в исследуемый нами период по-прежнему остается одним из самых малоизученных, к тому же неоправданно запутанных аспектов в отечественной историографии, считаем целесообразным хотя бы коротко остановиться на нем. Тем более, это нужно сделать сейчас, когда настала возможность открыто, без боязни обвинения в национализме, приклеивания оскорбительных ярлыков и других подобных «грехах», сказать свое слово обо всех «белых» и «черных» пятнах истории наших народов.

Известно, что партия младохивинцев выражала в основном интересы средних классов населения — частных предпринимателей, торговцев, банкиров, словом, деловых людей самых разных занятий. Это партия буржуазно-националистического толка, она главным образом состояла из узбекской части населения Хорезмского общества. Но благодаря своей реформаторской деятельности находила поддержку и со стороны патриотических сил других народов (каракалпаков, казахов, туркмен), населяющих этот большой регион.

Партия младохивинцев приложила все усилия, чтобы захватить инициативу и использовать растущее народное движение. Их реформаторские устремления, направленные на проведение в ханстве некоторых демократических преобразований — перейти от феодальной деспотии к конституционной монархии, уничтожить средневековую систему «кормлений» и откупов, ввести местное самоуправление и реформировать школу — создавали им оправданный авторитет среди населения. Но младохивинцы, будучи прежде всего защитниками интересов торгово-ростовщической буржуазии, тесно связанной с феодальным способом производства, боялись провести какие-либо заметные изменения в социальном строе ханства. Об этом свидетельствует, например, их унизительное обращение к хивинскому хану Исфендияру с просьбой: «Всемилостивейший мой царь! Пришедшие к тебе твои подданные просят дать им свободу согласно шариату».[25] И младохивинский меджлис (парламент), созданный тогда, вскоре был ликвидирован ханом, нашедшим поддержку у Временного правительства России, которое проводило прежнюю великодержавную политику царской власти.

Решающим фактором, создавшим реальные условия для освобождения народов Левобережной Каракалпакии, как и всей Хивы, от оков деспотической ханской

власти, явилась победа Октябрьской революции в России, помощь и поддержка советского государства во главе с В. И. Лениным, который еще до революции заявлял: «Мы совершенно не хотим, чтобы хивинский мужик жил под хивинским ханом (следовательно, и каракалпакский — К. П.). Развитием нашей революции мы будем влиять на угнетенные массы».[26]

Последовательное осуществление Советским государством гуманистической национальной и внешней политики, в частности создание национальных автономных республик и областей внутри страны, отмена неравноправных договоров, соглашений, заключенный царским и Временным правительствами, установление и провозглашение равноправных дружественных отношений с соседними Афганистаном, Турцией и другими странами Востока—все это оказало сильное революционизирующее влияние на народы хивинского ханства. Особенно ярко это проявилось в его каракалпакских районах, то есть Левобережной Каракалпакии.

Однако, в конце 1917 начале 1918 гг. революция в Левобережной Каракалпакии, как и во всем Хивинском ханстве, не произошла. Наоборот, был установлен жестокий военно-феодальный режим.

Разумеется, случившееся имело вполне объективные причины. Местное дехканство и городская беднота еще не были готовы к массовой революционной борьбе. Далеко не все трудящиеся осознали необходимость выступления против хивинского деспотизма, хотя и ненавидели хана и всю хищную феодальную систему. Поэтому выступления русских солдат в Хиве, призывавших трудящиеся массы совместно выступить против ненавистной ханской власти, не получили в этот момент активной поддержки со стороны местного населения.

1.2. Левобережная Каракалпакия под властью военно-феодальной диктатуры. Влияние Правобережной Каракалпакии

С самого начала установления военно-феодальной диктатуры здесь свирепствовал жесточайший террор. Резко

ухудшилось экономическое положение. Немногочисленные фабрики и заводы прекратили работу из-за отсутствия сырья и топлива. Ирригационные сооружения — основа сельского хозяйства — не ремонтировались. Посевные площади в 1919 г. в ханстве сократились втрое, поголовье скота — вдвое. В стране свирепствовал голод.

Контрреволюционная диктатура в Хиве должна была разрешить две тесно связанные между собой задачи: во-первых, не допустить развертывания революционного движения в самом ханстве, в том числе в Левобережной Каракалпакии, сближения ее населения со своими братьями, Правобережной Каракалпакией, во-вторых, вести борьбу с советской властью в Туркестане.

Миролюбивая внешняя политика Советского государства, его национальная политика, наличие Советской власти в Правобережной Каракалпакии с городами Петро-Александровск (Турткуль), Нукус и Чимбай, уже тогда начали оказывать положительное влияние на развитие классового самосознания дехканских масс и городской бедноты. Особенно важную роль стал играть именно Турткуль — центр Амударьинского отдела,[27] где уже в самом начале 1918 г. был создан Совет рабочих и солдатских депутатов, в распоряжении которого находился отряд красноармейцев и вооруженный отряд рабочих.[28] В Турткуль бежали политические эмигранты из Хивы, где они находили бескорыстную поддержку у местной власти.

Советская власть в Правобережной Каракалпакии быстро стала приобретать политическое значение для всей патриотически настроенной части населения Хивинского ханства, по образному определению одного из исследователей истории народов Хорезмского региона, она была для них «светочем надежды».[29] Вместе с тем, Правобережная Каракалпакия, в частности город Турткуль, прикрывал с севера путь на Чарджоу — основную базу Закаспийского фронта, боевую революционную крепость в левобережье Амударьи. В Турткуле создавался штаб хивинских революционеров. Успехи трудящихся Правобережной Каракалпакии в борьбе за новую жизнь

являлись самой наглядной агитацией для народов Хивинского ханства, способствовали росту их симпатий к Советской власти. Например, в результате претворения в жизнь Декрета о земле безземельные и малоземельные дехкане Правобережной Каракалпакии были наделены землей, живым и мертвым инвентарем, семенами зерновых культур и т. д.

Следует подчеркнуть, что в условиях военно-феодальной диктатуры не могло быть и речи о непосредственной помощи левобережным каракалпакам в их борьбе против гнета. Только исключительно осторожная внешняя политика Советской России, учитывавшая всю специфику обстановки в Туркестане и Хивинском ханстве, могла обеспечить определенное влияние на угнетенные массы каракалпаков.

Весомую лепту в налаживании отношений с угнетенными народами ханства внесла подготовительная работа по заключению мирного договора между РСФСР и Хивинским ханством, подписанного 9 апреля 1919 г. в самый разгар гражданской войны и военной интервенции.

По этому договору, подписанному в резиденции Джунаидхана в ауле Бедиркент, вблизи крепости Тахта (ныне районный центр в Ташаузской области), предусматривалось не только прекращение военных действий и установление добрососедских отношений между Хивой и Россией, но, что особенно важно, признавалось за всеми народами Хорезма право на самоопределение.

Для поддержания дружеских отношений обе стороны должны были обменяться представителями: хивинскому правительству предоставлялось право держать своих представителей в Москве и Ташкенте, а Российскому Советскому правительству — в Хиве.

Обе стороны гарантировали друг другу свободное и безопасное передвижение по всем водным и сухопутным путям сообщения в пределах их территории в коммерческих и других целях.

Договор был ратифицирован от имени правительства РСФСР Исполнительным комитетом Туркестанской АССР и хивинским ханом Саид Абдуллой. Подпись ха-

на носила в данном случае лишь формальный характер, т. к. он, по меткому замечанию одного из активных участников тех политических событий в Левобережной Каракалпакии, оставался «живой бесплотной тенью» — в руках Джунаидхана.

Подписание мирного договора между РСФСР и Хивинским ханством было встречено с одобрением не только со стороны трудящихся Правобережной Каракалпакии, но и со стороны всего трудового народа Левобережья, всего населения Хивинского ханства. Гуманные условия договора еще больше повысили авторитет Советской республики в глазах народов ханства, усилили ее влияние на национально-освободительную борьбу. «Чрезвычайную миссию, — пишет И. М. Федько, член делегации РСФСР, подписавший этот договор, — торжественно встречал трудовой народ Хивинского ханства — люди заполнили улицы, забрались на заборы и крыши домов. Отовсюду неслись возгласы: «Да здравствует мир и дружба между народами Туркестанского края и Хивинского ханства».[30] «Под древней Хивой и в самом городе миссию с большой радостью встречали тысячи хивинцев. На всех улицах заборы, крыши домов и деревья были усеяны людьми— отмечал другой участник этой миссии».[31]

Материалы доказывают, что главным инициаторами подписания мирного договора с Хивой в тот столь сложный для Советской страны период были именно представители самой Советской правобережной Каракалпакии — Амударьинского отдела ТАССР, которые учитывали неоднократные обращения и настоятельные просьбы посланцев своих братьев из Левобережной Каракалпакии, стремившихся как можно скорее избавиться от тирании ханской власти и объединиться с Правобережной».[32]

Сама обстановка, сложившаяся тогда как в Советской республике, так и на международной арене, настоятельно требовала безотлагательного решения этого вопроса. Словом, данный вопрос в тот промежуток времени далеко выходил за рамки своего местного значения.

Во-первых, надо было принять срочные меры, направленные на обуздание агрессивных устремлений

Джунаидхана, который не только постоянно угрожал мирной жизни в Советской Правобережной Каракалпакии Амударьинского отдела, но и был потенциальным союзником международного империализма.

Во-вторых, надо учесть, что это был период, когда внутренняя контрреволюция совместно с международным империализмом начала комбинированный поход против молодого Советского государства. Советский Туркестан оказался снова отрезанным от центра России. В его Закаспийской части еще с лета 1918 г. продолжал свирепствовать жесточайший террор контрреволюционеров, с помощью английских интервентов установивших здесь свою власть.

В-третьих, Джунаидхан имел связь с эмиром Бухары Саид Алимханом, готовившим против Советской республики «священную войну» («газават»). Между Джунаидханом и Саид Алимханом был заключен военно-политический союз, всецело направленный против Советской власти.[33] «Я решил двинуть свои войска и начать войну. Для этого я снесся с правительством Хорезма (Хивы)», — *писал впоследствии* Саид Алимхан *в своем меморандуме* на имя Лиги Наций.

В-четвертых, Джунаидхан имел также непосредственную связь и с Колчаком, армия которого насчитывала тогда (весной 1919 г.) до 400 тысяч человек. Колчак лично обратился к Джунаидхану с предложением о совместном выступлении против Советской республики,[34] послал в Хиву специальную военную миссию во главе с полковником Худяковым.[35]

Позитивную роль в развитии национально-освободительного движения в Левобережной Каракалпакии сыграло создание в Турткуле—в центре Советского Амударьинского отдела Туркестана — Турткульского комитета партии младохивинцев.[36] Возглавил комитет Джуманишт Султанмурадов, который в отличие от бывших лидеров младохивинцев, после разгрома их партии ханской властью летом 1917 г. бежавших в Ташкент и другие города Средней Азии, остался здесь, рядом с Хивой. Он сразу же установил тесную связь с Советской властью в Амударьинском отделе, вступил в ряды коммунистической партии. Особенно важно, что он входил в состав Турткульского комитета младохивинцев. Возникла Хивинская Коммунистическая группа, которая действовала в виде отдельной Коммунистической фракции.

Особую активность в деятельности данной группы проявляли выходцы из Левобережной Каракалпакии, у которых была большая возможность держать тесную связь со своими братьями в Правобережной Каракалпакии.

В результате Хивинская Коммунистическая группа со своим штабом в городе Турткуле с самого начала своего возникновения выступила как боевая революционная организация и была в доверии у самых широких масс трудящихся. Уже весной 1919 г. из членов этой группы в городах Ходжейли, Кунград, населенных пунктах Кипчак, Мангит, Клычбай и других частях Левобережной Каракалпакии были созданы первые подпольные ячейки. Они ставили перед собой задачу избавления от феодального гнета в Хиве.[37] С помощью этих первых коммунистических ячеек распространялась среди населения литература, призывающая народные массы на решительную борьбу с ханской властью.

Исключительно важным моментом политической жизни Левобережной Каракалпакии было то, что при Туркестанском младохивинском комитете была организована особая военная дружина в количестве около 500 человек, поставившая себе задачу свержение ханской власти в Хиве. Дружина в основном состояла из самих хивинцев, бежавших сюда из различных частей ханства, спасая свою жизнь от жесточайшего произвола, чинимого со стороны ханской власти и басмаческих отрядов.[38]

Дружина хивинцев, превратившаяся впоследствии в целую добровольческую армию,[39] сыграла важную политическую роль в победе народной революции в Хиве, в ее каракалпакских районах. Примечательно, что чи-

сленность этого отряда росла не только за счет вступления в его ряды беженцев с левого, хивинского берега Амударьи, но и за счет добровольцев-дехкан местных национальностей правого, советского берега, а именно каракалпаков, узбеков, туркмен, казахов, разоренных в результате неоднократных набегов ханских войск на правый берег. «За время происходящих военных действий прибрежные жители Амударьинского отдела совершенно разорены. Дома их разрушены, скот угнан, инвентарь увезен, перед нашими глазами представляется большой кадр бездомных голодающих людей»,[40] — говорится в одном из архивных документов того времени.

1.3. Падение Хивинского ханства и образование Хорезмской Народной Советской Республики.

Вся внутренняя и внешняя политика ханской власти в Хиве всецело направлялась на подготовку к войне против советской страны. Это выражалось в неоднократных нападениях на Советскую Правобережную Каракалпакию — Амударьинский отдел, резком усилении различных налогов. Все это ставило перед явной катастрофой советскую власть в данном регионе.

Осень 1919 г. в Левобережной Каракалпакии, как и всей территории ханства, все больше нарастал тяжелый экономический кризис. «Весьма незначительная промышленность Хивы, — писал тогдашний Полномочный представитель РСФСР в Хиве А. Измаилов, — сейчас разрушена. Заводы: хлопкоочистительные, маслобойные и мыловаренные, принадлежащие русским фирмам, почти все разрушены и восстановить их, даже прислав недостающие части, невозможно... Из 11 хлопкоочистительных заводов, бывших в Хиве, 5 совершенно уничтожены и остальные пострадали от хищений. Только один завод (Ходжейлийский хлопкоочистительный — К. П.) подает надежды на восстановление».[41]

В еще худшем положении находилось сельское хозяйство. Ирригационные сооружения — основа сельского хозяйства Левобережной Каракалпакии — не реконструировались. За годы правления военно-феодальной диктатуры площадь посевов всех сельскохозяйственных культур уменьшилась по сравнению с 1917 г. втрое.[42] Почти наполовину сократилось и поголовье скота. Из более 1,3 млн. голов скота в 1917 г. к концу 1919 г. его осталось лишь 0,7 млн.[43] В 1919 г. было получено всего лишь около 100 тысяч пудов хлопкового волокна, которое пошло целиком на выделку кустарных тканей.[44]

Предчувствуя приближение своей гибели ханская власть в Хиве начала принимать еще более жестокие меры, направленные на подавление революционных выступлений трудового народа. Стремясь хотя бы как-то укрепить свою пошатнувшуюся власть, правительство Хивы осенью 1919 г., буквально перед началом всенародного восстания в Хиве, объявило, что русские деньги не имеют хождения в пределах Хивинского ханства.[45] Началось изъятие из обращения золотых, серебряных монет, вместо которых выдавались бумажно-шелковые денежные знаки, фактически не имеющие никакой денежной стоимости. В срочном порядке был предпринят и ряд других мер. Но положение было такое, что ни эта «реформа», ни другие изощренные меры, экстренно предпринимаемые правящими кругами, не могли уже приостановить все растущее недовольство широких слоев населения Хивы.

Невиданно жестокий режим, установленный в ханстве, причиняющий всем народам неисчислимые бедствия и страдания, не мог сломить стремления трудящихся к национальному и социальному освобождению. Наоборот, он привел к еще большему росту революционного самосознания масс. Об этом красноречиво свидетельствуют многочисленные архивные документы, хранящиеся ныне в различных фондах ЦГАСА СССР, ЦГАР СССР, ЦГАОР Республики Узбекистан, ЦГА Республики Каракалпакстан и других архивных хранилищах страны.

Всеобщий кризис, наступивший в результате явной антинародной политики ханской власти, охватил теперь и сами эксплуататорские классы. Обострились противоречия внутри феодального класса: между узбекской частью феодалов, окружавших хана Сейд Абдуллу (фактически отстраненного от управления страной), с одной стороны и туркменскими феодалами, окружавшими Джунаидхана, с другой.[46] Проявляли решительное недовольство и каракалпакские, и казахские феодалы, на-

ходившиеся в тесной связи с контрреволюционными силами, орудовавшими на территории Правобережной Советской Каракалпакии, прежде всего с уральскими белоказачьими отрядами во главе с Фильчевым.

Все это свидетельствовало о том, что военно-феодальная диктатура в Хиве постепенно теряла под собой почву и к концу 1919 г. стала клониться к упадку. Никакие контрреволюционные меры «не могли теперь задерживать развития революционного движения среди широких крестьянских масс,—писали тогда «Известия» ТуркЦИКа в редакционной статье, посвященной положению в Хиве. «Все мирные жители (ханства—К. П.) — узбеки, казахи, каракалпаки перешли к нам (то есть на сторону патриотических сил, выступавших против существующего режима — К. П.). Около Джунаидхана группировалось только племя орсукчи, из которого он сам происходит».[47]

Итак, по всему было видно, что многовековому господству феодального деспотизма в Левобережной Каракалпакии приходил конец.

Восстание народных масс против ханской власти стало приобретать все более антифеодальный характер. Притом особенно острыми оно было именно в северной части ханства, где проживали в основном каракалпаки, туркмены, казахи — наиболее угнетенная масса населения.

Решительные выступления против ханской власти начали происходить в районах Куня-Ургенча, Ходжейли, Кунграда уже в сентябре—октябре 1919 г. Они носили еще стихийный характер, но довольно быстро распространились и на остальные районы ханства, что объяснялось давно накопившейся всеобщей ненавистью населения страны к существующему здесь жесточайшему военно-феодальному режиму.

Первое, самое решительное сражение революционных сил с ханской властью произошло 22—23 января 1920 г. в районе Газават, что расположен почти рядом с главной резиденцией Джунаидхана Безиркентом. Джунаид был разбит и бежал в пески Каракумов.

Народная революция в Хиве в частности, в Левобережной Каракалпакии, вступила в решительный этап своего развития. Было образовано Временное революционное правительство в составе пяти человек — младохивинский ревком. Председателем его стал Джуманияз Султанмурадов, бывший председатель Турткульского комитета партии младохивинцев, который действовал в полном согласии и доверии с представителями Советской Правобережной Каракалпакии.

Однако это еще не означало победу народной революции в Левобережной Каракалпакии. Наряду со вновь образованным младохивинским ревкомом еще остался на своем престоле хивинский хан Саид Абдулла. Власть его давно уже носила чисто формальный характер. Руководство революционных сил, исходя из тактических соображений, не решалось на полное свержение его власти. Один из активных участников народной революции в Левобережной Каракалпакии Г. Б. Скалов[48] отмечает, что объявляя хивинское правительство (во главе с Саид Абдуллой—К. П.) низложенным, «мы давали бы лишний козырь в руки Джунаидхана, который поспешил бы объявить себя борцом за независимость Хивы. То есть борьба против первого (Джунаида — К. П.) была фактически борьбой и против второго (Саид Абдуллы — К. П.), «хотя формально движение (восстание) было направлено исключительно против Джунаида».[49]

1 февраля 1920 г. революционные силы, возглавляемые Ревкомом, без боя овладели городом Хивой —столицей Хивинского ханства, а еще через день (2 февраля) отрекся от престола последний из Кунградской династии хивинских ханов — Саид Абдулла.

В Левобережной Каракалпакии, как и на всей территории ханства, победила народная революция. Вся полнота власти перешла в руки младохивинцев, поддержанных широкими слоями народных масс.

В «Манифесте» Временного революционного правительства Хивы говорилось: «Уничтожая навсегда самодержавное управление хана и его правительство Ревкомом объявляет достоянием народа принадлежавшие хану, принцам, бекам и министрам деньги и имущество, в чем бы такое ни выражалось, и использует таковое для улучшения жизни бедняков. Земли крупных

помещиков, все расходы с вакуфных земель по повелению шариата пойдут исключительно на просвещение народа. Будут проведены каналы для орошения пустынных земель Хивы из реки Аму-дарьи. Будут открыты повсеместно в Хиве школы для бесплатного обучения детей. В городах и населенных пунктах будут открыты бесплатные больницы и лечебницы. Будут возвращены населению отнятые хивинским ханом, беками земли бедного населения, а также имущества и прочее. Будут уничтожены навсегда бесплатная и принудительная работы. Уже приступили к немедленному образованию народной власти...».[50] Особого внимания заслуживает, по нашему мнению, и «Воззвание» Ревкома, адресованное непосредственно Советскому правительству, рабочим и крестьянам Российской Советской Федерации, бескорыстно поддержавшим в трудное в истории народа время этот многострадальный край. Так, в первом из трех документов говорилось: «Рабочие и крестьяне Хивы призывают вас на помощь для освобождения пролетарских бедняков Хивы от гнета своих ханов и беков. После того как в России вспыхнула победная революция, пролетариат Хивы начал свободно дышать. Но это продолжалось недолго. Английские агенты и Джунаидхан, взяв власть в свои руки, снова начали угнетать хивинский пролетариат. В настоящее время восставшие рабочие и крестьяне Хивы заняли столицу Хивы. Они надеются, что крестьяне и рабочие России окажут им помощь для окончательной очистки хивинских владений от английских агентов, для установления рабоче-крестьянской диктатуры».[51] «Мы работаем ради освобождения из-под угнетения мирового империализма не только Хивы, но всего Востока и надеемся, что скоро измученный Восток заживет своей новой, светлой жизнью».[52]

Как нам представляется, императив нового мышления обязывает более определенно сказать свое мнение о том, почему начало всенародному восстанию против ханского режима было положено именно в северных районах ханства — Куня-Ургенчском, Кунградском, Порсынском, Ходжейлийском бекствах, как известно, населенных в основном каракалпаками, казахами, туркменами. Тем более, нужно учесть, что вопрос о времени

и месте начала восстания в ханстве еще ни разу не был предметом специального исследования, хотя уже и неоднократно ставился в качестве наиважнейших проблем в историографии революционного Хорезма.[53] Поэтому считаем необходимым более подробно остановиться на причинах, определивших такое положение.

Так, всестороннее изучение всей опубликованной литературы, вышедшей в разные годы в стране и за рубежом,[54] привлечение множества архивных документов, в массе своей еще не ставших достоянием науки, а также большого количества воспоминаний участников и очевидцев тех событий, позволяют сделать некоторые выводы.

Во-первых, такое положение объяснялось прежде всего тем, что в этих районах межнациональные противоречия, с давних времен являвшиеся одной из наиболее характерных особенностей хорезмского общества, были особенно острыми. Эти противоречия, постоянно разжигаемые правящими кругами Хивы в своекорыстных целях, еще больше усугублялись бесконечными межплеменными и межродовыми трениями, большинство из которых заканчивалось кровавыми исходами.

Во-вторых, среди населения этих районов (в отличие от узбекских, где особым влиянием среди широких слоев населения пользовались муллы и ишаны, которые сдерживали массы) в более привелигированном положении находились местные родоплеменные вожди, настроенные воинственно, всегда готовые к любым столкновениям, как бы постоянно ждущие этого. Обстановка, сложившаяся к тому моменту, явно способствовала еще большему усилению влияния и авторитета этих вождей среди своих сородичей.

В-третьих, (и это главное) население указанных районов по своему географическому положению находилось рядом с Правобережной Каракалпакией: Нукусом, Чимбаем и другими культурными центрами каракалпаков, компактно живущих здесь. Поэтому оно имело больше шансов на получение поддержки со стороны своих братьев-каракалпаков в случае необходимости в этом. Так оно и случилось. На помощь по зову своих братьев, выступивших против ханской власти в Хиве, первыми пришли революционные силы со стороны Нукуса, Чимбая и других городов.

Словом, все это необходимо было учесть при подготовке решительных сражений с ханской властью в Хиве, в частности в Левобережной Каракалпакии. Сама обстановка диктовала необходимость установления непосредственной связи с родоплеменными вождями каракалпаков, туркмен, казахов. Необходимо было учесть крайне низкий уровень классового самосознания местного дехканства, наличие у них сильных родоплеменных пережитков. Поэтому прямой контакт с трудовыми слоями населения этих районов можно было установить лишь через тех же родоплеменных вождей. Надо было учесть и то, что не все родоплеменные вожди, выступавшие против ханской власти были сторонниками активной борьбы против старых, изживших себя порядков. Уже тогда было известно, что отдельные из этих родоплеменных вождей преследовали свои узкокорыстные цели. Но тем не менее надо было привлечь их на сторону революции, опереться на них в борьбе с ханской властью или хотя бы отколоть их от лагеря сил контрреволюции.

Следует подчеркнуть, что успешному решению этой сложной, но весьма важной задачи способствовала разумная политика революционных сил по отношению к партии младохивинцев, прежде всего к ее Турткульскому комитету во главе с Джуманиязом Султанмурадовым, являвшемуся одновременно членом Амударьинского Ревкома, а также членом Временного Амударьинского уездного бюро мусульманских коммунистов.[55]

Сама партия младохивинцев к концу 1919 г. под влиянием Советского Туркестана, в частности его составной части — Правобережной Каракалпакии, претерпела заметное качественное изменение. В рядах младохивинцев возникло новое течение, которое сгруппировалось вокруг левого крыла, состоящего в основном из революционно-демократической интеллигенции и наиболее передовой части национальной буржуазии.

Дело в том, что часть младохивинцев, а именно его Турткульский комитет, после распада младохивинского меджлиса в 1917 г., убедившись в нереальности попыток установить демократический образ правления путем компромисса с ханом, взамен робких унизительных реформ выдвинула требования по главным моментам. Они совпадали с требованиями, которые отстаивали революционные силы Хивы, Левобережной Каракалпакии. В документе, названном «Манифест Хивинской революционной партии», принятом еще в начале 1919 г., Турткульский комитет младохивинцев вместе с главным лозунгом: «уничтожение ханского самодержавия в Хиве, свержение правительства хана и создание народной власти во всей территории Хивинского ханства»,[56] выдвинул и ряд других революционно-демократических требований. Например, уничтожение ханского самодержавия, объявление достоянием народа богатств принадлежавших хану и всей правящей верхушке, отмена принудительных работ и другие.

В этом документе было объявлено о необходимости создания народной власти, которая должна была по замыслу младохивинцев провести в жизнь эти судьбоносные, поистине исторические задачи во всей территории Хивы, следовательно, и Левобережной Каракалпакии, ведя беспощадную борьбу с врагами народной власти.[57]

Под руководством Турткульского комитета младохивинцев была организована военная дружина, основную часть которой составили беженцы с территории ханства. Они оставляли свое скудное хозяйство, уходили от ханского произвола на советский берег — Правобережную Каракалпакию — Турткуль. Среди них было много выходцев из Левобережной Каракалпакии. С бойцами этой дружины проводились регулярные политические и военные занятия. С дружинниками занимались красные командиры, патриоты из Правобережной Каракалпакии А. И. Телегин, Байбеков, Н. Салимов, Е. Каримов и др. К концу 1919 г., то есть к моменту начала народной революции в Хиве, численность солдат дружины дошла до 500 с лишним человек.[58] Многие из членов этой дружины добровольцев стали затем активными строителями новой власти.

Своеобразие победившей революции наложило свой отпечаток на форму и характер новой государственной власти, созданной здесь на месте ханской феодальной системы правления.

I Всехорезмский курултай народных представителей, состоявшийся 27—30 апреля 1920 г.,[59] провозгласил Хиву Хорезмской Народной Советской Республикой, при-

знав тем самым его переходную форму. Органы Народной власти ХНСР, в частности Левобережной Каракалпакии, были призваны прежде всего разрешить задачи революционно-демократических преобразований; ликвидировать феодально-патриархальные отношения в экономике и политической структуре общества, подготовить политические, экономические и духовные условия для перехода к качественно новому высшему этапу развития этих районов, обеспечить переход к социалистическим преобразованиям.

Этим целям служило и решение совещания представителей всех наций и народностей Хивы, состоявшегося 2 апреля 1920 г., о том, что все население республики, в том числе районы Левобережной Каракалпакии, примут активное участие в создании новых органов народной власти на местах, об организации совместной работы всех народов на хашарах (очистке каналов и ремонте ирригационных сооружений), являвшихся одним из самых трудных и запутанных в условиях старого ханского режима.[60] Эти меры вскоре дали свои положительные результаты. В докладной записке Хорезмской правительственной делегации на имя Туркомиссии ВЦИК с СНК РСФСР от 20 июня 1920 г. сообщалось: «Теперь на ирригационных работах — «газув» работают все».[61] В этом же документе говорилось и об определенных успехах, достигнутых в ремонте и рытье оросительных каналов, восстановлении отдельных заводов и фабрик, в частности хлопкоочистительного в городе Ходжейли, в кооперировании Хивинского сельскохозяйственного населения и открытии здесь кооперативных лавок».[62]

Заметным шагом вперед в деле организации Народной Советской власти в Хиве, в частности Левобережной Каракалпакии, было решение представителей революционных сил Хивы от 4 апреля того же года о создании взамен бывшего Младохивинского Ревкома — Совета народных назиров (министерств),[63] который состоял в основном лишь из представителей узбекской части населения ХНСР. В нем не было, к сожалению, ни одного представителя от каракалпаков и казахов, составляющих основную массу населения Левобережной Каракалпакии. Но тем не менее энергичная работа Советов народных назиров сыграло положительную роль в

деле вовлечения широких слоев населения в советское строительство, в частности в подготовку и успешное проведение Первого Всехорезмского курултая народных представителей. Работа курултая прошла при активном участии представителей всех наций и народностей, населяющих этот край. Исключительно важным было и решение Совета народных назиров от 11 апреля того же года о создании на территории бывшего Хивинского ханства 20 новых районных и городских Советов, в том числе в 7 районах Левобережной Каракалпакии: Ходжейли, Кунграде, Мангите, Ктае, Кипчаке, Кылычниязе, Шуманае. Состав этих советов был еще невелик — от трех до пяти человек каждый.[64] Работа этих Советов тоже пока еще носила довольно своеобразный характер. Занимались они в основном организацией различных митингов, собраний, для чего использовались базарные площади, чайханы и другие места, куда собирался народ.

В целях сближения органов народной власти с населением, практиковалось создание ряда других массовых организаций среди населения. Весьма результативной, например, была деятельность арычных Советов, земледельческих Советов, которые организовались по различным каналам. Успешной работе таких своеобразных народных органов способствовала тактика создания их главным образом из людей авторитетных, называвшихся просто Советами аксакалов. Эти органы власти интересовались как решением проблем земельно-водных отношений, так и культурно-бытовыми, хозяйственными вопросами, например, распределением семенных ссуд среди населения.[65]

Таким образом, создание разнообразных форм новых народных органов власти сыграло важную роль в деле вовлечения широчайших народных масс Левобережной Каракалпакии в советское строительство. На примере работы таких различных Советов массы постепенно убедились в подлинно народном характере советского строя, становились активными строителями новой жизни — жизни без хана и ханских чиновников.

Приступая к советскому строительству, революционные слои Левобережной Каракалпакии стремились максимально использовать опыт Советского Туркестана и

прежде всего опыт его составной части — Правобережной Каракалпакии — Амударьинской области ТАССР.

Вместе с тем, нельзя было игнорировать сложившуюся веками, привычную для масс старую систему административного деления.

Беря во внимание исключительно сильное влияние родоплеменных пережитков, неразвитость классовой дифференциации среди трудового населения Левобережной Каракалпакии (каракалпаков, туркменов, казахов), было решено на первых порах сохранить здесь смешанный — территориальный и родовой — принцип построения местных органов власти. Поэтому в районах, населенных узбеками, советы создавались по территориальному принципу. В отношении каракалпаков, туркмен, казахов было решено временно сохранить существовавшее родоплеменное деление. Учитывалось, что такое решение дает возможность Советам быстрее приблизиться к широким массам трудового населения, успешнее вовлечь их в советское строительство.

Надо отдать должное такой политике, всецело направленной на то, чтобы всем народам, населявшим Хиву, дать полную возможность самим определить свою судьбу. Именно она способствовала смягчению национального антогонизма и ликвидации взаимных подозрений между народами, оказывала благоприятствующее воздействие на создание в перспективе национальной советской государственности каракалпаков.

Вместе с тем, необходимо было учитывать и то, что родовой принцип построения Советов был выгоден и самой феодально-племенной знати, которая легко могла захватить большинство в таких Советах. Поэтому создание родовых Советов силами революционных органов рассматривалось в основном как переходная форма, дающая возможность немедленно начать советское строительство среди каракалпаков, туркмен, казахов. Она была призвана помочь развитию политического и общественного самосознания трудящихся масс Левобережной Каракалпакии, уступить затем место другим, более высоким формам советской демократии. Так и случилось в дальнейшем в процессе революционно-демократических преобразований.

Говоря о первых шагах новой революционной власти в Левобережной Каракалпакии, следует остановить-

ся на исторической роли в этом воинских частей Красной Армии самой Хорезмской республики и частей, пришедших из Туркестана на помощь силам революции в их борьбе против басмачества.

При воинских частях организовывались специальные трудовые артели. Части Красной Армии выполняли двойную функцию: как военный гарнизон и как трудовая артель. Например, трудовая артель 4 роты стрелкового полка, дислоцировавшегося в Муйнаке, давала 30—50 тыс. пудов рыбы.[66]

Уже тогда — в первые месяцы деятельности новой революционной власти в Левобережной Каракалпакии — определенные успехи были достигнуты и в деле решения проблем на культурном фронте. В решении этой сложной задачи заметной была бескорыстная помощь РСФСР народам ХНСР, в том числе Левобережной Каракалпакии. Вместе с необходимыми учебными пособиями из России уже тогда — летом 1920 г. — были посланы десятки учителей, прежде всего татар, башкир, владеющих местными языками.

Особенно плодотворной была в этом отношении деятельность Политуправления Хивинской (Хорезмской) группы войск Красной Армии — Пурхива. Пурхив проводил широкую кампанию по повышению политического и культурного уровня не только самих красноармейцев, но и среди населения ХНСР. В отчете Пурхива за июнь 1920 г. сообщалось: «Мусульманская группа ставила 4 спектакля для красноармейцев и населения. Пьесы ставились на узбекском и татарском языках...», «...придаем огромное значение тому, что благодаря им туземное население вовлекается в культурную жизнь».[67]

Примечательно, что при Пурхиве действовала центральная библиотека с четырьмя филиалами (районными библиотеками) на местах, самая крупная из них была в городе Ходжейли, в ней имелось более 800 различных книг.[68] Ходжейлийская библиотека обслуживала красноармейцев и местное население. При Пурхиве выпускалась специальная военная газета, на страницах которой регулярно печатались статьи о революционных событиях, о задачах новой власти. Только за июль 1920 г. Пурхив распространял среди населения около четырех тысяч экземпляров газет.[69]

Таким образом, части Красной Армии, благодаря

энергичной деятельности Пурхива, не только помогали трудящимся массам в защите завоеваний народной революции, но и вели среди населения большую культурно-просветительную и политико-воспитательную работу.

Необходимо отметить и то, что еще 5 апреля 1920 г. на многолюдном митинге было объявлено о превращении бывшей главной ханской резиденции в дворец культуры и просвещения.[70] На митинге же была изложена развернутая программа нового правительства в области народного просвещения и о создании новых школ об организации новых методов обучения, о бесплатной учебе. Благодаря этим мерам в новых школах могли учиться дети всех граждан, независимо от их социального происхождения и национальности.[71] Такие школы вскоре же были открыты в ряде городов республики, в том числе в Ходжейли. И что особенно важно, обучение в этих школах велось на родном языке — узбекском, каракалпакском, казахском и туркменском. В городе Хиве были организованы Народный музей и выставка кустарного производства. Как подчеркивалось в решении Совета Назиров ХНСР от 11 апреля 1920 г. это имело целью «сохранить для будущих поколений те предметы, которые относятся к культуре хивинского народа».[72]

В Кунграде был организован один из первых в Хорезмской НСР клуб с библиотекой и читальным залом. Действенную помощь Кунградской библиотеке оказала молодежь Амударьинского отдела Советского Туркестана, обеспечивая ее необходимой литературой. В результате этого за короткое время Кунградская библиотека превратилась в важный культурный центр всей Левобережной Каракалпакии: при клубе проводились лекции, беседы на различные актуальные темы, был создан кружок художественной самодеятельности, ставший первой основой будущего народного театра.[73] По примеру Кунградской библиотеки такие же библиотеки с отдельными клубами при себе были созданы и в других частях Хорезмской республики, в том числе Клычниязе, Мангите и других.

Определенные сдвиги произошли и в других областях социально-экономического развития республики, в том числе в районах Левобережной Каракалпакии. Так, в мае—июне 1920 г. Совет Назиров ХНСР принял решение о замене натуральной арендной платы с вакуфных земель денежной, одновременно снизив ее на 40 процентов. Тогда же наиболее богатые хивинские купцы и ростовщики (до 25 человек) были обложены чрезвычайным военным налогом на общую сумму в 100 млн. рублей.[74]

Проводилась определенная работа по созданию в кишлаках и аулах Комитетов бедноты—комбедов, в состав которых, в первую очередь, входила наиболее сознательная часть сельского населения, решительно отстаивавшая политические права трудового дехканства. Не всегда и не везде их деятельность находила должную поддержку. Комбеды на местах постепенно превращались в серьезную политическую силу.

Вместе с тем, трудно согласиться с утверждением ряда авторов о том, что между новыми комбедами и старыми Шуро (Советами), в большинстве случаев возглавлявшимися в условиях ХНСР людьми со старыми взглядами, происходили острые споры и конфликты. И будто все эти трения, благодаря активной поддержке самих дехканских масс, заканчивались, по их мнению, в пользу комбедов, и власть на местах в большинстве своем переходила в их руки. Свидетельством роста активности дехканских масс, пишут эти авторы, явилось то, что в довольно быстром темпе увеличивалось число комбедов на местах, в частности в районах Левобережной Каракалпакии — Ходжейли, Кунграде и др. Как нам представляется, здесь налицо явное искажение истины. Например, в докладной записке Пурхива от 4 февраля 1921 г., адресованной в Туркбюро ЦК РКП(б), отмечалось, что комбеды лишь в будущем, «при правильной постановке их работы действительно будут очень полезными организациями для страны как органы, объединяющие беднейшие слои населения».[75]

Все это свидетельствовало о дальнейшем укреплении органов народной власти, о заметном улучшении деятельности общественно-массовых организаций — Всехорезмского Союза яшлар бирлиши, профессиональных союзов и других, оказывало тем самым благоприятное воздействие на решение проблем, связанных с развитием межнациональных, межродовых и межплеменных взаимоотношений, способствовало переходу к решительным мерам по ликвидации басмачества. Важную

роль в этом сыграли части Красной Армии, ее Политуправление — Пурхив.

21 февраля 1921 г. Пурхив телеграфировал в Ташкент Туркомиссии ВЦИК и СНК РСФСР: «Ликвидирован еще один очаг контрреволюции. На рассвете 21 февраля разоружен старообрядческий казачий поселок..., доселе не признавший Советской власти и являвшийся центром контрреволюционной агитации Чимбайско-Кунградского Приаральского района. Отобрано 132 винтовки, 7 револьверов, 45 шашек, 1 действующий пулемет, 20 тысяч патронов. Арестован видный белогвардейский руководитель казачий атаман Фильчев».[76]

В борьбе против басмачества и белоказачьих частей активное участие принимали трудящиеся Советской Правобережной Каракалпакии — Амударьинского отдела, преобразованного теперь в Амударьинскую область Туркестанской АССР. «Народы Хорезма, — писал Пурхив в своем отчете в начале 1921 г., — стали понимать, кто друг, кто враг. Они к русским относятся дружелюбно. Они даже русским представителям больше верят, чем другим. Беднота настроена революционно. Классовое расслоение между баями, улемистами, с одной стороны, беднейшими слоями, с другой, со дня на день усиливается».[77]

13 сентября 1920 г. между ХНСР и РСФСР был подписан Союзный договор,[78] который вошел в историю революционного Хорезма, в историю Левобережной Каракалпакии как событие большого политического значения. Можно утверждать, что этот исторический факт явился надежным гарантом существования и успешного развития Хорезмской республики в той исключительно сложной обстановке. И уже тогда же — 26 сентября 1920 г. — договор был одобрен и ратифицирован ВЦИК РСФСР.[79]

Второй всехорезмский курултай народных представителей (май 1921 г.), единодушно одобрив и ратифицировав этот договор, выразил «глубокую благодарность великому и свободному народу Российской Советской Республики».[80]

«Голос Хорезма, — говорилось в обращении к правительству РСФСР, — должен слиться со всеми голосами как уже освобожденных, так и еще угнетенных мусульманских народов, благословляющих Российскую

Республику, которая своим примером зажгла пожар восстания среди всех порабощенных народов и как яркое солнце освещает путь угнетенного всемирным империализмом мусульманства.[81]

Согласно этому договору, установившему безоговорочное признание РСФСР полной самостоятельности и независимости ХНСР, были аннулированы все кабальные договоры и соглашения, навязанные Хивинскому ханству царской Россией. Советское правительство приняло на себя обязательства оказывать революционному Хорезму экономическую и культурную помощь, охранять ее от внешних врагов.

Договор 1920 г. между РСФСР и ХНСР явился выражением пролетарского интернационализма, братской помощи Советской России народам Востока, примером новых отношений между народами и странами.

Следует отметить, что особенно важное значение имела братская помощь Советской России в решении сложных проблем кадровой политики в ХНСР. Многие из представителей России принимали участие в решении трудных вопросов, связанных с созданием новой государственной власти. Например, Сергей Васильевич Малышев[82] — участник трех революций — прибыл в Хиву в феврале 1920 г. со своим красным караваном, созданным по инициативе М. В. Фрунзе — командующего Туркфронтом, члена Туркомиссии ВЦИК и СНК СССР, образованного в октябре 1919 г. Караван Сергея Малышева, как справедливо отмечал один из активных строителей новой власти в Каракалпакии Петр Солдатов, «положил начало реальной экономической помощи... Советской России молодой Хорезмской Республике.[83]

В начале 1920 г. в Хорезме идет решительная борьба восставшего народа против ханской власти. Уже в январе 1920 г. М. В. Фрунзе телеграфирует В. И. Ленину: «...в областях по течению рек Амударьи и Сырдарьи ныне совершенно обособленной жизнью живут многие народы, считаю необходимым организацию экономического похода».[84] Предложение командующего Туркфронтом было учтено. В решении Центрального комитета РКП(б) было записано: «Направить экспедицию баржелавок Малышева во главе с Малышевым, со штабом

его экспедиции и товарами в Туркестан для экономического и культурного похода к низам населения Востока».[85] Уже в феврале 1920 г. С. В. Малышев телеграфирует из Хорезма в Москву: «Товарную базу и главную контору организую в Петро-Александровске, откуда буду направлять все товары вглубь Хивы».[86] В этом документе сообщалось и о том, что кооперативные конторы будут организованы в Хорезмском регионе, в том числе каракалпакских городах Кунград, Чимбай и др.[87]

Истинный интернационалист Сергей Малышев развернул кампанию и по линии культурно-просветительной работы среди местного населения.[88] Необходимо особо подчеркнуть и на документальной основе показать его исключительно умелую организаторскую деятельность в деле оказания помощи местной власти при решении острых межнациональных и межплеменных конфликтов, столь характерных для тогдашнего хорезмского общества.

Как уже многократно отмечалось в литературе,[89] сложными и трудными были лето и осень 1920 г. в Хорезмской Республике. Буржуазно-националистическое, правительство ХНСР во главе с Палваниязом Юсуповым с целью вызвать взрыв религиозного фанатизма 11 июля арестовало более трехсот представителей мусульманского духовенства — мулл и ишанов. Без суда и следствия большинство из них было расстреляно.[90]

Палванияз Юсупов и его сторонники в середине сентября того же года без суда и следствия расстреляли видного туркменского родопломенного вождя Гочмамедхана Сопыева, заместителя председателя Совета Назиров ХНСР. Вместе с ним было расстреляно более 100 туркменских воинов. Гочмамедхан пользовался большой популярностью не только среди самих туркмен, но и среди каракалпаков, казахов этого региона, среди которых он вырос, знал их язык, обычаи и традиции.

Разумеется, такая вероломная кровавая расправа вызвала гнев, возмущение и тревогу среди всего населения северной части ХНСР, в том числе населения Левобережной Каракалпакии, и сыграла на руку всем врагам народной Советской власти. Этой ситуацией

воспользовалось басмачество, состав которого заметно увеличился за счет беженцев от такого жестокого произвола.

Преступную политическую слепоту проявили уполномоченный РСФСР в ХНСР Риза Шакиров и командующий частями Красной Армии полковник Дубянский. Вместо того, чтобы предотвратить подобные антинародные вылазки зарвавшихся авантюристов, они, наоборот, приняли прямое участие в организации карательной экспедиции против мирного населения под предлогом разоружения всех племен этого района. «Зная по опыту, что нелегко дается разоружение..., поручить указанной экспедиции исполнить свои задачи, не останавливаясь ни перед какими репрессивными и жестокими мерами...»[91] — говорилось в этой зловещей инструкции, данной Юсуповым полковнику Дубянскому.

Лишь благодаря смелой и решительной деятельности Сергея Малышева — члена коллегии представительства РСФСР в ХНСР — удалось предотвратить эту катастрофу, которая могла бы привести к гибели новой революционной народной власти в Хорезмской республике, в том числе в Левобережной Каракалпакии.

С. Малышев категорически отказался подписать это преступное решение коллегии представительства РСФСР в ХНСР об использовании частей Красной Армии против мирного населения под предлогом их разоружения. В своем особом мнении, приложенном к этому документу, член коллегии писал: «При всякой вражде между различными народами мы должны быть выше этих конфликтов, ибо своим участием в них мы невольно представляем возможность кровавой мести одного народа над другим. Настаиваю на изыскании всех средств и возможностей к тому, чтобы отколоть ту часть населения, которая настроена мирно по отношению к нам, не втянута в эту борьбу, желает остаться мирными тружениками».[92]

Не всех радовали успехи, достигнутые народами Хорезмской республики, трудящимися массами Левобережной Каракалпакии. Они не устраивали тех, кто все еще не потерял надежду на возврат к старому, ханскому строю и начал предпринимать решительные меры, направленные на сворачивание революционно-демокра-

тического развития в ХНСР, в частности, в ее каракалпакских районах.[93]

4—5 марта 1921 г. в городе Хиве — столице ХНСР состоялся многотысячный митинг, в котором участвовали представители почти всех районов республики, в том числе каракалпакских городов Ходжейли, Кунграда. На митинге было оглашено о роспуске существовавшего тогда правительства ХНСР, состоящего в основном из бывших младохивинских лидеров.[94] Причиной тому была их явная оторванность от народа, стремление задержать дальнейшее развитие демократического настроя масс. Был создан Революционный Комитет в составе 5 человек во главе с Джафарбергеном Кучкаровым, который пользовался широкой поддержкой всех народов, населяющих ХНСР. Как свидетельствуют сами очевидцы, популярным был Кучкаров и среди трудящихся Левобережной Каракалпакии.

Таким образом, эти события, вошедшие в отечественную историографию как мартовские события 1921 г. в ХНСР, поистине явились важным шагом на революционно-демократическом этапе развития Левобережной Каракалпакии, в дальнейшем сближении ее населения со своими братьями — трудящимися Правобережной Каракалпакии.

ГЛАВА 2. ЛЕВОБЕРЕЖНАЯ КАРАКАЛПАКИЯ В СОСТАВЕ ХНСР: РЕВОЛЮЦИОННО-ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ

2.1. Общественно-политическая жизнь. Создание Казахско-каракалпакского отдела при ХорЦИКе

После мартовских событий 1921 г. в Левобережной Каракалпакии, как и во всей территории ХНСР, был проведен ряд решительных мер по созданию и укреплению местных народных органов революционной власти. Был успешно подготовлен и проведен в мае 1921 г. II Всехорезмский курултай народных представителей. Курултай советов создал новое революционное правительство, состоявшее в основном из представителей трудо-

вых слоев всех народов Хорезмской республики. Главным итогом работы Курултая явилось принятие новой Конституции ХНСР, в которой были четко определены основные направления ее развития в условиях борьбы за революционно-демократические преобразования.

Особое место в Курултае занял национальный вопрос, который, как заметил член Туркомиссии ВЦИК и СНК РСФСР Д. Гопнер,[1] присутствовавший на Курултае в качестве уполномоченного НКИД РСФСР в ХНСР, был «гвоздем всей политической жизни ХНСР, следовательно, и работы Курултая».[2] На Курултае Советов участвовало 230 делегатов, в том числе 51 человек из каракалпакских районов ХНСР.[3] Работа Курултая проходила в полном согласии и доверии всех его делегатов под лозунгом дальнейшего укрепления дружбы всех народов Хорезмской республики и дружбы ХНСР с РСФСР.

Решительно утверждая равноправие всех народов ХНСР, делегаты Курултая дали клятву «покончить с пережитками национальных распрей между народами Хорезма». Чтобы навсегда покончить с враждой между ними, отвлечь их «от исключительно родовых интересов», познакомить с государственным аппаратом и вызвать общественное настроение, чтобы вырвать каракалпаков, казахов, туркмен из-под влияния феодально-племенной знати, при правительстве ХНСР были созданы два национальных отдела — туркменский и казахско-каракалпакский.

Ценным было и решение II Всехорезмского курултая Советов о конфискации и раздаче беднейшим дехканам всех земель, принадлежавших бывшему хану — всего 14 тыс. танапов (5,6 тыс. га),[4] Следует особо отметить то, что учитывалось исключительно сильное влияние мусульманского духовенства на население ХНСР. Курултай Советов принял совершенно справедливое решение не конфисковать вакуфные земли, принадлежавшие мусульманскому духовенству. Вопрос о доходах с вакуфных земель (то есть о поборах, взимаемых духовенством с дехкан, арендующих эти земли) передать в ведение самих дехканских комитетов.[5]

Историческое значение имело и обсуждение вопроса о Союзном договоре между ХНСР и РСФСР, который был подписан 13 сентября 1920 г. в Москве. «Выразив

глубокую благодарность великому и свободному соседнему народу», курултай Советов принял специальное обращение на имя правительства РСФСР. «Голос Хорезма, — говорилось в нем, — должен слиться со всеми голосами как уже освобожденных, так и угнетаемых еще мусульманских народов, благославляющих Российскую Советскую Республику, которая своим примером зажгла пожар восстания среди порабощенных народов и, как яркое солнце, освещает путь угнетаемого всемирным империализмом мусульманства».[6]

Свидетельством твердого вступления народов Левобережной Каракалпакии в состав ХНСР на революционно-демократический этап развития стало заметное повышение работоспособности всех общественно-массовых организаций, начиная от самих Советов, партий до женских организаций.

Заметно оживили работу и коммунисты Левобережной Каракалпакии. В конце мая 1921 г. было проведено собрание партийно-советского актива (собрание политработников),[7] в работе которого принимали участие секретари всех местных партийных ячеек, в том числе каракалпакских районов Республики — Ходжейли, Кунграда, Кипчака, Ктая, Мангита, Шуманая, Клычнияза.[8] Собрание обсудило проекты Программы и Устава, которые были представлены от имени комиссии, работавшей в тесном контакте с представителями Коминтерна и Туркбюро ЦК РКП(б).

На основании решения данного собрания был взят курс партии на решительное идейно-организационное укрепление уже существующих местных партийных ячеек, направив туда все лучшие силы партии. Вместо 22 малочисленных партийных ячеек было решено оставить лишь 8, в том числе 2 в районах Левобережной Каракалпакии — Кунграде и Ходжейли.

О решительности нового курса партии свидетельствовал и сам факт создания Временного Центрального бюро ЦК ХКП вместо распущенного на этом же собрании ЦК ХКП.

Следует особо подчеркнуть, что одним из самых активных членов временного ЦК ХКП, состоявшего из 5 человек, был Колменов, представитель Левобережной Каракалпакии, каракалпак по национальности, который

тогда же (на II Всехорезмском курултае Советов) был избран и членом ХорЦИКа.[9]

Но не все решения данного собрания соответствовали реальной обстановке, сложившейся в ХНСР. Например, был допущен явный перегиб в рассмотрении вопроса о переводе кочевого населения республики к оседлости. Как правило, он носил принудительный характер, не учитывалось желание самого населения. Это вызвало резкое недовольство масс. Этим воспользовались враждебные силы, прежде всего главари басмаческого движения. Не было учтено то, что данный вопрос имел непосредственное отношение не только к решению земельно-водной проблемы, но еще больше к организации борьбы с басмачеством. Басмачество еще находило в кочевом населении опору для себя, у них отряды басмачей легко находили укрытие, получали экономическую поддержку.

Благодаря деятельной работе Временного Центрального бюро Хорезмской Компартии — этого своеобразного органа власти, значительно оживилась вся общественно-политическая жизнь в Хорезмской республике. Это особенно заметно было в районах Левобережной Каракалпакии. По сравнению с другими районами ХНСР партийные и советские органы этих районов были более деятельными. Очевидно, сказывалось влияние соседней Правобережной Каракалпакии. Особенно выделялась деятельность Кунградской партийной организации, объединяющей летом 1921 г. в своих рядах 173 коммуниста (а всего в рядах ХКП было 731 чел.).[10] Плодотворной была и деятельность Ходжейлийской парторганизаци.

Усилили свою работу и дехканские комитеты, созданные вместо бывших комбедов, которые принимали деятельное участие в свержении контрреволюционного буржуазно-националистического правительства младохивинцев в марте 1921 г. В июле 1921 г. в ХНСР действовало 28 дехканских комитетов, 8 из них в каракалпакских районах.[11]

Деятельной работе дехканских комитетов, преобразованный теперь в «Союз безземельных и малоземельных дехкан», способствовала энергичная работа Пурхива, при котором еще в конце 1920 г. был организован специальный Дехканский отдел,[12] а также поддержка их

работы со стороны «Хорезм ёшлар бирлиги» («Хорезмского молодежного объединения»). Важную роль в деятельности «Союзов малоземельных и безземельных дехкан» сыграла их непосредственная связь с местными партийными ячейками. Зачастую получалось так, что секретарь партийной ячейки одновременно становился и председателем аульного «Союза».

«Союзы безземельных и малоземельных дехкан» постепенно становились надежной опорой Советской власти на местах. При местных ячейках «Союзов безземельных и малоземельных дехкан» проводилась большая политико-массовая работа, при них были созданы клубы, которые становились культурными очагами в аулах, где проводились различные мероприятия, лекции, беседы, организовывались выступления художественной самодеятельности. Все это способствовало повышению политического самосознания масс.

За отсутствием необходимых кадров в ряде случаев эти «Союзы» возглавлялись безграмотными людьми — вчерашними батраками и поденщиками, еще далеко не освободившимися от влияния феодально-байских элементов, веками закабалявших их. Предстояла серьезная работа как по созданию новых «Союзов», так и по воспитанию их членов, особенно председателей кишлачных и аульных «Союзов», в революционном духе.

Деятельность «Союзов малоземельных и безземельных дехкан» затруднялась и отсутствием устава, в котором были бы конкретно определены их основная цель и задачи, сформулированы права и обязанности членов. В июле 1921 г. была создана специальная комиссия по разработке проекта «Устава безземельных и малоземельных дехкан ХНСР» и подготовке очередного съезда членов «Союза».[13] Комиссии было поручено при составлении Устава «Союза» учитывать положительный опыт Устава Союза «Кошчи» Туркестанской АССР, а также опыт Союза «Кошчи» Правобережной Каракалпакии с учетом своеобразия местных условий.

Свидетельством повышенного авторитета широких трудящихся масс явилось и то, что I съезд «Союза безземельных и малоземельных дехкан проходил совместно с I съездом Хорезмской Компартии, который состоялся 4—11 декабря 1921 г. в Хиве.[14] От «Союза безземельных и малоземельных дехкан» на съезде присутствовало 34 делегата, в том числе 8 человек от каракалпакских районов.[15]

На съезде рассматривались такие жизненно важные кардинальные вопросы, как международное и внутреннее положение, экономическое положение ХНСР, продовольственный налог, формирование Хорезмской Красной Армии и ее значение в революционно-демократических преобразованиях республики и др. Принципиальной была, например, позиция объединенного съезда «Союза» и ХКП в отношении отдельных решений II Всехорезмского курултая народных представителей (май 1921 г.). Вопреки решению этого курултая Советов, съезд партии и «Союз» считал «невозможным в настоящий момент составить правительство из представителей исключительной бедноты, еще не оформившейся и не осознавшей ясно свои интересы», и записал в своем решении «возможным допустить в него честных байских и полубайских элементов».[16]

Эти решения, исходящие из конкретных исторических условий Левобережной Каракалпакии, как и всей Хорезмской республики, явились в значительной мере поправкой постановления II Всехорезмского курултая Советов, считавшего необходимым создание власти в республике исключительно из представителей трудового народа. В условиях 1921—1922 гг. нельзя было спешить в решении таких вопросов, как полное отстранение от участия в управлении государством всех представителей эксплуататорских классов. Предстояло постепенно подготовить трудящиеся массы к управлению сложным механизмом государства.

Именно этим целям служили решения совместного съезда партии и «Союза малоземельных и безземельных дехкан» ХНСР о необходимости усиления работы по поднятию общего культурного уровня самих членов партии и «Союза», ликвидация неграмотности и развития у них правильного понимания политической обстановки, сознания своего собственного долга.[17]

Центральное место в работе съезда «Союза безземельных и малоземельных дехкан» и ХКП заняли вопросы о поднятии экономики всех районов ХНСР, в том числе каракалпакских, об улучшении экономического положения трудящихся масс. Указывая «на господство до недавнего времени в правительстве представите-

лей богатых классов, в среду которых просачивались зачастую контрреволюционеры», объединенный съезд подчеркивал, что результатом этого «явилось крайнее обнищание страны и почти полный крах финансовой системы...»[18] Дело дошло до того, что отдельные представители местных властей сами произвольно облагали местное население налогами. Так было, например, в Кунградском районе. Это делалось в условиях, когда население за обложение его новыми видами налогов ничего не получало взамен, крайне мало оказывалась дехканам сельскохозяйственная помощь.

Съезд партии и «Союза малоземельных и безземельных дехкан» указывал, что успешному развитию связи ХНСР с РСФСР, а также между районами самой республики сильно мешает отсутствие транспорта, плохое состояние путей сообщения. «Советская Россия дает самые необходимые предметы, но для этого прежде всего необходимо наладить транспорт»,[19] — говорилось на съезде.

В принятой резолюции указывалось, что съезд считает необходимым направлять все силы на восстановление разрушенного хозяйства. Необходимо пустить в ход заводы и мельницы, для чего привлечь кооперативы, артели и частных предпринимателей».[20]

Указывая, что Хорезмская республика является «страной исключительно земледельческой», I съезд партии и «Союза малоземельных и безземельных дехкан» считал своей главной задачей поднятие земледелия, хлопководства, скотоводства, садоводства и шелководства».[21] В связи с этим указывалось на необходимость обратить серьезное внимание на интенсификацию и усовершенствование кустарного труда, приближение его к машинному, для чего дехканству должны быть предоставлены более усовершенствованные машины.[22]

Актуальным было и указание съезда ХКП и «Союза» о том, что за последнее время в результате резкого ухудшения экономического положения республики произошло подорожание всех предметов, особенно предметов первой необходимости, и на этой основе еще больше увеличилось количество различных спекулянтов, скупщиков и перекупщиков. Поэтому съезд записал в своем решении, что «единственный выход из создавшегося положения — это организация производственных

и потребительских кооперативов».[23] Чтобы более успешно решить задачу обеспечения населения необходимыми товарами, было предложено правительству республики в самое ближайшее время организовать несколько ярмарок для товарообмена.[24]

В числе первостепенно важных районов были каракалпакские районы — Ходжейли, Кунград, Кипчак. Съезд решил организовать Земельный банк с выдачей ссуд дехканам для покупки рабочего скота и сельскохозяйственного инвентаря, причем предусматривалось, что безземельным и малоземельным дехканам ссуда должна выдаваться безвозмездно.[25]

Подчеркивая значение съезда «Союза малоземельных и безземельных дехкан» ХНСР, прошедшего совместно с ХПК, необходимо отметить столь важное его решение, как улучшение национальных взаимоотношений в республике между различными ее районами. Съезд решительно осудил националистические тенденции отдельных лиц, стремившихся преувеличивать роль узбеков перед другими национальностями, проживающими в республике. Считать «необходимым принять меры к совершенной ликвидации националистических отношений, продолжавшихся до сих пор между узбеками, номудами (туркменами—К. П.), казахами, каракалпаками и другими нациями»,[26] — говорилось в решении съезда.

В своеобразных условиях борьбы за революционно-демократические преобразования в Левобережной Каракалпакии в составе ХНСР исключительно важной была роль Коммунистического союза молодежи. Ввиду сильной засоренности состава правительства буржуазно-националистическими элементами, слабости партийного влияния на широкие слои трудящихся масс, большая часть революционно настроенной молодежи стала вступать не в партию, а в комсомол. Поэтому в его составе было много людей в возрасте 40—45 лет.[27] Такое положение ставило комсомол в особые условия, и зачастую случалось так, что серьезные политические проблемы решались именно при самом активном участии комсомола.

Комсомол ХНСР, в частности, комсомол Левобережной Каракалпакии, выступал в роли самостоятельной политической организации, независимой от Хорезмской

Компартии. «Комсомол ХНСР, — говорилось в письме Средазбюро ЦК РКП(Б) от 19 июля 1923 г.. — играет острую роль в революционном движении молодой республики. Партия должна помнить, что комсомол Хорезма есть молодая революционная организация трудящейся молодежи — опора Коммунистической партии, ...партия должна помогать вести комсомолу культурно-воспитательную работу... должна помогать комсомолу завоевать кустарную батрацкую молодежь — основную базу социального состава комсомола».[28] Еще более конкретно было сказано об этом в следующем письме Средазбюро ЦК РКП(б), отправленном в сентябре того же года. «Учитывая важную особенность комсомольской организации ХНСР, —подчеркивалось в этом документе, необходимо оказывать всяческую поддержку комсомолу в его повседневной работе как общим политическим, так и идейным и материальными силами и средствами».[29]

Поэтому в условиях Левобережной Каракалпакии вопрос о комсомоле, о его организации и работе постоянно оставался одной из самых злободневных проблем внутриполитической жизни Хорезмской республики.

По примеру партийной организации ХНСР летом 1921 г. был распущен бывший ЦК ХКСМ, на месте которого создано Временное Центральное бюро в составе 3-х человек. Представителем бюро был утвержден Рахматулла Бекмухамедов из Ходжейли.[30] Тогда же были приняты новая Программа и Устав комсомола ХНСР, которые были составлены с учетом особенностей его деятельности в своеобразных условиях республики, в них были четко определены основные цели и задачи. Первым шагом нового руководства ХКСМ — Временного Центрального бюро — было его решение о роспуске некоторых районных и городских комитетов комсомола. Членами ХКСМ могли быть только представители трудящихся, что касается выходцев из баев, то они подлежали немедленному исключению из комсомола. Решительные меры комсомола способствовали усилению его роли в борьбе за революционно-демократические преобразования в республике, в том числе в Левобережной Каракалпакии. Комсомол выступал как боевой организатор масс в борьбе за укрепление районных, кишлачных и аульных советов, за дальнейшее развитие старых

и создание новых дехканских комитетов, преобразованных теперь в «Союзы безземельных и малоземельных дехкан». Комсомол принял участие и в борьбе за восстановление и развитие народного хозяйства. По решению собрания комсомольского актива, состоявшегося в конце мая 1922 года, где обсуждался вопрос «Об участии комсомольцев и молодежи в восстановлении народного хозяйства»,[31] было направлено 15 тысяч комсомольцев и молодежи на хашарные работы в республике, в том числе около 6 тысяч — в каракалпакские районы.

Еще больше оживилась работа комсомола ХНСР, Левобережной Каракалпакии после вхождения его в РКСМ в 1922 г. на основании решения II съезда ХКСМ, состоявшегося в феврале того же года. «Ввиду того, — говорилось в решении съезда, — что общность интересов трудящихся Хорезмской республики, в том числе и трудящейся молодежи, с интересами всего РСФСР в борьбе за поднятие и организацию хозяйства на новых началах, неминуемо приводит трудящихся Хорезмской республики к тесному единению и сотрудничеству с РСФСР, Коммунистическая партия Хорезма вошла в состав РКП(б). Поэтому Коммунистический Союз молодежи Хорезма, являясь организацией самостоятельной, находится под идейным руководством ХКП, всецело присоединяется к постановлению ЦК КИМ о присоединении ХКСМ к РКСМ и принимает эту программу, учитывая ту огромную, почетную роль, которую сыграл РКСМ в деле организации трудящейся молодежи Востока под знаменем КИМа и его колоссальный практический опыт в работе, приобретенный им в борьбе за все время революции».[32]

Главным итогом улучшения деятельности комсомола Левобережной Каракалпакии явилось дальнейшее укрепление его связи с деятельностью комсомола Туркестана, прежде всего с комсомолом Советской Правобережной Каракалпакии. Постепенно улучшалась связь комсомола с партией, которая в свою очередь нацелила ХКСМ, его местные органы на необходимость усиления работы среди детей национальных районов республики, а именно — среди каракалпаков, казахов, туркмен. «Главная работа ЦК ХКСМ, — подчеркивалось в решении Исполбюро ЦК ХКП в декабре 1923 г., — работе

среди детей, особенно среди детей национальных районов».[33]

Таким образом, комсомол Левобережной Каракалпакии, как и комсомол ХНСР в целом, постоянно оставался действенной силой в борьбе за разрешение тех сложных задач, которые стояли перед трудящимися массами республики.

К сожалению, нельзя было этого сказать о деятельности другой общественно-массовой организации — профессиональных союзов ХНСР. Профессиональные союзы Левобережной Каракалпакии еще оставались бездеятельными. Явно не способствовала этому сама организация профсоюзов в ХНСР. Вместо того, чтобы создать настоящие массовые органы трудящихся, здесь была сохранена старая, средневековая система их организации — бывшие цеховые организации — «уленгары», в которых объединялись главным образом ремесленники, торговцы. Что касается батраков, наемных рабочих, вообще всех обездоленных людей, то они не допускались в эти организации. Во главе «уленгаров» стояли в основном назначенные еще ханом чиновники — «кьялантары», на обязанности которых лежало взимание налога для ханской казны.

Сохранение подобной организации было выгодно бывшему правительству ХНСР, свергнутому в марте 1921 г., стремившемуся направить развитие страны по пути, выгодному эксплуататорским классам. Все ранее существовавшие 32 цеховые организации, насчитывавшие в своем составе 2222 члена, были просто объявлены профсоюзами. На деле же они все оставались карликовыми. В самом крупном из них — в союзе сапожников — насчитывалось в апреле 1921 г. 220 человек, а в союзе мясников—205 человек.[34] Не было ни инструкции, ни Устава профсоюзов, где определялись бы цели и задачи, в которых бы указывались особенности их организации. Ни структура их организации, ни состав членов не претерпели никаких изменений. Изменилась лишь вывеска: если раньше они назывались «уленгарами», то теперь стали называться профсоюзами. Выборы руководящего состава этих «профсоюзов» тоже ввиду отсутствия каких-либо инструкций и четко сформулированного положения о профсоюзах проходили чисто формально. Таким образом, профсоюзы ХНСР,

Левобережной Каракалпакии в том числе, в основном и теперь остались в руках эксплуататорских групп, совершенно чуждых интересам трудового народа. К тому же в республике все еще отсутствовало рабочее законодательство.[35]

25 июля 1921 г. были опубликованы тезисы о формах организации профессиональных союзов в ХНСР из 18 пунктов,[36] в которых была дана характеристика экономического и политического положения страны, определены цели и задачи профсоюзов. «Естественной опорой Советской власти, — указывалось в этом документе, — являются трудящиеся массы и союзы, объединяющие трудящихся на почве их повседневных интересов, совпадающих в государстве трудящихся с интересами государства. И формы профсоюзных органов должны соответствовать целям революционно-демократических преобразований, осуществляемых в стране. Это можно, — подчеркивалось в Тезисах, — осуществить только при изменении профессиональных союзов, охватывающих все отрасли промышленности».[37]

Определяя задачи профсоюзов в области экономического развития страны, в улучшении быта трудящихся, в Тезисах отмечалось: «Профсоюзы должны бороться против общегосударственной разрухи. Это улучшит положение трудящихся. Должны обратить особое внимание на улучшение быта трудящихся, что особенно важно при слабости государственных органов продовольствия и распределения. Должны улучшить общегосударственную и рабочую кооперацию».[38] При этом учитывалось, что решение этих задач будет зависеть не только от самих профсоюзов, но и от отношения к ним всех других органов Советской власти, которые должны оказывать им всемерную поддержку и помощь. Словом, была поставлена довольно четкая, целеустремленная задача — впредь рассматривать работу профсоюзов в качестве ударной. Указывалось и на то, что деятельность экономических органов должна проходить в тесном контакте и согласовано с профсоюзами.

Заслуживало внимания и указание о том, что «Культурная отсталость, сильное влияние религиозного фанатизма являются главной причиной политической отсталости населения, классовое сознание масс только начинает проявляться. Поэтому профессиональные союзы

должны вести решительную борьбу за повышение общей культуры и усиление политического самосознания масс. Забота о просвещении, росте своих членов — главная задача профсоюзов»,[39] — говорилось в Тезисах.

Перед профсоюзами ставились большие задачи. При этом на первый план выдвигалась борьба с бюрократизмом, «заменяя в советских учреждениях бюрократов честными людьми», борьба за нормирование труда рабочих, укрепление заработной платы, определение продолжительности рабочего дня трудящихся масс. Важное значение имело и указание об усилении борьбы со спекуляцией, как с общегосударственным злом, мешающим осуществлению революционно-демократических преобразований, усилении работы по подготовке квалифицированных рабочих путем создания специальных школ и курсов по профессионально-техническому образованию.

В условиях Левобережной Каракалпакии, как и во всей республике, особое значение имел и пункт о членстве в профсоюзе: членом профсоюза ХНСР может быть каждый гражданин, не эксплуатирующий чужой труд. «Кустари (частники), которых пока государство не в силах удовлетворить сырьем, тоже могут быть членами профсоюзов»,—отмечалось в них.

Разумеется, нельзя было расчитывать на то, что в этом документе, составленном в той сложной обстановке, все было верным. Было явно ошибочным, например, положение о том, что «Союзы безземельных и малоземельных дехкан» должны войти в состав Центрального Совета профсоюзов, как все остальные отраслевые профсоюзы. Видимо, это явилось результатом недооценки и недопонимания авторами Тезисов истинной роли «Союза безземельных и малоземельных дехкан», который пользовался в Левобережной Каракалпакии даже большим авторитетом, чем все профсоюзные организации в целом.

Наглядным выражением глубины новых социальных изменений является работа по раскрепощению женщин. Дело это трудное, требующее максимума усилий, умения и терпеливого проведения в жизнь программных положений новой власти в этой области.

Что касается условий каракалпакских районов в составе ХНСР, то положение характеризовалось здесь тем,

что до лета 1921 г. революция почти не коснулась этой стороны жизни населения. Женщина—каракалпачка, узбечка, туркменка, казашка, являющиеся наиболее угнетенной частью населения, по-прежнему оставалась под властью своих мужей, считалась вещью и не пользовалась почти никакими юридическими правами.

1 Всехорезмский курултай народных представителей, провозгласивший образование Хорезмской Народной Советской Республики (апрель 1920 г.), объявил, что женщина пользуется одинаковыми правами с мужчиной, что она имеет право избирать и быть избранной во все руководящие органы народной Советской власти, имеет право посещать наравне с мужчиной вновь открытые школы.[40] Но на деле они еще долго находились при прежних условиях, провозглашенные права оставались лишь на бумаге. Представителей женщин не было не только в составе правительства ХНСР, их не было и в составе районных и городских советов.

Поэтому заслуживало всяческого одобрения создание летом 1921 г. при Временном Центральном Бюро ХКП специального женского отдела, который был призван организовывать и руководить массовой работой среди местных женщин. И надо отдать должное тому, что Женотдел во главе с настоящей патриоткой Аннаджемал Идрисовой[41] сразу же начал организовывать на местах специальные женские мастерские, которые находились на особом материальном обеспечении государства. По заказу правительства в этих мастерских готовились военное обмундирование для красноармейцев, а также различная одежда для населения. Устраивались специальные лекции и беседы о правах и обязанностях женщин в новом обществе, создавались школы по ликвидации неграмотности среди женщин, организовывались специальные курсы кройки и шитья. Вся эта работа проходила в неимоверно трудных условиях. Сопротивлялись не только феодально-байские элементы, но и отдельные представители самих местных властей, даже и некоторая часть коммунистов, не свободных в своих взглядах от феодально-байских позиций.

Результативной работе этой организации способствовала и деловая помощь Женотдела ЦК Компартии Туркестана, представители которого не раз приезжали в ХНСР для оказания практической поддержки. Регуляр-

но высылалась необходимая литература, наглядные пособия: плакаты, лозунги и др. В циркулярном письме ЦК РКП(б) сообщалось, что 20 июня 1921 г. в г. Москве состоится Всероссийский съезд трудящихся женщин Востока, куда от Хорезмской республики предоставлялось право послать 10 делегаток с правом решающего голоса. «Съезд должен играть, по словам В. И. Ленина, — говорилось в документе, — и, несомненно, сыграет громадную роль в деле пробуждения сознания, организованного объединения женщин Востока, с другой стороны, в силу того, что он будет происходить одновременно с III конгрессом Коминтерна, в сильнейшей мере будет способствовать выявлению перед лицом пролетариата всего мира и постоянного характера и мощи русской революции, которая пробудила от векового сна самые угнетенные и несознательные слои населения».[42] Но на съезд поехала от ХНСР лишь одна женщина — сама зав. Женотделом Временного Бюро ЦК ХКП А. Идрисова.[43]

В условиях Хорезмской НСР особое политическое значение приобретали части Красной Армии, которые насчитывали до 5000 человек в составе 3-х полков — двух кавалерийских и одного пехотного.[44] Ввиду отсутствия твердого закона о воинской повинности в Красной Армии служила в основном молодежь из трудовых слоев населения. В результате энергичной работы военного назира Волошина, уроженца Турткуля, Политуправления Хорезмской Красной Армии во главе с Хамзой Мусаевым, председателя вновь созданного РВС Хорезмской Красной Армии Миркамала Миршарапова части Красной Армии постепенно становились самой верной опорой для народной власти в ХНСР, в ее каракалпакских районах. «Местное население, — писал военный назир ХНСР Волошин, — относится к Красной Армии с большим уважением и симпатией, считая ее как своего спасителя от грабительских нападений со стороны вражеских сил. В свою очередь Красная Армия тоже с симпатией относится к населению республики, всегда готова идти навстречу стремлениям трудового народа».[45]

Благодаря общим усилиям всех патриотических сил ХНСР, в том числе Левобережной Каракалпакии, определенные успехи были достигнуты и в деле организации

борьбы с басмачеством, которое к середине 1922 г. было сильно ослаблено.[46] Перешел на сторону Советской власти со своим отрядом один из главарей басмачества в Хорезме Гулам Али».[47]

Правительством ХНСР была предложена амнистия и Джунаидхану, который чувствовал под собой непрочную, сильно ослабевшую позицию и дал согласие на перемирие. Он прислал в Хиву своих представителей, которые были приняты Хорезмским правительством. Кстати, посланцы Джунаида даже участвовали на торжествах по случаю четвертой годовщины Великой Октябрьской социалистической революции.[48]

Но в целом обстановка оставалась по-прежнему крайне сложной. Успешное решение задач революционно-демократических преобразований в Левобережной Каракалпакии во многом зависела от ликвидации басмачества, постоянно терроризировавшего все местное население. Основные ударные силы басмачества по-прежнему группировались именно в северной части ХНСР, то есть в районах, населенных туркменами, каракалпаками, казахами. Поэтому данная проблема всегда была в центре внимания органов народной власти, т. к. Левобережная Каракалпакия постоянно находились в самом тревожном положении. Предстояла задача более широкого привлечения всего населения республики, на ликвидацию басмачества. Именно этим целям и служила та большая разъяснительная работа среди широких масс трудящихся о правоте политики Советской власти, о подлинно народном ее характере. В первых рядах этой всенародной борьбы была молодежь Левобережной Каракалпакии. Органы народной власти и общественные оранизации Левобережных районов принимали экстренные меры для исправления создавшегося положения, создавали вооруженные отряды самообороны из числа коммунистов и комсомольцев, которые охраняли города и аулы от внезапных нападений басмачей. Между отрядами самообороны и басмачами происходили кровопролитные бои. Кунградский комитет Союза «Кошчи» от 21 марта 1923 г. сообщал: «Вокруг Кунграда сильно участились налеты Джунаидхана.[49] Только весной 1923 г. в аулах Кунградского района было разграб-

лено басмачами 560 дехканских хозяйств, убито 365 человек, уведено более 50 женщин и девушек, свыше двух тысяч голов лошадей, верблюдов и множество других видов скота. Басмачи разоряли и населенные пункты Ходжейли, Мангита и других районов. Кунградский район объявлялся на военном положении.

При активном участии комсомольцев Ходжейли и Кунграда одним из первых на территории ХНСР из числа комсомольцев и беспартийных активистов были созданы части Особого назначения—«ЧОН». Эти добровольческие отряды оказали большую помощь частям регулярной Красной Армии в борьбе с басмачеством. В отряды принималась молодежь из числа комсомольцев в возрасте от 17 до 21 года.

Ходжейлийский горком комсомола одобрил решение ЦК КСМХ (начало 1922 г.) о создании добровольческих отрядов молодежи для охраны общественного порядка и защиты населения от вражеских нападений, рекомендовал в состав комиссии по руководству вновь созданными отрядами Аламина Бабаджанова, Мухамеда Якубова, Курбаниязова и Ядгора Юсупова.[50]

В деятельности ЧОНа важную роль играл военный отдел ЦК КСМХ, созданный 27 февраля 1923 г. Характерна, например, помощь этого отдела комсомольцам Кунградского райкома. В начале марта 1923 г. Кунградский райком комсомола при участии 75 комсомольцев обсудил вопрос об усилении борьбы против басмачества и решил в соответствии с указанием ЦК КСМХ организовать районный добровольческий боевой комсомольский отряд под председательством Эшмурата Аминова. И уже в первый день в отряд записались 15 комсомольцев, в том числе Балтабай Кушаков, Уразбай Муминов, Раджаб Тилов, Гали Эсанов. Как описывается в коллективной монографии «История комсомола Узбекистана», комсомольцы Ходжейлийского и Кунградского районов ночью несли караульную службу и часто вступали в схватку с басмачами, а днем работали. В постановлении Мангитской районной комсомольской организации от 8 марта 1923 г. подчеркивалось: «Необходимо уничтожить басмачество, чтобы народы и молодежь Хорезма могли

жить мирно и спокойно. Мы, молодежь, потеряли много преданных товарищей в борьбе против басмачества. Мы обязаны поддержать военную бдительность.[51]

Пришлось принять самые экстренные меры, направленные на исправление положения в районе. В апреле 1923 года в Кунграде состоялся объединенный пленум комсомола и комитета бедняков с повесткой дня: «Борьба с басмачеством», в котором участвовало более 300 комсомольцев и молодежи. Единогласно было решено создать добровольный комсомольский отряд «Красная молодежь», в которой записались все его участники. И уже на следующий день—23 апреля в 6 часов утра отряд Красной молодежи вместе с другими частями народной армии вступил в бой с басмачами.[52] Кстати, в этой смертельной схватке показала себя и молодежь Кунградского интерната и школы «Намуна», которые снабжали участников боев продуктами питания и боеприпасами. Мужество и отвагу проявили в этой схватке командиры отрядов «Красная молодежь» Емберген Танирбергенов, Турганбай Калимбетов, Ережеп Сапаев, комсомольцы Курбыш Исмаилов, Матчан Худаназаров и Уразбай Авезов.

В неравном бою с врагом мужественно отдали жизнь за власть Советов[53] активисты комсомола — Айбазар Далимов, Нажим Наурузбаев, Хаким Доланов, Орынбаев и другие. Был тяжело ранен в бою секретарь Кунградского районного комитета комсомола Куват Сейтниязов.[54] Решительные сражения против басмачества происходили и потом. И здесь активную роль играла именно молодежь. Комсомолец Аскар Нурумбетов, руководитель народных самоохранников Кунграда, во время проверки своих охранников 25 сентября 1923 г. обнаружил на караванном пути, проходящем к западу от Кунграда, следы более 200 противников и тут же сообщил об этом в Кунград. Догнал их в местечке Кумшохат, в тридцати пяти километрах западнее Кунграда, где завязался бой между жигитами Нурумбетова и басмачами. Сражение было исключительно трудным. Не успело прибыть подкрепление, не хватило боеприпасов. Героически погибли в бою командир отряда Аскар Нурумбетов, председатель районного комитета профсоюзов Оразбай

Байтангатов, комсомольцы К. Исмаилов, Т. Калимбетов, Р. Сапаев и многие другие верные сыны каракалпакского народа.[55]

Заметные сдвиги произошли и в деятельности самих 28 городских и районных щуро (Советов) республики. Постепенно повышался авторитет и влияние среди широких масс трудящихся всех 8 районных Советов Левобережной Каракалпакии. Регулярно при активном участии делегатов происходили в них сессионные работы.

Об оживлении работы Советов свидетельствовал и итог работы очередного III Всехорезмского курултая Советов народных представителей, который состоялся в июле 1922 г. В нем участвовало 339 делегатов, которые представляли различные национальности, проживающие в ХНСР. От каракалпакских районов участвовали на курултае 40 делегатов. Как правило, все они являлись председателями городских и районных Советов или же представителями дехканских комитетов.

На курултае работало три секции: финансовая, военная и конституционная, что способствовало широкому участию всех делегатов в обсуждении вынесенных на курултай вопросов в разрешении хозяйственных и политических проблем.

Отличительной чертой работы данного курултая явилось и то, что в качестве равноправных делегатов в нем участвовала и лояльно настроенная часть духовенства. Это имело большое политическое значение, ибо оно было рассчитано на привлечение к активной борьбе за новую жизнь широких слоев трудящихся масс, среди которых духовенство пользовалось сильным влиянием. Надо было учитывать и то, что отдельные представители духовенства были готовы активно сотрудничать с народной Советской властью.

Например, в ходе работы по подготовке к III Всехорезмскому курултаю Советов видный представитель местного духовенства Ахун Ишан по своей инициативе обратился к населению с письмом, где он разъяснял народу, что основные «принципы ислама не противоречат существу Советской власти, выдвигающей идею равенства и братства народов без различия рас и национальностей и провозгласившей религию частным делом верующих».[56]

Важное место в работе курултая занял национальный вопрос. Подчеркивалось: «Отныне на территории Хорезмской Народной Советской Республики нет более места межнациональной вражде. Все народы пользуются как равными правами, так и равными обязанностями. Лишается избирательных прав и объявляется контрреволюционером всякий, кто является сторонником какого бы то ни было национального угнетения».[57]

Именно на этом курултае Советов, произошло выдающееся событие в жизни каракалпакского населения ХНСР — впервые в истории народа было положено начало созданию каракалпакской национальной государственности. Идя навстречу исконным желаниям каракалпаков, проживающих на территории Хорезмской республики и учитывая экономические и культурные интересы населения всей Левобережной Каракалпакии, курултай Советов решил создать при Хорезмском Исполнительном Комитете — ХорЦИКе — Казахско-каракалпакское бюро по образу ранее созданного Туркменского отдела при ХорЦИКе.[58]

Казахско-каракалпакское бюро состояло из 7 человек, председателем которого был утвержден Сарсенбаев. По решению Советов, Бюро должно было руководствоваться «Положением о туркменском отделе, в котором оглашалось, что отдел, следовательно, казахско-каракалпакское бюро пользуется правом областного управления казахско-каракалпакскими районами ХНСР. В его функции входило следующее: представлять эти работы перед органами власти ХНСР, защищать интересы казахско-каракалпакского населения в полном согласии с принципами народной революции, Хорезмским и общегосударственным законодательством: регулировать взаимоотношения между различными племенами и родами казахов и каракалпаков, добиваясь ликвидации племенной и родовой вражды; по соглашению с президиумом ХорЦИКа распределять своих членов по назиратам республики и делегировать их в различные комиссии; по согласию с президиумом ХорЦИКа не более двух раз в год создавать Всеказахско-каракалпакский курултай Советов для разрешения важных вопросов жизни казахов и каракалпаков».

Таким образом, с этого момента вся работа, связанная с решением проблем революционно-демократических преобразований в районах Левобережной Кара-

калпакии в составе ХНСР, проходило при самом активном участии этого своеобразного органа.

Исключительный интерес вызвало обсуждение земельно-водных вопросов, разрешение которых все еще сильно тормозилось отсутствием сколько-нибудь правильной статистики и неналаженностью государственного аппарата в центре и на местах.

В дополнение к постановлению о раздаче бывших ханских и байских земель беднейшему дехканству, принятому на II Всехорезмском курултае Советов (май 1921 г.), на основании которого дехканство получило 14 тыс. танапов земли, III Всехорезмский курултай в качестве практической меры принял решение об освоении около 250-ти тысяч десятин земли при условии орошения ее путем создания ряда крупных ирригационных сооружений. Осуществление этого мероприятия, как указывалось в решении курултая, могло обеспечить водой еще 300 тысяч населения из среднего расчета по 5 танапов на душу.

Отмечая, что аграрная реформа в условиях ХНСР, в частности, в Левобережной Каракалпакии, является в значительной мере реформой ирригационной, курултай Советов наметил провести ряд мер по улучшению работы ирригационных систем: углубление, расширение и удлинение старых арыков, берущих свое начало из Амударьи; разработка новой сети внутренних арыков, получающих лишь в скудных размерах воду из крупных головных арыков; исследование и по возможности использование для нужд земледелия и скотоводства озерной площади; постройка новых и ремонт старых заградительных дамб в борьбе с разливами Аму-дарьи, борьба с постоянно заносящими Хорезмский оазис песками путем рационального древонасаждения. «Интенсификация сельского хозяйства, поднятие промышленных культур, снабжение дехканства более усовершенствованными орудиями труда, нежели омач и кетмень, и создание сети сельскохозяйственных школ,—говорилось в решении курултая, — все это дало бы возможность поднять земледелие в Хиве на значительную высоту».[59]

Курултай Советов утвердил проект создания при Назирате Земледелия Государственного земельного фонда из бывших ханских земель для наделения землей беззе-мельных и малоземельных дехкан, принял постановле-

ние об открытии дехканского банка с первоначальным капиталом в 200 миллиардов рублей (по тогдашним ценам), с представлением ссуд дехканам через дехканские комитеты. Курултай высказался за необходимость упорядочения финансовой политики путем введения строгого контроля за миссией и установлением твердого государственного бюджета. С этой целью были учреждены Государственный Банк и Налоговая Палата, которая должна была следить за правильным поступлением налога. Была утверждена целая система как старых, так и новых налогов (натуральный, промысловый, налог за скот, за сдачу в аренду базаров, заводов, каюков) и плата за государственные и коммунальные услуги.

В решении курултая подчеркивалось, что для беднейшей части населения обучение, медицинская и агрономическая помощь остаются бесплатными.

Курултай уделил особое внимание вопросам состояния дошкольного образования, борьбы с безграмотностью населения, для чего было принято постановление образовать сеть школ на национальных (узбекском, каракалпакском, туркменском и казахском) языках.

Курултай Советов решил направлять наиболее способных учеников в высшие учебные заведения Туркестанской АССР и другие районы РСФСР.

Особое место занял на курултае и вопрос об организации борьбы против басмачества. «Басмаческое движение в Средней Азии, контрреволюционные заговоры, тяжелая борьба бухарского народа с Энвар-Пашой, — говорилось в постановлении курултая, — все это будит спящих и зовет все народы освобождающегося Востока к тесному союзу советских республик в борьбе с врагами Советской России, единственно обеспечивающей всестороннее развитие освобожденных стран Востока».[60]

Работа III Всехорезмского курултая народных представителей, принятие на нем ряда весьма важных решений о сложных задачах, свидетельствовали об усилении активности широких слоев трудящихся в строительстве новой жизни. Свидетельствовало об этом и совершенствование работы самого аппарата Хорезмского

Центрального Исполнительного Комитета, Совета Народных Назиров, на заседании которых регулярно приглашались председатели районных Советов, и, конечно, создание Казахско-каракалпакского отдела с правом областного управления.

2.2. Социально-экономическое положение. Экономическое объединение ХНСР с ТАССР и БНСР, его значение для Левобережной Каракалпакии

В преамбуле Конституции ХНСР, принятой II Всехорезмским курултаем народных представителей (май 1921 г.), отмечалось: «Хорезмское государство является одним из тех государств, в котором почти отсутствует промышленное производство и которое по своему экономическому положению служит производителем сырья и потребителем продуктов фабрично-заводской промышленности». Крайне отсталым было и сельское хозяйство.

Чтобы исправить создавшееся положение в экономическом развитии республики II Всехорезмский курултай народных представителей принял постановление о раздаче бывших ханских и байских земель беднейшему дехканству, на основании чего дехкане ХНСР получили 14 тыс. танапов земли (один танап равен одной шестой десятины). Однако это вовсе не решало проблему обеспечения массы дехкан землей и водой. Курултай в качестве практической меры принял решение о дополнительном освоении около 250-ти тыс. десятин земли при условии орошения ее путем создания ряда крупных ирригационных сооружений. Осуществление этого мероприятия должно было обеспечить водой еще 300 тыс. населения из среднего расчета по 5 танапов на душу.

Были предприняты меры по ремонту оросительной сети и сооружению новых каналов. Десятки тысяч дехкан участвовали в хашарных работах 1921 г., при этом на казу добровольно участвовали представители всех народов, населяющих Хорезмскую республику: узбеки, каракалпаки, туркмены. Еще более крупные ирригационные работы были осуществлены в 1922 г. Работы по очистке каналов привлекли в несколько раз больше дехкан, чем в 1922 г., и закончились на 10 дней раньше. Большая работа проводилась и по укреплению берегов Аму-дарьи, было вновь построено 12 заградительных дамб (гачи), отремонтированы старые на расстоянии 120 километров, причем в этих ремонтных работах участвовало до 45 тыс. человек.[61]

В дополнение к тем 14 тыс. танапов ханской земли дехкане ХНСР получили в начале 1923 г. еще около 44 тыс. танапов (17,6 тыс. га) вновь орошаемых земель. Архивные документы свидетельствуют, что более половины этой земли были именно в каракалпакских районах ХНСР.[62]

Говоря о своеобразии социально-экономического развития Хорезмской республики, Левобережной Каракалпакии в частности, необходимо остановиться на особенностях проведения здесь новой экономической политики — НЭПа. Дело в том, что все заводы и фабрики возникли здесь после завоевания Хивы царской Россией и хозяевами их были почти без исключения русские капиталисты. «Проведение новой экономической политики, — отмечал Кара Икул, представитель Наркомата, — было чревато способностью возрождения старых колонизаторов, которые... сейчас начали оживляться. Ввиду отсутствия ярко выраженной пролетарской диктатуры загрывание старых акул грозило возрождением старого колонизаторства».[63] Поэтому приходилось быть очень осторожным. У местных байских элементов отсутствовала инициатива брать на себя обязанности налаживания работы фабрик и заводов, т. к. они были способны лишь на мелкую базарную спекулятивную деятельность.

Убедительный тому пример — печальный случай, который произошел тогда на Ходжейлийском хлопкоочистительном заводе, единственном заводе ХНСР, подававшем надежду на восстановление. «В Ходжейлях, на берегу реки Амударьи, — писал с сожалением, автор этой статьи, — был поставлен один из трех во всем Хорезма дизелей. Хозяин этого дизеля (некий Сафарянц — К. П.) неоднократно предупреждал местные власти об опасности, угрожающей дизелю быть смытым в реку Амударью. И действительно, дизель смыли бурные воды реки Амударьи и, конечно, кроме хозяина, никто о нем не пролил ни одной слезинки. Участь злополучного дизеля ожидает и все заводы Хорезмской республики».[64]

Правильному решению вопросов, связанных с проведением новой экономической политики, мешала и местническая, явно враждебная линия поведения отдельных лиц из руководства. Например, среди населения распространялись всякие провокационные слухи о вывозе в Россию Хорезмского хлеба целыми вагонами, вследствие чего, якобы, всему населению Хорезмской республики грозит участь центральных районов РСФСР — Поволжья, где в это время был голод.

Все это сильно мешало экономическому возрождению Левобережной Каракалпакии, как и всей республики. В значительной мере явно мешало и дальнейшему укреплению дружественных связей ХНСР и РСФСР. Между тем было очевидно, что восстановление того небольшого количества заводов и фабрик, создание новых промышленных предприятий было немыслимо без опоры на бескорыстную помощь РСФСР. Такая линия ЦК ХКП и правительства ХНСР находила полную поддержку советских представителей, посланных в Хорезм по линии Средазбюро ЦК РКП(б) и Средазэкономсовета для оказания им практической помощи. Правительство РСФСР, оставаясь верным Союзному Договору, заключенному между ХНСР и РСФСР, готово было оказать эту безвозмездную помощь трудящимся молодой республики, в том числе Левобережной Каракалпакии. «Наши органы Внешторга,—говорилось в редакционной статье газеты Наркомнац РСФСР «Жизнь национальностей», напечатавшей тогда о положении в ХНСР,—...должны взять на себя роль и задачу помочь местной власти воскресить старые заводы, способствовать развитию собственной местной промышленности и помочь местным экономическим органам в руководстве всей промышленностью страны. При акитвном участии Внешторга должны организовываться местные торговые компании, в которой должна участвовать местная государственная власть частью своих паев, чтобы всецело сохранить контроль и руководство... Важной задачей Внешторга надо считать также активную помощь в работе по покрытию Восточной республики (ХНСР — К. П.) сетью сельскохозяйственных, городских потребительских и производственных кооперативов».[65]

Большое значение в социально-экономическом возрождении Хорезмской республики, особенно ее каракалпакских районов, имело экономическое объединение ХНСР, ТАССР и БНСР. Это способствовало и дальнейшему сближению Левобережной Каракалпакии с Правобережной.

5—9 марта 1923 г. в г. Ташкенте состоялась первая экономическая конференция среднеазиатских республик,[66] которая постановила: «В целях укрепления и развития народного хозяйства означенных выше республик, объединить их на началах единства их экономической политики и хозяйственного плана». Был создан Средазэкономсовет, который работал под непосредственным руководством Средазбюро ЦК РКП(б). Определяя, насколько велико было значение экономического объединения среднеазиатских республик для ХНСР, руководитель делегации ХНСР председатель Совета народных назиров республики Атаджанов сказал: «...никогда мы еще не видели такого дня, когда бы все народы трех республик собрались на таком совещании и могли... изложить все наши наболевшие нужды... Мы от души приветствуем такую конференцию, видя в ней начало обсуждения наболевших вопросов народов Средней Азии...» Единственной спасительницей, единственной страной, которая поможет нашей отдаленной отсталой стране, — продолжал посланец узбеков, каракалпаков, туркмен, — является великая Российская Федерация. Мы приветствуем здесь руководителей, которые созвали эту конференцию и дали нам возможность на объединенном совещании решать наши общие вопросы...» «Мы, хивинцы, самостоятельно не можем жить. У нас не имеется... ни инструкторов, ни учителей. Народ живет в темноте, он страшно отстал... Оплотом нашим является Туркестан и Россия, и отделиться от них мы ни под каким видом не думаем. Как рыба не может жить без воды, так и мы не можем жить без России и Туркестана».[67]

Все вопросы, обсужденные на этой конференции (их было более десяти), имели исключительно важное значение в экономической жизни народов Советской Средней Азии. Это были вопросы о хозяйственном положении каждой из этих республик, о финансах, о сельском хозяйстве и ирригации, о госторговле и кооперации, о транспорте и связи, о хлопководстве, о статистике и

учете; о народнохозяйственном плане. В работе конференции особое место заняло обсуждение вопроса о повышении хлопководства в Средней Азии, в частности ХНСР, ее главной отрасли народного хозяйства. «Первое наше слово, когда мы говорим о том, как восстановить экономическую мощь Хорезма, — подчеркивал Атаджанов, — должно быть обращено к хлопку. Хлопок — это золото Хорезма, ...вместе с ним поднимется и вся хозяйственная жизнь страны».[68]

Тем более нужно было учесть, что к этому времени резко сократилась посевная площадь под хлопчатником, уменьшилась ее доходность. Закупочные цены на хлопок упали в 5—6 раз, в то же время цены на пшеницу резко повысились.[69] Если раньше—в 1916 г. — Хивинское ханство производило 174000 пудов хлопка, а выращиванием его занимались почти 9/10 дехканских хозяйств,[70] то теперь ХНСР, в том числе Левобережная Каракалпакия, производила ничтожное количество хлопка, который почти целиком уходил на нужды кустарной промышленности.

Такое положение сильно отразилось на экономическом положении народов этого региона, дехкане, «бросив свои хлопковые поля, — отмечалось на конференции, — стали заниматься кустарным промыслом...»[71]

Хлопководство играло стержневую роль в деле дальнейшего укрепления отношений между ХНСР и РСФСР. «Хлопководство — подчеркивалось на конференции, — теснейшим образом связано с хозяйством РСФСР в целом, РСФСР является единственным покупателем хлопка. Отсюда ясно, что экономическое объединение ХНСР с РСФСР является для нее вопросом жизни и смерти».[72]

Заслуживают внимания многие другие проблемы, затронутые на этом форуме среднеазиатских республик. Это вопросы финансового положения ХНСР, ее каракалпакских районов, неоправданное увеличение государственного аппарата. Ставился вопрос о налогах, так как решению этой проблемы препятствовали феодальные и буржуазные круги, еще имевшие значительное влияние. Налоги по-прежнему падали в основном на плечи дехканства. Почти свободными от налогов были представители имущих классов, особенно городская буржуазия. «Дехканин платит 97% и только 3% падает на городское население — говорил на конференции полпред

СССР в ХНСР Городецкий. — Отношение между городским населением и дехканством следующее: 85% дехканства и 15% городского населения. Но даже и эти 3% поступают в основном от сдачи в аренду базаров». Представитель СССР предложил в качестве практической меры в корне изменить налоговую систему в Хорезме, «чтобы она главной своей тяжестью ложилась на имущие классы».[73]

Исключительную ценность представляли для Левобережной Каракалпакии обсуждаемые проблемы, связанные с улучшением состояния транспорта. Территория ее была раскинута по Каракумам и Устюрту, всему Приаралью.

Подчеркивая особое значение транспорта в экономическом объединении среднеазиатских республик и решении неотложных хозяйственных дел Я. Рудзутак — председатель Средазбюро ЦК РКП(б), подчеркивал, что основная задача заключается в следующем: «надо увязать хозяйства Бухары, Хорезма и Туркестана железными дорогами так, чтобы общехозяйственная система имела какое-нибудь соприкосновение с транспортом, ибо без транспорта развитие хозяйства невозможно, так как весь экспортный план, перемещение и установление хлебного рынка, успешный сбор продналога, хлопковая кампания и пр., — все эти вопросы тесно связаны с транспортом».[74] Ближайшая железнодорожная станция (Чарджуй), находилась на расстоянии более 50 км. «Чтобы ею воспользоваться необходимо брать с собой многочисленный отряд, — говорил предсовмина ХНСР, — иначе басмачи перехватывают на дороге проезжающих, грабят и убивают их. Дорога по Амударье обходится дешевле, но в настоящее время и этот путь небезопасен, потому что басмачи обстреливают с берега, и кроме того, из Хивы в Чарджуй идти надо в лямках, которые тянут люди».[75] От плохого состояния транспорта страдала вся хозяйственная и культурно-политическая жизнь в Хорезмской республике, Левобережной Каракалпакии, в частности.[76]

В качестве практической меры предлагалось: «1. Обратить самое серьезное внимание... на улучшение положения Амударьинской флотилии; 2. Наладить воздушную линию между Чарджуем и Хивой, которые «помимо своего промышленного значения..., имели громад-

ное культурное и политическое значение, связав тесными узами братские народы между собой».[77] Правительство революционного Хорезма было готово к принятию решительных мер в этом направлении. «Не останавливаться ни перед какими затратами, чтобы приобрести аэропланы и организовать воздушную линию», — заявил на конференции председатель правительства ХНСР.[78]

Итоги работы конференции показали, что народы ХНСР, Левобережной Каракалпакии в том числе, «целиком стоят за это единение...» и «глубоко верят, что экономическое объединение поднимет их на ноги..., даст те прочные основы для хозяйственной жизни, и которые действительно, будут отвечать тому, что Хорезм — страна Советов, а не страна ханской деспотии».[79]

Вскоре после экономического объединения ХНСР с ТАССР и БНСР в целях оказания практической помощи ученые-экономисты, инженеры, статистики, всесторонне изучили состояние экономического положения всех районов республики, в том числе 8 каракалпакских — Ходжейли, Кунград, Ктай, Кипчак, Мангит, Клычбай, Кият-Кунград, Муйнак. Они дали местным властям ценные советы и предложения по тем или иным проблемам, связанными с решением местных особенностей.

Навсегда вошли в историю народов Левобережной Каракалпакии, всех народов Хорезмского оазиса имена подлинных ученых-интернационалистов — Черданцева, Демидова и Зубрек. Инженер К. Зубрек в статье «Земледелие и ирригация Хорезма в связи с вопросом экономического объединения среднеазиатских республик» писал: «...нужно мелиорировать полузаболоченные и засоренные земли, высушить озера и болота и избавить от чигирей (ручной способ поднятия воды из крупных каналов — К. П.), результатом чего будет повышение урожайности полей до двухсот процентов, освобождение рабочих рук, расширение площади посевов, в особенности под наиболее ценными культурами — хлопком и семенной люцерной».[80] Он предложил принять меры по сбросу всех избыточных от наводнения вод, которые заболачивают и подтапливают культурные зоны, в сторону Арала. Считал при этом необходимым провести по всей южной и западной границе густонаселенного Хорезма, через самые густые скопления озер, в низовьях всех крупных систем, большой канал, начиная от Питняка и кончая Чермен-Ябом. «Сам по себе этот канал произведет, — продолжал К. Зубрек, — громадное осушение и даст выход для всех последующих осушительных и дренирующих работ».[81] Предложения, сделанные советскими учеными были чрезвычайно важными для Левобережной Каракалпакии, для всей Хорезмской НСР. К. Зубрек не только указывал на необходимость закладки подобных каналов, но еще и предложил подробный проект по практическому осуществлению этого ценнейшего мероприятия. Не все добрые советы высококвалифицированного специалиста были осуществлены на деле.

Например, К. Зубрек считал необходимым ошлюзовать магистральные каналы, которые должны были оградить культурную зону от наводнения и потопления избытками грунтовой воды, уменьшить заполняемость каналов и облегчить эксплуатационные работы. Это должно было в значительной мере увеличить площадь полного самотечного орошения и избавить население от чигирей. К. Зубрек указывал и на необходимость проведения работы по усовершенствованию головных систем водосточных каналов, предлагал свой конкретный проект по их осуществлению.[82]

Заслуживают внимания и предложения К. Зубрека о том, что связь ХНСР с ТССР, непосредственно и самой РСФСР, должна устанавливаться по линии общего плана культурных мероприятий и земельно-водной политики, путем согласования всех основных вопросов через среднеазиатский экономический совет и путем единого источника и метода финансирования культурных и восстановительных работ по ирригации и земледелию.[83] Он считал необходимым: 1. Создание единого «плана принципов и методов земельного и водного налогов, натуроповинности и возврата государству затраченных средств...; 2. Проведение планомерного использования водно-земельных ресурсов, технического хозяйства и оборудования, оказание инструкторской и организационной помощи ХНСР, в том числе Левобережной Каракалпакии, со стороны более культурных и сильных союзников путем посылки туда добропорядочных квалифицированных сил».[84]

Одним из главных итогов экономического объединения ХНСР с ТАССР и БНСР, явилось создание Сре-

дазэкономсовета. С его ведома и прямого участия решались теперь все сложные задачи, связанные с развитием всех этих трех республик. Энергичная деятельность Средаэкономсовета очень скоро дала свои положительные результаты, значительно облегчила решение ряда проблемных задач, стоящих перед трудящимися Хорезмской республики, особенно способствовала сближению всего каракалпакского народа, проживающего в Хорезмском регионе.

В целях совершенствования связей ХНСР с другими республиками ее консульства в городах Ташкенте и Чарджуе были преобразованы в экономические представительства Хорезмской Республики. В свою очередь правительство Туркестанской АССР своим постановлением от 30 июля 1923 г. предоставило теперь всем «гражданам Бухары и Хорезма право въезда и проживания в пределах Туркестанской республики по своим национальным документам без визы полномочных представителей РСФСР в Бухаре и Хорезме».[85]

Необходимо особо подчеркнуть, что данное решение приобретало особо важное значение для каракалпакского населения, территория которого все еще была разделена разными берегами реки Амударьи, то есть входила в состав разных государственных образований.

Важно отметить, что ХНСР, в частности Левобережному Каракалпакстану, постоянно оказывалась всемерная материальная поддержка: систематически посылались кадровые работники, которым давались конкретные поручения по оказанию помощи на местах. Каждому из членов групп ответственных работников, направленных на помощь в начале 1923 г., были даны конкретные задачи: тт. Козловскому, Дитману и Ширмухамедову — оказать помощь хозяйственным органам ХНСР в налаживании работы на новых революционных началах; т.т. Троицкому, Султан-Ходжаеву и Зубкову поручалась организация кооперативной работы в ХНСР, в отдельных ее районах. Все они с пониманием относились к своим обязанностям. Так, Козловский уже вскоре по приезде в Хорезм — 9 августа 1923 г. — выступил на III' пленуме ЦК ХКП с содержательным докладом о финансовом положении ХНСР, всех ее районов.

Говорят о месте Средазэкономсовета в революцион-

но-демократических преобразованиях в ХНСР, в ее каракалпакских районах, необходимо отметить его роль в составлении народнохозяйственного плана республики ХНСР на 1923—1924 гг., который от начала до конца был подготовлен именно его посланцами специалистами-экономистами.

Чтобы представить себе, в каких трудных условиях создавался этот весьма важный документ, столь конкретно и правдиво характеризующий сложное положение Хорезмской республики, в том числе Левобережной Каракалпакии, достаточно привести небольшую выдержку из высказывания председателя Хорезмского экономического Совета А. Усманова: «В ХНСР никогда не проводилось никаких статистических работ, а потому нет никаких точных количественных измерителей народного хозяйства: население, обрабатываемая и посевная площади, пропорции культур, количество скота и все другие элементарные статистические данные, имеющиеся везде и всюду, здесь отсутствуют. При составлении хозяйственного плана у Хорезмского экономического Совета не сказалось возможности опереться и на статистические сведения. Пришлось в необходимых случаях заменять их официальными данными государственных учреждений, зачастую недостаточно точными, и сведениями опросного характера».[86]

Народнохозяйственный план ХНСР на 1923—1924 гг. впервые в истории народов Хорезма научно определивший состояние и перспективы развития экономики и культуры республики включал в себя 15 разделов.

В этом важнейшем документе подводится своеобразный итог всего пройденного пути ХНСР, в том числе Левобережной Каракалпакии, со времени свержения Хивинского ханства и победы Народной революции.

2.3. Культурное строительство

Позитивные изменения, происшедшие в социально-экономической и политической жизни народов Левобережной Каракалпакии, как и на всей территории ХНСР, с первых дней победы Народной революции, несомненно, сопровождались проведением ряда революционно-демократических преобразований и в области культурного строительства. Последовательно (хотя и робко)

проводились меры, направленные на постепенное повышение культурного уровня широких масс трудящихся, их политического самосознания. Необходимость проведения этой работы вытекала из самой жизни, из задач, стоявших тогда перед новой революционной властью этих районов, ибо нельзя в стране безграмотной построить новое цивилизованное общество.

Успех дела на столь ответственном участке работы зависел от заботы и внимания, проявляемых со стороны органов новой революционной власти, вопросу повышения культурного уровня населения.

Важную роль в решении проблем культурного строительства в Левобережной Каракалпакии играли общественные организации, в частности, комсомольская организация ХНСР. Всероссийский съезд РКСМ в октябре 1920 г., напоминая его участникам о необходимости обязательного повышения культурного уровня всего населения республики, и прежде всего ликвидации безграмотности, строго предупреждал: «Недостаточно того, чтобы Советская власть приказала или чтобы партия дала определённый лозунг, или чтобы бросить известную часть лучших работников на это дело. Для этого, — подчеркивал он, — нужно, чтобы само молодое поколение взялось за это дело».[87]

Культурные ценности и право на образование принадлежит народу — это положение лежало в основе политики новой революционной власти ХНСР, ее каракалпакских районов с самого начала их деятельности. «В целях развития просветительной работы во всех районах Хорезма, — говорилось в докладе Совета Назиров на I сессии II созыва Центрального Исполнительного Комитета ХНСР, — Назират просвещения разделил республику на шесть округов и вынес решение об организации 6 районных отделов просвещения — ...В настоящее время отделы просвещения открыты и работают в четырех из них».[88]

Особого внимания заслуживает помощь посланцев РСФСР, несших на своих плечах определенную тяжесть в борьбе за новую жизнь во всех бывших окраинах царской России. В ХНСР, ее каракалпакские районы посылали главным образом людей, владеющих местными языками, знающих быт и историю этих народов. Такими, например, были представители тюркоязычных народов: башкиры, татары, казахи, узбеки, киргизы, туркмены, регулярно посылаемые в ХНСР. Приезжали в Левобережную Каракалпакию представители русского, украинского, белорусского и многих других народов. К сожалению, тема роли и значения помощи народов бывшего СССР и зарубежных стран в становлении народов ХНСР, ее каракалпакских районов, на новый революционно-демократический путь развития, их успешное развитие по этому пути по сей день остается неисследованными в науке. Заслуживает особого внимания заметная роль в решении проблем культурного строительства в ХНСР, в частности Левобережной Каракалпакии, таких выдающихся деятелей культуры башкирского и узбекского народов, как Афзал Тагиров и Хамза Хакимзаде Ниязи, которым суждено было стать основоположниками советской литературы в своих республиках — в Башкортостане и Узбекистане.

Именно Афзал Тагиров был инициатором создания и первым ректором народного университета в ХНСР, где учились и представители Левобережной Каракалпакии. Афзал Тагиров являлся и ответственным редактором газеты «Инкилаб куяши», выходившей на узбекском языке, отдельные номера которого, как нам удалось выяснить, печатались и на смешанном казахско-каракалпакском и туркменском языках. О большом авторитете Афзала Тагирова в народе свидетельствует и то, что за все годы (1921—1924 гг.) он оставался членом Всехорезмского ЦИКа и членом Политбюро ЦК Хорезмской Компартии.[89]

Надежным гарантом народной советской власти в Левобережной Каракалпакии в решении этой проблемы была бескорыстная помощь со стороны правительства РСФСР, прежде всего ее составной части — Туркестанской АССР, оказываемая с первых дней установления новой власти.

«Принимая во внимание, — говорилось в союзном договоре, — что бывшие российские правительства и их приказчики, правители Хивы, боролись с просвещением народных масс, что заботы о борьбе с неграмотностью и малокультурностью отсталых народов лежат на обязанности всех трудящихся, в руках коих имеются средства и власть для оказания помощи трудящимся этих отсталых народов, РСФСР принимает на себя обяза-

тельство оказания помощи ХНСР инструкторами, педагогами, учебными пособиями, литературой, организацией типографского дела и т. д. [90]

Заслуживает исследования разносторонняя организаторская и педагогическая деятельность Хамзы Хаким-Заде Ниязи в ХНСР, в частности в городе Ходжейли. Хамза был направлен в Хорезмскую республику по путевке политуправления Туркестанского фронта в октябре 1921 г. Вначале он работал заместителем заведующего, а затем заведующим отделом культуры и просвещения ЦК профсоюза Хорезма и сразу же активно включился в работу по созданию на местах новых школ и различных культурно-просветительных учреждений. При его прямом участии впервые был организован в Хорезмской НСР музыкально-драматический театр. На его сцене ставились различные постановки, автором большинства из которых был сам Хамза. Это пьесы «Форгана фожиалари» («Трагедия Ферганы»), «Бай и батрак», «Ким тугри?» («Кто прав?»), «Тухматчилар жазоси» («Наказание клеветников») и др.

Большого внимания заслуживает плодотворная работа Хамзы как педагога-воспитателя в каракалпакских районах ХНСР. В августе 1922 г. он возглавил Ходжейлийскую школу-интернат — «Козок иштирокил мактабы» (Казахская коммунистическая школа»), которая за короткое время стала наиболее удачной из всех школ, действовавших тогда в Хорезмской республике. Впервые в ХНСР, в Ходжейлийской школе-интернате была организована смешанная система обучения: на казахском, каракалпакском и узбекском языках. «Учитель, — подчеркивал Хамза, — должен стать близким другом и добрым наставником ученика и занимать в жизни ребенка такое же место, как его родители».

В культурно-просветительной работе партии среди масс огромное значение имела деятельность широкой сети клубов, изб-читален, библиотек, красных чайхан и других учреждений, впервые созданных в ХНСР за годы ее существования. Одна из самых образцовых библиотек на территории Хорезмской республики была создана в Левобережной Каракалпакии — в городе Кунграде. Этому способствовала энергичная работа Политуправления — Пурхива Хорезмской Красной Армии, дислоцировавшейся там.

Деятельность этих культурно-массовых учреждений всегда находилась в центре внимания органов народной власти — Советов, партийных, комсомольских, профсоюзных организаций. Непосредственно руководило их работой Главное управление политического просвещения — Главполитпросвет при Назирате Просвещения ХНСР.

Предстояла задача основательной перестройки всей старой школьной системы, где обучение велось «по духу и программе исключительно религиозного характера». Был принят закон об отделении мечетей и медресе от государства. Согласно этому закону, учащиеся были освобождены от обязательного религиозного обучения. Образование и воспитание были изъяты из ведения духовных учреждений и переданы в ведение государственной организации — Назирата Просвещения республики и его отделов на местах.

Вместе с тем, следует отметить, что в решении вопроса о религии, о религиозном обучении и воспитании детей, которое было передано в ведение вновь организованного Назирата просвещения, были допущены грубые ошибки и перегибы. Не были, например, в достаточной степени учтены сила и влияние религии, религиозных устоев, веками укоренявшихся среди широких масс населения. Проявлялась поспешность и необоснованность в принятии мер, направленных на отделение религии от государства. Например, в докладе председателя ЦИКа ХНСР Янгибая Мурадова на III Всехорезмском Курултае Советов о политическом положении республики (июль 1922 г.) было торжественно заявлено: «Найдется ли хоть один человек из пьющих воду из Амударьи, который укажет хоть один случай, где Советская власть тронула шариат. Пусть присутствующие здесь ишаны засвидетельствуют, что никогда при данной власти шариат не пользовался такой свободой, как при Советской власти».[91] Надо было учитывать то, что в условиях Левобережной Каракалпакии в дореволюционное время не было ни одного учителя, кроме мулл и ишанов. Но привлечение представителей духовенства и ликвидация неграмотности среди населения выдвигало необходимость строгого контроля за их деятельно-

стью. Не исключена была возможность того, что муллы и ишаны могли вести обучение в старом духе, на основе сугубо мусульманской идеологии. Это было тем вероятнее, что среди духовенства были люди, открыто призывавшие население отказаться от услуг новых школ. Так, например, один из влиятельных духовных служителей Абдунияз-Ахун в начале 1923 г. во время очередной молитвы стал призывать к бойкоту новых советских школ. «Эти школы, — говорил ахун, — готовят из детей вероотступников и безбожников» и призывал народ слушать «только защитников святого шариата». Мало того, он угрожал, что в противном случае «аллах покарает хорезмийцев на том свете».[92]

К началу 1921 г. на учительскую работу было привлечено 16 человек из лиц, являвшихся в прошлом работниками старых мектебов и медресе. Вместо ислама они преподавали в новых школах географию, историю, арифметику, естествознание и другие предметы.

В целях экстренной подготовки учительских кадров и переподготовки уже работающих в начале 1923 г. были организованы краткосрочные курсы, где с самого начала обучалось 60 человек.[93] Преподавателями этих курсов были в основном специалисты, приглашенные из центральных районов РСФСР и Туркестанской АССР (прежде всего башкиры и татары).

Были приняты меры и по линии создания и укрепления материальной базы школьного образования. В законоположении о реформе старых медресе, утвержденном ХорЦИКом, указывалось, что все медресе теперь являются народным достоянием и через вакуфный отдел, действующий при Назирате просвещения ХНСР, их можно использовать для школьного дела.

Активную работу в этом направлении проводили партийные и комсомольские организации. По инициативе ЦК ХКП объявлялись месячники и недельные кампании по оказанию материальной помощи народному просвещению, которые проводились под лозунгом «Революция и школа». Проводились митинги, регулярно организовывались лекции и доклады о месте и роли новой школы в культурной жизни народов Левобережной Каракалпакии.

Большую работу в этом направлении проводили и работники литературы и искусства, ставились специальные спектакли, посвященные школьной теме, организовывались выезды в отдельные районы конкретных бригад, красных агитационных арб. Это способствовало значительному изменению отношений широких слоев трудящихся к работе школ. Народ откликнулся на эти призывы, начал отдавать свои средства на восстановление новых школ.[94]

Уже к 1923 г.г стало происходить заметное улучшение деятельности всей новой системы народного образования в республике, в том числе в ее каракалпакских районах, где особенно выделялась работа школы-интерната в городе Ходжейли.

К началу мая 1923 г. в ведении Назирата просвещения ХНСР имелось 29 школ, подразделяемых на категории: школы специальные повышенного типа (университет и учительская семинария—2, школы-интернаты, или, как они тогда назывались, школы-коммуны (а в народе «намуна»)—8 и начальные школы—25.[95]

В университет и учительскую семинарию в основном принимались люди взрослые, ранее обучавшиеся в старых мектебах, а в школы-интернаты, в первую очередь—дети беднейшего населения. В начальных школах общеобразовательного типа обучались дети всего населения. По данным хозплана ХНСР на 1923—1924 гг. «всего работников-учителей, директоров, завучей насчитывалось в республике 92 человека, а также 101—технического персонала. Всего обучалось в ХНСР 1362 человека, что составляет менее 2,5% общего числа всех детей школьного возраста республики.[96] Главной причиной такого крайне малого охвата детей обучением являлась нехватка учительских кадров. «Общеобразовательный ценз педагогического персонала настолько низок,— говорилось в записке к народнохозяйственному плану республики на 1923—1924 гг.,—что школы не могут удовлетворить даже самым минимальным запросам, которые предъявляются к ним со стороны населения. Хорезм не имеет ни одного педагога со средним образованием». В данном документе, к сожалению, приводился такой курьезный факт: «Есть учителя, которые не умеют писать».[97]

Все это еще более осложнялось отсутствием в школах собственных зданий. Все они были расположены в зданиях, совершенно не приспособленных и не отвечаю-

щих своему назначению. Не было учебников, не было своих, хотя бы мало-мальски обеспеченных необходимыми книгами библиотек, не говоря о наглядных пособиях. В еще худшем положении находилось внешкольное обучение. Что же касается дошкольного образования, то в Левобережной Каракалпакии его вовсе не было.

В этих условиях исключительное значение приобретало составление народнохозяйственного плана республики на 1923—1924 гг., в котором нашло свое отражение состояние дел не только в области культурного строительства, но и во всей жизни народной республики в ее отдельных районах, в частности, в Левобережной Каракалпакии.

Как было указано в этом важнейшем документе (кстати, являющемся теперь достоверным первоисточником о своеобразии ХНСР), намечалось открытие трех новых начальных школ, организация детского сада на 25 человек, школы-интерната для девочек на 50 человек, трехмесячных бухгалтерских курсов на 25 человек.

По договоренности с правительством ТАССР и РСФСР предполагалась командировка 25 человек для обучения в учебных заведениях этих республик. Имелось ввиду также обращение к правительству ТАССР с просьбой прислать в Хорезмскую республику 10 педагогов для постоянной работы. Предполагалось проведение некоторой реорганизации в работе школ-интернатов. Притом планировалось сгруппировать их в основном в двух районах, а именно в столице ХНСР—Хиве и Ходжейли,[98] вместо ранее функционировавших 9 школ-интернатов оставить только 2 и одну школу-интернат для девочек.

На III Всехорезмском курултае Советов (июнь 1923 г.) назир просвещения отмечал: «Целью Назирата просвещения Хорезмской Народной Советской Республики является открытие школ для прозябавших в невежестве детей бедняков-трудящихся, веками обреченных на угнетение тиранами—ханами, сипахами и баями, освобожденных ныне усилиями героев-освободителей из цепей тирании, обучение детей угнетенного народа, несение факела культуры, проведение различных мероприятий по воспитанию их истинными гражданами, свободными и полноправными. ...Вследствие тяжелого экономического положения и отсутствия у Назирата просвещения специальных приходных статей, потребные денежные сред-

ства не поступали своевременно, ведущиеся работы продолжали тормозиться из-за того, что учителя, прибывшие за необходимыми для периферийных школ деньгами, по нескольку дней ожидали их получения. Как Назират просвещения ни старался, устранить эти недостатки не удалось. Несмотря на эти недостатки, были открыты отдел просвещения в Ходжейли, казахская (то есть казахско-каракалпакская —К. П.) школа-интернат на 50 учащихся и школа молодежи на 65 учащихся в Хиве. До сегодняшнего дня хорезмские дети не имеют учебников на русском языке и обучаются по татарским пособиям. Нет учебника по истории Хорезма (в том числе Левобережной Каракалпакии—К. П.). Принимая меры к их созданию, Назират просвещения принял решение... об организации комиссии специалистов из 7 человек. Это решение было утверждено 8 апреля (1923 г. —К. П.) и члены комиссии приступили к работе. Необходимо также через газету («Инклаб куяши — К. П.) объявить о выдаче премии за рассмотренные и утвержденные комиссией учебники по различным наукам, литературе, политике, экономике, написанные отдельными лицами.

1 марта 1923 г. Назират просвещения вынес решение (протокол № 7, пункт 3) о проведении с 1 апреля с. г. каникул во всех школах, о созыве 1 июня с. г. всеобщего съезда работников просвещения, а также об организации на время каникул 2,5—месячных курсов повышения квалификации преподавателей для учителей, работающих на периферии.

В ведении Назирата просвещения состоит 29 школ, из них 9 вечерних и 18 дневных. В вечерних школах обучается всего 443 человека, в дневных—1029; в педагогическом институте—62, в университете—75, всего учащихся—1619, директоров школ—28».[99]

Именно тогда же по итогам Всехорезмского курултая Советов были утверждены мероприятия по выполнению этих решений. Было решено вместо действующих ранее в ХНСР 5 отделов просвещения периферийных районов создать два укрупненных отдела—в Хиве и Ходжейли. Открытие в Хиве и Ходжейли двух рабочих школ 1-й ступени.[100]

За три года (1920—1923), прошедших со времени свержения ханской власти в Хиве и образования Хо-

резмской Народной Советской Республики, в Левобережной Каракалпакии были намечены и осуществлены некоторые мероприятия и по налаживанию работы народного здравоохранения. В этом отношении, как свидетельствуют многочисленные достоверные документы, заметных сдвигов было еще меньше, чем в остальных областях культурного строительства.

В Левобережной Каракалпакии, как и на всей территории бывшего Хивинского ханства, медицинская помощь населению фактически вообще не оказывалась.[101] На все ханство имелась только одна больница в Хиве, «хотя 99 процентов населения страдало такими социальными болезнями, как малярия, трахома, сифилис».[102]

Правительству ХНСР, партийным и советским органам Левобережной Каракалпакии приходилось создавать заново народное здравоохранение. Назират республики по здравоохранению, созданный на I Всехорезмском курултае Советов (апрель 1920 г.) начал свою работу с оздоровления деятельности единственной больницы, которая имела по данным 1923 г. всего 100 больничных коек.[103] В больнице работало 3 врача и несколько фельдшеров. При ней имелась поликлиника, которая могла принять около 150 человек на амбулаторное лечение.

При поддержке и помощи правительства РСФСР была создана центральная аптека, 4 амбулаторно-фельдшерских пункта, два из них находились в каракалпакских районах—Кунграде и Ходжейли. Например, в Кунградском медицинском (фельдшерском) пункте в июне 1923 г. работали один врач, один фельдшер и один санитар. «Трудно описать,—пишет представитель Средазэкономсовета Минкевич, работавший тогда в этих краях,—что испытывает врач, попавший в хорезмскую провинцию: джарчи не успевает объявить на базарах о прибытии медотряда, как тот буквально осаждается десятками и сотнями самых разнообразных больных. Сразу выпукло выступают три главные недуга, терзающие организм хорезмского дехканина, малярия, сифилис и трахома».[104] По данным 1923 г. на одного врача в республике приходилось более 300 жителей.

По народнохозяйственному плану намечалось в течение одного года организовать в республике 3 врачебно-амбулаторных пункта (один из которых саздавался в

городе Кунграде) со штатом в каждом по 1 врачу, 1 фельдшеру и 1 санитару.[105]

Нет необходимости доказывать, какую важную роль в борьбе за повышение политической сознательности и активности масс в борьбе за подъем культурного уровня населения играли и играют средства массовой информации, прежде всего газеты и журналы. Поэтому вопросы организации работы органов партийной и советской печати с самого начала были в центре внимания всей революционной власти. Печать должна была служить народу, воспитывать массы, способствовать повышению их политического самосознания, поднятию культурного уровня. Благодаря решительным мерам со стороны органов народной Советской власти постепенно налаживалась работа по обеспечению органов, учреждений массовой информации—газеты и журналы—нужными кадрами, в том числе типографскими. Благодаря постоянному вниманию и заботе, почти все газеты и журналы выходили без особых препятствий.

Начиная с 1922 г. впервые начала выходить газета «Ақ жёл» («Светлый путь») на казахском и каракалпакском языках. Кстати, это первое печатное издание на каракалпакском языке.

Глава 3. ЛЕВОБЕРЕЖНАЯ КАРАКАЛПАКИЯ В СОСТАВЕ ТССР. ОБЪЕДИНЕНИЕ ЕЕ С ПРАВОБЕРЕЖНОЙ КАРАКАЛПАКИЕЙ

3.1. Провозглашение ХНСР социалистической республикой. Обострение внутриполитической обстановки

IV Всехорезмский курултай Советов в октябре 1923 г. при активном участии всех делегатов, в том числе 20 человек из каракалпаков,[1] обсудил и принял решение: отныне ХНСР считать Хорезмской Советской Социалистической Республикой. Курултай принял новую Конституцию, в которой были изложены основы общественного и государственного строя ХССР. «Хорезм есть республика Советов рабочих, красноармейских и дехканских депутатов, — говорилось в ней, — вся власть в центре и на местах принадлежит этим Советам. Вся полнота власти Хорезмской республики принадлежит трудящемуся

народу. Граждане, живущие за счет труда других, не могут избирать и быть избранными в Советы...».

«Основной задачей Хорезмского правительства является создание таких условий, при которых станет невозможным угнетение человека человеком».[2]

Конституция ХССР была шагом вперед по сравнению с Конституцией, принятой в мае 1921 г. на II Всехорезмском курултае Советов. Она явилась как бы итогом пройденного четырехлетнего пути, итогом завоеваний всех народов, населяющих Хорезмскую республику, в том числе народов Левобережной Каракалпакии в ее составе, в ходе борьбы за революционно-демократические преобразования всего общественного и государственного строя страны.

Заслуживали внимания решения Всехорезмского курултая о важных вопросах государственного и хозяйственного строительства республики, направленные на оздоровление органов власти и очищение их от антинародных элементов. В целях улучшения работы органов народного образования курултай Советов, подробно обсудив доклад Назира просвещения ХНСР Шадыра Муртазина[3] «О деятельности Назирата Просвещения республики в период с 1 сентября 1922 г. по октябрь 1923 г.», постановил:

1. С нынешнего года работу Назирата Просвещения для всех органов республики считать ударной и центральной.

2. Принимая во внимание, что дошкольная работа в Хорезме до сего времени совершенно не велась, предложить Назирату Просвещения организовать таковую.

3. Принимая во внимание, что 28 процентов населения хорезмской республики совершенно неграмотно, обязать Назират Просвещения минимум в 20 местах открыть школы для взрослых.

4 Увеличить число школ среди национальных меньшинств, обеспечив учебниками и учебными пособиями на их родном языке.

5. Обратить максимальное внимание на подготовку работников народного просвещения из коренного населения.[4]

Новое правительство ХНСР безотлагательно отыскало возможность увеличения, расходов, отпускаемых на нужды народного просвещения. Если за 1922 г. эти расходы составляли 42214 рублей, или 5,3% от общих государственных расходов, то новый бюджет Хорезмской республики на период с октября 1923 г. по сентябрь 1924 г. предусматривал расходы на просвещение в сумме 253000 рублей, или 19% от всех расходов госбюджета. Притом и эта сумма также была увеличена в начале 1924 г., то есть на нужды народного просвещения были выделены дополнительные средства в сумме 605271 рубль.[5]

Как и на прежних курултаях Советов, одно из центральных мест на IV Всехорезмском курултае занял национальный вопрос, что нашло свое, довольно четкое отражение в специальных главах и разделах новой Конституции ХССР, принятой на нем. Так, в главе «Какими правами пользуется трудящийся народ Хорезма», подчеркивалось: «Советская власть, признавая равными права граждан, независимо от их родовой, племенной, расовой и национальной принадлежности, объявляет противоречащими основным законам республики установление или допущение каких-либо привилегий, особых прав, преимуществ на этом основании, а равно какое-либо угнетение или ограничение отдельных родов, племен или наций.[6]

Были конкретно определены составы и задачи национальных отделов при Хорезмском исполнительном комитете, созданном для защиты интересов трудящихся масс. Примечателен при этом факт, что впервые в жизни Хорезмской республики каракалпакское население наделяется правом создания своего самостоятельного национального отдела при ХорЦИКе, то есть отдельное от казахского населения».[7] При Хорезмском центральном исполнительном комитете для защиты интересов трудящихся масс национальных меньшинств Хорезмской республики организуются три (раньше их было два—К. П.) отдела: туркменский—из 9 человек, киргизский (казахский—К. П.)—из 5 человек и каракалпакский—из 3 человек».[8]

В этом историческом документе — Конституции Хорезмской ССР — определялись права и обязанности, а также цели и задачи этих своеобразных органов народной власти. «Национальные отделы,—отмечалось в одном из пунктов Конституции ХССР, — избираются пред-

ставителями трудящихся на национальных конференциях.

Для активного участия в управлении государством Хорезмским съездом Советов один из членов каждого отдела вводится в Президиум ЦИК с правом решающего голоса.

Национальные отделы через своих представителей в Президиуме ХЦИК принимают меры для правильного и быстрого осуществления мероприятий, направленных в защиту интересов трудящихся масс своей национальности.

Национальные отделы исполняют задания ХЦИК и не являются управлениями, органами управления в республике, как перечисленные выше назираты».[9]

Особое место на IV Всехорезмском курултае Советов занял и вопрос о земельно-водных отношениях, непосредственно связанный с национальным вопросом. Отмечалось, что национальные взаимоотношения могут быть радикально улучшены лишь при условии справедливого решения земельно-водных отношений, —вопрос, являющийся одним из самых запутанных в условиях Хорезмской республики. Разногласия на данной основе, умышленно раздуваемые в прошлом ханскими властями, затем националистическими элементами, являлись главной причиной столкновений между отдельными национальностями.

При переходе каракалпакского, казахского и туркменского населения к оседлой жизни выявилось, что все культурные земли, расположенные на более выгодных для поливов и обработки местах, уже были давно заняты узбеками, с давних времен занимавшихся земледелием; на этой почве часто возникали конфликты между узбеками, с одной стороны, каракалпаками, туркменами и казахами, с другой. Поэтому, естественно, что земельно-водный вопрос и теперь оставался одним из самых злободневных.

Характерны в этом отношении слова Г. Б. Скалова, непосредственного участника борьбы за создание и развитие Хорезмской республики, сказанные им по поводу взаимообусловленности и взаимозависимости друг от друга этих двух кардинальных проблем в жизни каракалпаков, казахов, туркмен в Хорезмском обществе. Он

предупреждал: «Не решив земельно-водный вопрос, здесь нельзя было надеяться на коренное улучшение взаимоотношений между разными народами Хорезма. Недостаток воды у одних и изобилие ее у других создавали национальное неравенство между ними... туркменам, каракалпакам, казахам, не хватало земли для оседания. Земля, на которой они оседали, хуже орошалась и давала меньше урожая».[10]

Однако, как показал дальнейший ход событий, не все решения IV курултая Советов отвечали требованиям конкретной исторической обстановки, сложившейся тогда в Хорезмском обществе, в частности в Левобережной Каракалпакии. Была проявлена явная поспешность и в самом факте решения вопроса о провозглашении ХНСР социалистической республикой. К тому же положение еще более осложнилось ввиду грубых ошибок, допущенных местными властями при осуществлении мер направленных на дальнейшее укрепление новой системы власти, в проведении в жизнь мероприятий, исходящих из решений данного съезда Советов, в частности налоговой политики.

Так, по закону «О вакуфных землях», принятому IV Всехорезмским курултаем Советов, все движимое и недвижимое имущество объявлялось государственной собственностью, облагалось поземельным налогом в одинаковой мере со всеми остальными землями,[11] объявленными государственной собственностью. Это приводило к большим осложнениям. Теперь дехканин, арендующий вакуфные земли, был поставлен, как отмечалось в отчете ЦК ХКП, «перед дилеммой: что ему платить? Или налог, или вакуф, так как то и другое платить не по силам, да и обидно по сравнению с дехканином, сидящим не на вакуфной земле».[12] В результате слабости руководящего аппарата на местах, особенно ввиду отсутствия подготовленных финансовых работников, эта неразбериха, допущенная в определении размера налогов с бывших вакуфных земель (лишь теперь объявленных государственной собственностью), привела к тому, что дехканин должен был платить налог в двойном размере. Прежний хозяин этих земель — мусульманское духовенство, — пользуясь отсталостью дехканских масс, пустил в ход контрреволюционную агитацию против Советской власти

и требовал беспрекословного выполнения своего «долга» перед «богом» — платить налоги в прежнем размере.

«Кто окажется сильней: советский налоговый аппарат или мулла с ишаном? Покажет ближайшее будущее. Но думается, что мулла с ишаном, стоящие, к сожалению, ближе к дехканину, чем Наркомфин, скорее сумеют выколотить свой вакуф. Политические же эффекты от этого и контрреволюционные возможности его ясны сами собой»,—говорилось еще в отчете об итогах работы IV Всехорезмского курултая, отправленном в Средазбюро в ноябре 1923 г.[13]

Сборщики налога грубо обращались с дехканами, принуждали их продавать хлеб с хлопком за денежные знаки, а потом приобретать по спекулятивным ценам у разного рода валютчиков червонцы для уплаты налога. В результате продналог оказывался даже выше, чем дореволюционные налоги. Неправильна была и сама система налогового обложения. Сельскохозяйственный налог с дехкан устанавливался в виде потанапного обложения. При этом фактическое обложение составляло, примерно 8% валового дохода хозяйства без учета фактической площади посевов и урожайности.[14] Разоренные дехканские хозяйства были не в состоянии выдержать потанапного обложения налогом, поскольку часть земель не обрабатывалась из-за нехватки сил. Не был дифференцирован патентный сбор. Мелкие торговцы облагались налогом наравне с крупными коммерческими предприятиями.

Серьезной ошибкой явилось и то, что «левые коммунисты» и отдельные работники советских органов ХССР стремились форсировать проведение революционных преобразований, не считаясь с религиозными чувствами населения и его обычаями. Они грубо запрещали отправление религиозных обрядов, заставляли женщин ходить без паранджи, вводили совместное обучение девочек и мальчиков, закрывали мечети и мазары.[15]

Были люди, которые предупреждали руководителей ХССР о грозящей опасности, просили их принять срочные меры по исправлению допущенных на IV курултае Советов решений. Предупреждало об этом руководителей ХССР и ХКП Средазбюро ЦК РКП(б), которое 6 января 1924 г., заслушав отчет ЦК ХКП об итогах IV Всехорезмского курултая Советов,[16] рекомендовало руководству республики, во избежание возможного отрыва от Советской власти широких слоев населения, проявлять политическую гибкость при проведении мероприятий, затрагивающих интересы среднего дехканства, кустарей, лояльной части интеллигенции. Средазбюро предложило разработать и провести через ЦИК ХССР специальный декрет о методах и сроках проведения в жизнь намеченных Конституцией ХССР мероприятий, связанных с социалистическими преобразованиями, не допуская в этом деле поспешности. Средазбюро ЦК РКП(б), принимая во внимание особенности классового состава населения Хорезма, требовало от хорезмских коммунистов восстановить упраздненный IV курултаем высший исполнительный и распорядительный орган республики — Совет Народных Назиров, передав в его распоряжение аппарат ЭКОСО (Экономического Совета ХССР—К. П.).[17]

Однако эти предложения не были учтены руководством ХССР, ЦК ХКП, их местными органами. Главными виновниками такого положения были ответственный секретарь ЦК Хорезмской Компартии Календер Адинаев и председатель Всехорезмского ЦИКа Матякуб Сафаев. Они увлеклись левацкими, явно нереальными в условиях Хорезма лозунгами, проявляли чрезмерную торопливость в переходе от революционно-демократического этапа к социалистическому.

Руководство республики, увлекшись социалистическими идеями, далекими от реальной жизни в условиях Хорезма, в том числе Левобережной Каракалпакии, потеряло связь с широкими массами трудящихся. Это привело к тому, что подняли голову все враждебные силы, не потерявшие еще надежды на возврат к старой, ханской системе правления. Произошло объединение внутренних контрреволюционных сил с главарями басмаческого движения, с самим Джунаидханом и его подручными. Страна оказалась перед явной катастрофой. Советская власть в ХССР, в Левобережной Каракалпакии в том числе, была на грани падения.

В первых числах января 1924 г. состоялось представительное совещание свергнутых классов в Бегате, недалеко от Хивы, на котором был выработан конкретный план выступления против Советской власти. Активным организатором этого мероприятия был Мадраим бай (из

Питняка)—член бывшего младохивинского правительства, Джумабай Махрам—бывший чиновник хана. Заговорщики дали клятву уничтожить руководителей Советской власти, коммунистов, комсомольцев, активистов и восстановить ханскую власть. Будущим ханом, после свержения Советской власти, должен был стать Мадраим бай Алланазаров, на должность главного везира намечался Джумабай Махрам, командиром ханской армии—Коландар Харрат, его помощниками Ораз Ишан, Абдирахман Ишан, Матчан бек.[18]

Чтобы заручиться поддержкой Джунаидхана, организаторы мятежа решили направить к нему специальное послание. Они призывали Джунаидхана поддержать их выступление, обещав дать ему пост главнокомандующего ХССР.

Правительство ХССР просило правительство СССР о военной помощи для борьбы с силами контрреволюции. Советское правительство пошло навстречу. Было решено начать против Джунаидхана решительные военные действия. Для этой цели был создан РВС Хорезмской группы войск с непосредственным его подчинением РВС Туркфронта в составе 5 человек—двух прадставителей от РВС фронта и трех—от ЦИК ХССР.

Контрреволюционный мятеж начался в Хорезмском районе во главе с Мадраим баем, где усиленная антисоветская агитация среди населения была начата еще в октябре 1923 г., с момента преобразования ХНСР в ХССР. Здесь активно действовали известный сторонник старого режима среди туркмен, проживающих в Правобережной Каракалпакии, Агаджан ишан и бывший ханский министр Сарык Баккалов. Начиная с выступления в этом районе, расположенном на главной коммуникационной линии по Амударье, соединявшей Хорезм с Туркестаном, организаторы мятежа рассчитывали перерезать путь возможного прибытия подкреплений из Туркестана в Хорезм.[19] К Мадраим баю присоединились местные баи и муллы во главе с Сабир баем, Матчан беком, Шакирджан пиром и др. Контрреволюционное восстание охватило и каракалпакские районы Хорезмской республики. Общая численность мятежников достигла 10 тысяч человек.

С первых дней своего выступления Джунаидхан разослал во все концы Хорезмской республики своих людей, стремясь привлечь на свою сторону духовенство и байство. Он обещал им возродить прежние порядки. Агитаторы Джунаидхана призывали дехкан выступить против Советской власти. За отказ от выступления не только отбирали скот, имущество, но и жен и детей, а в случае сопротивления убивали.[20]

Завоеваниям революции грозила реальная опасность. Авантюра контрреволюции происходила тогда, когда молодая Хорезмская республика только начинала разворачивать и ускорять темпы своего государственного строительства и оформления, когда правительству ХССР пришлось преодолевать косность старых форм на пути улучшения положения масс.[21]

Обстановка в молодой республике была чрезвычайно сложной. Советская власть располагала незначительными воинскими силами. Части союзной Красной Армии, предназначенные для охраны полномочного представительства, включали в себя 3-й батальон 1-го стрелкового полка (215 штыков при 15 пулеметах и 2-х трехдюймовых орудиях), отдельный эскадрон 2-й стрелковой Туркестанской дивизии в составе 100 бойцов, и 2-й эскадрон 4-го кавалерийского полка в составе 92 бойцов. Хорезмская Красная Армия имела караульную роту—138 штыков, 1 пулемет, 1-й отдельный эскадрон и 126 сабель при двух пулеметах. Всего в распоряжении командующего Хорезмской группой войск находилось 353 штыка, 422 сабли, 21 пулемет, 2 орудия. К тому же эти подразделения были разбросаны в разных частях ХССР, то есть по девяти гарнизонам, в том числе Ходжейли и Кунграде.[22]

Но контрреволюционные силы просчитались в своих действиях. Как отмечалось тогда в «Туркестанской правде», «Джунаид рассчитывал на то, что ввиду малочисленности советских войск в Хорезме, сопротивление будет незначительно, но он не принял во внимание того, что сейчас трудящийся Хорезм всей душой ненавидит бывших угнетателей, что он готов отдать последнюю каплю крови за то, чтобы сохранить Советскую власть. Джунаид этого не предвидел и дорого поэтому поплатился за свою попытку. Как только он показался около Красной Хивы, тотчас же все наши молодые революционные силы взяли в руки оружие и бросились на борьбу».[23] Организаторы контрреволюционного мятежа не

учитывали того, что на стороне трудящихся Хорезмской ССР стоят народы СССР и его вооруженные силы, буквально с первых дней борьбы с мятежниками оказавшие активную поддержку защитникам молодой республики.

Части Красной Армии СССР пришли на помощь народам Хорезмской ССР и нанесли Джунаидхану и всей Хорезмской контрреволюции тяжелое поражение. В результате объединенного удара частей Красной Армии СССР и ХССР контрреволюция не могла больше мечтать о свержении Советской власти и думала лишь о своем спасении.[24]

Несмотря на большое количество опубликованных работ по различным аспектам истории революционного Хорезма, вопрос о IV Всехорезмском курултае Советов, вопрос о преобразовании Хорезской Народной Советской Республики (апрель 1920 г.), а также вопрос о причинах резкого осложнения внутриполитической обстановки в стране вскоре после этого события все еще остаются спорными в литературе. В ряде случаев эти вопросы освещаются противоречиво, однобоко, порой явно ошибочно, искаженно. Поэтому считаем целесообразным хотя бы коротко остановиться на некоторых наиболее характерных моментах историографии этой проблемы Тем более, это нужно сделать сейчас, в свете необходимости нового осмысления всей нашей истории.

1. Известный знаток истории Бухарской и Хорезмской Народных Советских Республик Атабай Ишанов и некоторые другие авторы видят в преобразовании ХНСР в социалистическую республику преждевременный акт. Они считают, что это было результатом враждебных действий отдельных лиц.[25] Трудно согласиться с подобным суждением. Глубокое и внимательное изучение всех источников, главным образом архивных, в большей части еще не использованных в опубликованной литературе, дают право утверждать, что в деятельности инициаторов и организаторов этого исторически важного политического мероприятия — (преобразования ХНСР в социалистическую республику) нет никакого основания считать носящими заведомо враждебный характер. Хотя, действительно, имели место ошибки, проявление поспешности, увлечение левацкими лозунгами

далекими от реальной жизни народов Хорезма, в том числе Левобережной Каракалпакии, но как подтверждают достоверные документы тех лет, проводники этих мер, в большинстве своем были подлинными энтузиастами своего дела, патриотами. Ошибки в их работе явились прежде всего результатом чрезмерной сложности и запутанности обстановки, внутриполитического положения в республике. Нельзя отрицать, что определенную роль в этом сыграла их молодость, отсутствие политического опыта руководством масс, а также плохая информированность о событиях происходящих не только за пределами Хорезмской республики, но зачастую внутри самой страны. Кстати, в категорической форме не отрицают этого и сами авторы. Усматривая в деятельности руководителей ТССР элементы явно враждебных действий, они пишут: «это (то есть ошибки — К. П.) явилось результатом увлечения в своей практической деятельности... задачами, далекими от реальной почвы социалистических преобразований».[26]

Как нам представляется, не правы и те авторы, которые безоговорочно утверждают, что этот решительный акт (то есть преобразование Хорезмской Народной Советской Республики в социалистическую—К. П.), осуществленный по инициативе и под непосредственным руководством Хорезмской коммунистической партии, в значительной мере активизировал процесс перехода Хорезма к социализму, ускорил решение ряда проблем социалистического строительства».[27] Наоборот, поспешность преобразования ХНСР в социалистическую республику, «излишняя торопливость в переходе от революционно-демократического к социалистическому этапу» привели к таким последствиям, «задерживая и затрудняя процесс некапиталистического развития».[28]

2. Крайне однобоко, без глубокого историографического анализа освещается в литературе и вопрос о причинах возникновения контрреволюционного мятежа в ХССР после ее провозглашения в начале 1924 г., а также вопрос о связях организаторов этого мятежа с главарями басмачества, орудовавших в Хорезмском регионе, на территории самой ХССР и Амударьинской области ТАССР. Например, без должного анализа, обобщенно, без приведения конкретных примеров, рассказывается о

роли и значении помощи СССР в спасении молодой еще республики ХССР от грозящей опасности.

Огромное количество архивных источников свидетельствуют о том, что только бескорыстная помощь народов СССР, прежде всего частей Красной Армии, пришедшей на помощь народам ХССР, в том числе каракалпакскому народу, в эту трудную минуту спасла страну от неминуемой гибели. Почти ничего не говорится в опубликованной литературе, например, о полководческом таланте и организаторской способности славных сынов русского народа — И. С. Кутякова, командира прославленной 25 чапаевской дивизии и Н. А. Шайдакова, подлинного любимца народа, прибывшего сюда по личной просьбе самих народов, проживающих в республике. Кстати, оба они за героизм и отвагу, проявленные ими в борьбе за новую жизнь, за Советскую власть в Хорезмской республике, в Левобережной Каракалпакии, были награждены боевыми орденами Красного Знамени Хорезмской ССР, объявлялась им и благодарность.[29]

3. 2. Деятельность органов народной Советской власти в новых условиях. Создание Казахско-Каракалпакской автономной области в составе ХССР

На историческом IV Всехорезмском курултае Советов (октябрь 1923 г.) с целью дальнейшего привлечения каракалпаков, казахов и туркмен к активному строительству новой жизни, улучшения сотрудничества и дружбы между всеми народами, живущими в Хорезмском регионе, и их связи со всеми народами СССР, было принято историческое решение: «Об организации внутри Хорезмской Советской Социалистической Республики автономных областей: Туркменской и Киргизско-Каракалпакской».[30]

Областным центром Казахско-Каракалпакской Автономной области был определен город Ходжейли, уже к тому времени поправу ставший культурно-политическим и административным центром всей Левобережной Каракалпакии. Ходжейлийская партийная организация, насчитывающая в своих рядах 119 коммунистов, была самой боеспособной организацией в составе Хорезмской Компартии.

Всехорезмский курултай Советов, учитывая невозможность проведения в данное время всенародных выборов, решил поручить руководство будущими областями существующим отделам при ХорЦИКе, придав им права областных Ревкомов.

Областные Ревкомы пользовались большими административными и политическими правами, предполагалось создание при них самостоятельного управления милиции, отделов земледелия, народного образования и здравоохранения.

Документальным подтверждением новых изменений, происходивших после IV Всехорезмского курултая Советов в различных частях республики, является, например, докладная записка Назира внутренних дел Ибняминова (кстати, каракалпака по национальности) на имя ЦИК ХССР о проделанной работе за октябрь—ноябрь 1923 г. Так, констатируя факт о том, что «в соответствии с постановлением Центрального Исполнительного Комитета и Конституцией, принятой съездом, Хорезмская Республика делится на четыре области: Хазарасп, Ургенч, Ташауз, Ходжейли, с отдельным исполнительным комитетом для Хивы и Шавата..., — назир внутренних дел пишет: «Созданная ранее милиция в составе 485 человек в первую очередь была распределена по 4 областям: Хазарасп—65 человек, Ташауз—130, Новый Ургенч—70, Ходжейли—120...».

Принято решение создать амбулаторные отделения в Кунграде и Ходжейли, которые будут обеспечены необходимым оборудованием и материалами...

Принимая во внимание необходимость организации телефонной связи между Ходжейли и Куня-Ургенчем, Ходжейли и Кала-Порсу, составлен список и сделано соответствующее поручение о необходимости получить из России нужные для этого материалы и инвентарь в соответствии с установленным порядком».[31]

Ревкомам давалось право самостоятельно решать все вопросы, связанные с хозяйственной, культурной, политической деятельностью своей области. При Ревкомах были созданы областные суды, которым поручалось «рассмотрение не только дел отдельных лиц, но и столкновения между родами и племенами», и что особенно важно, учитывая необходимость организации борьбы против басмаческого движения, при Ревкомах создава-

лись свои национальные воинские части, которые входили в состав Хорезмской Красной Армии.[32]

На основании решения X сессии Всехорезмского ЦИКа (май, 1924 г.) Назирату (Министерству) финансов ХССР поручалось «с областными ревкомами внести в Президиум ЦИК проект налогового обложения, который должен был быть «приспособлен к бытовым и хозяйственным условиям туркмен и киргизо-каракалпаков».[33]

Создание Казахско-Каракалпакской и Туркменской автономных областей еще раз подтвердило подлинно интернациональный характер народной Советской власти, свидетельствовало о заметном развитии национального самосознания трудящихся ХССР, означало новый шаг в развитии национальной советской государственности. Тем самым это мероприятие явилось одной из важных предпосылок проведения национального размежевания в Хорезмском оазисе.

Особое значение имело это мероприятие для каракалпакского народа. Оно явилось значительным шагом на пути создания впервые в его истории своей национальной государственности—Каракалпакской автономной области и воссоединения всех каракалпакских земель в составе многонационального социалистического государства — СССР.

Вместе с созданием автономных областей оформлялись и областные организации ХКП. Так, Казахско-Каракалпакская областная партийная организация Хорезмской Компартии включала в себя лучших представителей дехканства, членов союза «Кошчи», комсомола, городских ремесленников—членов профсоюзов, бойцов добровольческих отрядов, активно сражавшихся против басмачества.

В борьбе за успешное решение задач социалистического строительства в своеобразных условиях Левобережной Каракалпакии, в подготовке условий для воссоединения всех каракалпакских земель в составе многонационального социалистического государства, полезную работу проводила Казахско-Каракалпакская областная комсомольская организация, которая также была создана вскоре после образования автономной области. Она была наиболее сильной и боеспособной комсомольской организацией в ХССР. В ее рядах в апреле 1924 г.

насчитывалось 244 комсомольца, которые были объединены в 7 районных и городских комитетах. Одной из своих главных задач комсомольская организация каракалпакских районов Хорезма в области экономической политики видела в «защите экономических интересов кустарей и батраков-подростков», «чувствовала себя неразрывно связанной с движением молодых рабочих, работниц и крестьян».[34]

В комсомольской организации области значительно укрепилось партийное ядро. К моменту III съезда ХКСМ, состоявшегося 21 апреля 1924 г.г, в ее рядах был 21 коммунист. Некоторые сдвиги произошли и в деле улучшения общеобразовательного уровня комсомольцев. Более половины всех комсомольцев Казахско-Каракалпакской области считалось более или менее грамотными. Был установлен порядок в определении возрастного состава: в ХКСМ уже не состояли лица, не достигшие 14 лет и старше 30 лет, как это было в прошлом. Значительно улучшился его социальный состав: рабочие, городская и сельская беднота составляли его основное ядро. Притом в этом отношении в Казахско-Каракалпакской комсомольской организации дело обстояло сравнительно лучше, чем в остальных районах. Например, все 17 человек, состоящих в рядах ХКСМ из сельских батраков, без исключения являлись представителями Казахско-Каракалпакской областной комсомольской организации. Однако, учитывая, что слабым местом в деятельности областной комсомольской организации по-прежнему оставалось то, что в ней было крайне мало комсомольцев из каракалпаков (из 244 членов ХКСМ в апреле 1924 г. было всего 25 человек),[35] тогда же были приняты решительные меры по привлечению в ряды комсомола из каракалпакского народа.

Развитию национального самосознания, подготовке условий для образования каракалпакской национальной государственности способствовал ряд мер по линии повышения культурного уровня каракалпакского населения. В целях дальнейшего развития народного просвещения, указывалось на необходимость всемерного улучшения качества обучения и усиления воспитательной работы среди учащихся, обратив при этом особое внимание на постановку этого вопроса среди национальных меньшинств — казахов, каракалпаков и туркмен. Еще в

решении IV Всехорезмского курултая Советов, провозгласившего ХССР, в разделе «о задачах Наркомпроса по ликвидации неграмотности в Хорезмской республике», было сделано конкретное поручение правительству республики: «Увеличить число школ среди нацменьшинств, обеспечив учебниками и учебными пособиями на их родном языке, в частности, вообще обратив внимание на культпросветработу среди нацменов (например, среди туркмен, киргизов, каракалпаков)».[36]

Выражением проявления внимания этому вопросу было и поручение Пленума ЦК ХКП от 21 декабря 1923 г. ЭКОСО ХССР «Изыскать средства для открытия четырех интернатов в городах Кунграде, Ташаузе, Куня-Ургенче и Порсах, по 50 учащихся в каждом».[37]

Новым было и то, что наряду с обучением основам наук, школы должны были прививать детям и навыки трудового воспитания. Одной из главных задач новых школ считалось «ознакомление воспитаников с трудовыми профессиями».

Наркомпросу ХССР было поручено:

«1. Организовать в школах ручной труд, как-то: столярные, сапожные, портняжные мастерские, установив теснейшую связь их с наукой»;

«2. На имеющихся опытных полях и садах... провести в жизнь с весны настоящего (1921 — К. П.) года сельскохозяйственные работы, садоводство и огородничество»». И вся эта работа проводилась под лозунгом воспитания детей и юношества строго «в духе пролетарского интернационализма и дружбы народов».

Благодаря проведению решительных мер все больше развивалось среди населения стремление к учебе. Действенную помощь народам ХССР в подготовке кадров для народного хозяйства и культуры по-прежнему оказывал СССР, в различные города которого только за первую половину 1924 г. было послано более 500 человек.[38]

Учитывая, что в повышении политического и национального самосознания населения, его культурного уровня важную роль играют культурно-просветительные учреждения, правительство ХССР, в частности Ревком Казахско-Каракалпакской автономной области и областная партийная организация значительно улучшили контроль за их деятельностью. ХорЦИК ХССР

поручил Главпросвету республики «организовать 8 клубов и 5 библиотек... и 4 красных чайханы». При этом, принимая во внимание отсталость населения национальных меньшинств, увеличить число культурно-просветительных учреждений, прежде всего среди киргизско-каракалпакского и туркменского населения в целях привлечения их к этим учреждениям».[39]

Свидетельством усиления внимания к работе среди населения национальных районов является и «Отчет агитпропотдела ЦК ХКП о работе за июнь—июль 1924 г. В разделе этого документа, названном «В области агитации», отмечалось: «1. На агитаторов Главполитпросвета, посланных с киноаппаратом в Туркменскую, Киргизско-Каракалпакскую... области, возложена работа по ведению широкой агитации среди дехкан. Им поручено проведение целого ряда тем по вопросам налога, хлопководства и вообще мероприятий Советской власти по поднятию хозяйства кишлаков и аула».[40] Имеется сообщение и о том, что «В Ходжейлийскую область»[41] послана работница женотдела Ирманова (видимо, речь идет о дочери Абдуллы Ирманова, тогдашнего назира внутренних дел ХССР, уроженца Ходжейли — К. П.) с месячным планом работы».[42]

Заметные сдвиги произошли в деле развития экономики Левобережной Каракалпакии, всей Хорезмской республики, где особенно ощутима была реальная помощь Средазэкономсовета и Средазбюро ЦК РКП(б). Заслуживает внимания плодотворная работа группы специалистов-экономистов во главе с профессором Туркестанского госуниверситета (ныне ТашГУ) Г. И. Черданцевым по изучению хозяйственного положения Хорезмской республики, в том числе Левобережной Каракалпакии в 1923 — 1924 гг.[43]

Г. И. Черданцев представил в Средазэкономсовет докладную записку: «В ирригационном отношении Хорезм может быть разделен на три района:

1. Южный, идущий от Дарганата до приблизительно параллели Ново-Ургенча, ограниченный с северной стороны руслом Даудан. Здесь расположено большинство крупных каналов Хорезма...

2. Средний район — от стороны русла Даудан на

юге до параллели города Ходжейли на севере. Область меньшего количества больших каналов...

3. Северный район — к северу от параллели города Ходжейли до Аральского моря. Больших каналов почти нет...

4. В Хорезме значение ирригации или шире — водного хозяйства, (или) совершенно исключительно. Важность водного хозяйства в экономическом отношении определяется следующими положениями:

а) без искусственного орошения нет земледелия, следовательно, нет ничего, так как существующая промышленность как фабрично-заводская, так и кустарная, основаны почти целиком на переработке продуктов земледелия; б) состояние, и, в частности, стоимость населению орошения, определяет собой все основные проблемы сельского хозяйства и, в частности, себестоимость продуктов его, и, в особенности, хлопка и всех промышленных культур; в) перспективы экономического развития страны неразрывно связаны с разрешением ирригационных проблем, и все они, в конце концов, упираются в проблемы ирригации.

Политическое значение ирригации в Хорезме также совершенно исключительное. Можно сказать, что политической властью владеет тот, кто владеет водой. Даже частичное разрушение ирригации должно приводить к политическим неурядицам и нарушению не только политической, но и всей социальной жизни страны. С другой стороны, та политическая власть, которая сумеет разрешить водный вопрос, или даже только частично облегчить его, будет неизменно пользоваться симпатией и поддержкой дехканства».[44]

Особый интерес представляет, на наш взгляд, «Письмо экономической комиссии полномочной миссии ХССР в Москве» в Туркестанскую секцию Госплана СССР от 19 февраля 1924 г. о необходимости отпуска средств на машинное орошение. «Препровождая при сем соображения об устройстве машинного орошения в Хорезме,— говорится в этом документе, — экономкомиссия при Полномочной миссии просит рассмотреть вопрос о предоставлении ХССР на эту цель дотации в размере 1 млн. руб. золотом, что даст возможность оросить до 3 тыс. десятин новых земель в Ходжейлийском районе... с переводом части орошаемых участков с чигирного на машинное орошение.

Намеченные мероприятия по машинному орошению имеют для Хорезма большое экономическое и политическое значение... будет заключаться в ослаблении басмаческих тенденций у населения, которое на жизненном примере убедится в стремлении Советской власти оказать помощь дехканству в восстановлении и улучшении его хозяйства.

Ввиду важности этого вопроса не только в экономическом, но и в политическом отношении, считаем необходимым разрешить его, по возможности, в скорейший срок, поставить на одно из ближайших заседаний Госплана».[45]

Примечательно, что в момент создания Казахско-Каракалпакской автономной области в составе Хорезмской ССР заметно укрепились экономические, политические и культурные связи между двумя частями Каракалпакии — между каракалпакскими районами ХССР и Амударьинской областью ТАССР. С этого момента почти во всех партийных, советских, комсомольских, профсоюзных съездах, конференциях, сессиях, проводившихся в Казахско-Каракалпакской автономной области, обязательно участвовали представители Амударьинской области, частыми гостями были представители самой Казахско-Каракалпакской области в мероприятиях, проводимых Амударьинкой областью.

3.3. Образование Каракалпакской автономной области и объединение Левобережной Каракалпакии с Правобережной

Объединение Левобережной Каракалпакии с Правобережной было подготовлено всем ходом исторического развития каракалпакского народа за период, прошедший после Октябрьской революции в России и победы народной революции в Хиве. Решающую роль в этом сыграла и правильная внешняя политика РСФСР, СССР по отношению к Хивинскому ханству и Хорезмской республике (ХНСР—ХССР).

Особую роль в решении национальной политики в Средней Азии, в частности и Хорезмском регионе, сыграло проведение в 1924 г. национально-государственного размежевания, исходящее из ленинского принципа:

«Национальный состав — один из важнейших экономических факторов, но не единственный и не важнейший среди других».[46]

Проведение национально-государственного размежевания в Хорезмском регионе, создание Каракалпакской автономной области, было сопряжено с серьезными трудностями, прежде всего противоречиями межнациональных отношений, ожесточенным сопротивлением местных феодально-буржуазных верхов, бывших царских чиновников и предпринимателей.

Вместе с тем было очевидно, что эти и многие другие причины, не могли остановить поступательное развитие национального самосознания народов Средней Азии, в частности каракалпакского народа, всемерное повышение их политического уровня.

С одобрением встретили трудящиеся Средней Азии, в том числе обеих частей Каракалпакии, поручение ЦК РКП(б) от 5 апреля 1924 г. Средазбюро ЦК подготовить и представить на рассмотрение в ЦК РКП(б) необходимые материалы по национальному размежеванию Средней Азии и конкретные мероприятия Средазбюро по реализации этого указания.

Еще задолго до начала практических мер по этой линии в каракалпакских районах Хорезмского оазиса начал проводиться ряд работ, направленных на создание Каракалпакской автономной области, воссоединение всех каракалпакских земель в составе единого государства. Национальные противоречия, не раз приводившие в прошлом население Хорезма к катастрофе, и теперь оставались одной из сложных проблем, стоявших перед новой революционной властью. Решение национального вопроса тесно переплелось с рядом других кардинальных проблем, такими, как земельно-водные отношения, организация борьбы против басмачества и т. д. Поэтому не было ни одного партийного съезда или советского курултая, где бы национальный вопрос не стоял одним из главных. Благодаря усилиям Советского правительства в этом отношении были достигнуты некоторые успехи. Положительную роль сыграло в этом создание в 1922 г. казахско-каракалпакского отдела при ХорЦИКе, затем, в 1923 г. — Казахско-Каракалпакской автономной области.

Проведение национально-государственного размежевания в Левобережной Каракалпакии, да и во всем Хорезмском регионе, проходило в сложной обстановке. Мероприятия, направленные на успешное проведение национального размежевания встречали серьезные препятствия.

Характерной была, например, зверская расправа басмачей 25 августа 1924 г. в районе Ходжейли над группой курсантов, ехавших на учебу в центральные учебные заведения Москвы, Ташкента и других городов. От рук басмачей пало 27 ни в чем не повинных юношей и девушек, жаждавших повышать свои знания и бороться за новую жизнь.

В Чимбайском уезде феодально-байские элементы организовали тайные совещания, на которых составляли фальшивые петиции от имени населения.[47] Эксплуататорские классы стремились протащить в органы Советской власти своих представителей, «своих агентов».[48]

Затрудняло работу по проведению национального размежевания и явно ошибочная линия руководителей Хорезмской компартии и правительства республики, зараженных местническими тенденциями. Они выдвинули нереальное требование — сохранить Хорезмскую республику как «символ древнего Хорезма». Главным инициатором подобного требования был Каландар Адинаев — ответственный секретарь ЦК Хорезмской компартии.

28 апреля 1924 г. во время обсуждения вопроса о национально-государственном размежевании среднеазиатских республик на заседании Средазбюро ЦК РКП(б) он открыто выступил против проведения этого мероприятия, настаивая на исключении ХССР из национального размежевания. 8 мая 1924 г. Адинаев и его группа обратилась к Генеральному секретарю ЦК РКП(б) И. Сталину с требованием включить в состав Хорезмской республики и Амударьинскую область ТАССР. Свои требования они выдавали как документы, исходящие от имени всех народов Хорезмского региона. Они так и писали: «Все перечисленные предложения являются отражением широких слоев всех классов населения и разрешения национального вопроса в предложенной форме единственным, наиболее целесообразным и безусловно необходимым для Хорезма».[49]

Подобная авантюристическая линия небольшой груп-

пы людей, явно оторвавшейся от реальной жизни, не могла быть поддержана широкой массой населения края. Авторы подобных заявлений не учитывали того положения, что вся внутриполитическая обстановка диктовала необходимость объединения хорезмских узбеков с узбеками других районов Средней Азии, туркмен — с туркменскими, каракалпаков — с каракалпакскими.

26 июня 1924 г. Исполбюро ЦК ХКП решительно осудило поведение Адинаева и его группы и приняло решение: «Просить Среднеазиатское бюро довести до сведения ЦК РКП(б) необходимость пересмотра решения ЦК РКП(б) в части, касающейся оставления Хорезма в прежнем виде. ЦК (ХКП — К. П.) считает целесообразным присоединение хорезмских узбеков к Узбекской республике. В отношении Каракалпакской части Хорезма — оставить ее автономной областью, предоставив ей право решения вопроса о том, к кому присоединяться».[50] Просьба хорезмских патриотов была поддержана ЦК РКП(б).

Территориальная комиссия по национальному размежеванию среднеазиатских республик в решении от 21 августа 1924 г. основательно и четко высказывалась за необходимость образования Каракалпакской автономной области и определила основные задачи по пути ее образования. «Признать необходимым, — говорилось в нем, — выделение каракалпакского населения из Хорезмской ССР и Амударьинской области в автономную Каракалпакскую область и поручить Каракалпакской подкомиссии разработать вопросы об установлении границ этой области, численности ее населения и т. д. Разработанные материалы представить вместе с постановлением об образовании Каракалпакской Автономной области в Средазбюро и ЦК РКП(б)».[51]

Следует подчеркнуть, что в работе по созданию Каракалпакской автономной области весьма результативную роль сыграла энергичная деятельность Каракалпакской территориальной подкомиссии.

В успешной работе этой подкомиссии большая роль принадлежала истинным патриотам каракалпакского народа, прежде всего Аллаяру Досназарову и Ибрагиму Бекимбетову, проявившим исключительно большую организаторскую способность и идейную подготовленность. Особенно ярко проявился талант Аллаяра Досназаро-

-ва,[52] члена КПСС 1918 г., как организатора-интернационалиста в борьбе с разными группами, под разными мотивами стремившимся задержать проведение национального размежевания в Хорезмском оазисе, в частности, с лицами, которые под видом того, что в Турткуле и Шурахане в основном живут узбеки, требовали включить эти районы в состав Узбекской ССР, то есть исключить их из состава вновь создаваемой Каракалпакской автономной области важную часть исконной земли каракалпакского народа. Территориальная комиссия, поддержав Досназарова и Бекимбетова, решительно выступила и против той группы, которая настаивала на включении вновь образуемой части Амударьинской области в состав Узбекской ССР.

ЦК РКП(б), в лице своего Средазбюро, поддержал каракалпакских патриотов, настаивающих на целостной Каракалпакской автономной области. А. Досназаров представлял каракалпакский народ на внеочередном заседании Политбюро ЦК РКП(б) и второй сессии ВЦИК СССР, состоявшихся 11 и 14 октября 1924 г., на которых он выступил с обоснованной речью о необходимости создания Каракалпакской автономной области. По словам Г. Досумовой,[53] А. Досназаров представил в Москве — ЦК РКП(б) и ЦИК СССР, ряд документов с практическими предложениями по преобразованию социально-экономических основ жизни каракалпакского народа, формированию партийного и советского аппаратов, которые представляли собой своеобразную программу развития каракалпакского народа на ближайший период.

В документе «Информационный доклад» было сделано подробное описание политического положения Каракалпакской автономной области. Большое внимание было уделено национальным противоречиям, политическому и социальному бесправию каракалпакского народа.

Программа, разработанная А. Досназаровым, была перспективной, так как охватывала основные, наиболее острые проблемы социально-экономической жизни народа. В докладной А. Досназарова «Проект партийного строительства» была дана четкая программа развития партийной организации Каракалпакской автоном-

ной области, определена новая структура парторганов, связанная с административным делением области на четыре округа. А. Досназаров просит ЦК РКП(б) утвердить этот проект, чтобы незамедлительно начать работу по партстроительству в области.

Не менее важным был и третий документ, озаглавленный «Конкретное предложение от делегации Каракалпакской автономной области». Здесь назван ряд мер, направленных на перестройку и укрепление политической структуры и экономики Каракалпакской автономной области. Именно А. Досназаров впервые выдвинул идею вхождения Каракалпакской автономной области в состав Киргизской (то есть Казахской — К. П.) АССР, указав на то, что этому благоприятствует географическое положение и внутренние условия. Вместе с тем, он сделал оговорку, что объединение — временно, и в дальнейшем возможно формирование автономной области в самостоятельную республику.

Есть полное основание утверждать, что уже к моменту создания автономной области, то есть к 1924 г., у каракалпакского народа были свои кадры — истинные патриоты, способные достойно представлять его перед вышестоящими органами, отстаивать его коренные интересы. Подтверждением тому является, на наш взгляд, не только документы, представленные А. Досназаровым в Москве, но и его замечательные выступления, сопровождавшиеся, как гласит народная молва, исполнением легендарной песни каракалпаков — «Бозатау», на сессии ЦИКа СССР, и решительная работа в этом направлении его соратников — Ибрагима Бекимбетова, Ураза Ирманова и других. Аллаяр Досназаров находил в них достойную поддержку.

27 сентября 1924 г. на расширенном заседании президиума Киргизского (Казахского) областного комитета РКП(б) в Кызыл-Орде И. Бекимбетов, касаясь вопроса о вхождении Шураханской части Амударьинской области в состав вновь организуемой Узбекской ССР, категорически возразил подобному решению. Указав на глубокую ошибочность такого подхода к решению этой проблемы, назвал его тенденциозным. Ибрагим Бекимбетов подчеркнул, что здесь еще с давних времен наряду с узбеками проживают каракалпаки, казахи и туркмены «Каракалпаки разрознены, наша цель — в объединении всех каракалпаков, живущих в Хорезме, Киргизской республике», — говорил И. Бекимбетов.

Расширенное заседание президиума Киргизского областного комитета, внимательно выслушав предложение посланцев каракалпакского народа, основательно изучив все стороны обсуждаемой проблемы, приняло вполне обоснованное постановление:

«— решение Средазбюро ЦК РКП(б) об образовании особой Каракалпакской области приветствовать желание каракалпакских работников и народа о присоединении, вхождении их автономной области в состав Кирреспублики;

— признать, что нынешние киргизско-каракалпакские области Хорезма и Амударьинской области Туркестана должны целиком войти в состав ККАО. Категорически настаивать, вопреки решениям Средазбюро ЦК РКП(б), на включении в состав образуемой области Шураханского участка;

— полагать необходимым сохранить все областные аппараты и имущество Амударьинской области для обслуживания Каракалпакской Автономной области;

— настаивать на участие ККАО в дележе имущества и богатства ликвидируемых ТуркАССР и ХорССР. Отметить необходимость производства дележа пропорционально количеству населения размежеваемого района и фактическому участию его в хозяйственной жизни республики;

— признавая создаваемую ККАО за национальный центр, долженствующий объединить собой всех каракалпаков, всемерно содействовать приобщению к этой области всех прилегающих каракалпакских районов. Вместе с тем, обеспечить возможность автономной области для ее работы среди каракалпаков, проживающих как в КССР, так и в других республиках;

— поручить делегации КССР отстаивать перед ЦК РКП(б) это решение».[54]

Работа органов Народной Советской власти, отдельных представителей каракалпакского народа — истинных патриотов — Аллаяра Досназарова, Ибрагима Бекимбетова, Ураза Ирманова и других по созданию Ка-

ракалпакской автономной области, воссоединению обеих частей Каракалпакстана в ее составе находила широкую поддержку среди трудящихся всех каракалпакских районов Хорезмского региона.

Выдающийся поэт каракалпакского народа Аяпберген Мусаев посвятил этому событию свою замечательную патриотическую поэму «Бола баслады» («Началось»), в которой есть такие строки:

Қаракалпактын боска калган хабары
Мэрт жигиттин келер намысы—ары,
Углы Досназардын Аллахыяры
Мэскеу мэжлисине бара баслады.
Оз миллетим дейип каракалпакты
Бир болсын деп аржак пенен бержакты,
Данышпан нуктадан — хасылы ыргаклы
Улыкларга кагаз сала баслады.[55]

Всеобщее одобрение этого мероприятия населением обеих частей (левобережной и правобережной) Каракалпакии свидетельствовал о том, что воссоединение каракалпакских земель в составе одной национальной государственности — Каракалпакской автономной области—было их кровным делом. Оно отвечало экономическим, культурным, и, конечно, национальным интересам в прошлом многострадального каракалпакского народа, положило конец вековой раздробленности каракалпакских земель.

15 сентября 1924 г. в обстановке большого политического подъема Чрезвычайная сессия ЦИК ТАССР приняла единодушное решение о национальном размежевании среднеазиатских республик,[56] а 29 сентября такое же единодушное решение о национальном размежевании принял и V Всехорезмский курултай Советов, предоставив «узбекам, туркменам и каракалпакам, составляющим население Хорезмской республики, право на выделение и объединение с соответствующими республиками», — говорилось в постановлении V Всехорезмского курултая Советов[57] Исполняя волю народов Хорезмской ССР» в лице V Всехорезмского курултая, Центральный Исполнительный Комитет Советов постановил:

«1. Ходжейлинскую область, Кипчак и Ктай передать вновь образовавшейся Автономной Каракалпакской области;...

3. Для практического проведения в жизнь настоящего постановления образовать ликвидационную комиссию... от Каракалпакской национальной комиссии, по ее указанию...

5. Настоящее постановление вступает в силу с 23 ноября 1924 г.»[58]

В Обращении ЦК ХКП, ЦИК и Совета Назиров ХССР к трудящимся Хорезма в связи с вхождением республики в составы Туркменской ССР, Узбекской ССР и Каракалпакской автономной области, принятом 9 декабря 1924 г. было четко сказано.

«Хорезмская Социалистическая Советская Республика, населенная узбеками, туркменами и каракалпаками, до сих пор объединяла все эти национальности, во главе которых стояло правительство в лице Центрального Исполнительного Комитета Советов Хорезмской Социалистической Республики. Воля трудового народа в лице V Всехорезмского курултая постановила: местности, населенные вышеуказанными национальностями, должны отойти по национальному признаку к вновь образующимся республикам.

Центральный Исполнительный Комитет и Совет Народных Назиратов в Хорезмской Республике, первый с 23 ноября и второй — с 30 ноября, слагают свои полномочия и передают всю свою власть вновь образующемуся Революционному Комитету.

Для практического проведения в жизнь настоящего постановления образована ликвидационная комиссия из представителей от Узбекской, Туркменской и Каракалпакской комиссий, которые проведут в жизнь постановления V курултая.

Уходя, Хорезмское правительство дает наказ революционным комитетам и трудящимся твердо закрепить завоевания пролетариата. Нужно показать баям и манапам, что они не посмеют посягать на свободу дехкан...».[59]

Вскоре же был решен и вопрос о вхождении Кара-

калпакской автономной области в состав Казахской АССР. В сентябре 1924 г. ЦИК Казахской АССР создал специальную комиссию для определения границ Каракалпакской автономной области и ввел в состав ЦИК представителя Каракалпакии.

Как известно, 14 октября 1924 г. решение о национальном размежевании Средней Азии получило свое законодательное оформление на II сессии ВЦИК СССР, где было подтверждено постановление ТуркЦИКа, ХорЦИКА и БухЦИКа о национальном размежевании. Был законодательно оформлен и вопрос о создании Каракалпакской автономной области в составе Казахской АССР. Во исполнение этих решений малый президиум Казахского Центрального Исполнительного Комитета от 17 октября 1924 г. создал Временный Революционный Комитет (Ревком) Каракалпакской автономной области во главе с Аллаяром Досназаровым — великим сыном каракалпакского народа.

Так завершился первый этап борьбы многострадального каракалпакского народа, одного из древнейших народов Средней Азии, за создание Каракалпакской национальной государственности. Воссоединение Левобережной Каракалпакии с Правобережной Каракалпакией в составе Каракалпакской автономной области поправу стало важным, предопределяющим шагом на пути рождения полноправного государства каракалпаков — **Республики Каракалпакстан.**

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Объектом исследования данной работы является один из уникальных этапов многовековой истории каракалпакского народа. Анализируется своеобразие социально-экономического и культурно-политического развития Левобережной Каракалпакии в 1917—1924 гг., то есть в условиях ее нахождения в составе Хивинского ханства, затем Хорезмской республики ХНСР—ХССР.

Исследуются причины разделения исторически сложившейся территории каракалпаков, которая после завоевания Хивы царизмом оказалась между двумя деспотическими государствами—Российской империей и Хивинским ханством. Левобережье по-прежнему осталось в составе Хивинского ханства, а правобережье вошло в состав царской России, что явилось прямым результатом политики царизма «разделяй и властвуй».

Для каракалпаков, казахов, туркмен, живущих в одном регионе, большим злом являлись бесконечные родовые и племенные распри, феодальные мятежи и интриги, постоянно разжигаемые ханской властью и царизмом. Как правило, главной причиной подобных столкновений являлся вопрос об орошаемых землях, который использовался ханской властью в корыстных целях. Сосредоточившая всю политическую власть в ханстве в своих руках, узбекская феодальная аристократия стремилась держать в зависимости каракалпаков, туркмен, казахов и другие народности хивинского ханства. Она захватила самые плодородные земли и главные арычные системы, оставляя этим народам малоорошаемые земли в низовьях каналов. Хан и его окружение пользовались этим преимущественным положени-

ем (воду давал тот, кто держал в руках головные системы) всякий раз, когда было нужно оказать «воздействие» на каракалпаков, казахов и туркмен. Подобная ситуация сохранялась в Хиве и после ее завоевания царской Россией, ибо царизм не стремился ограничить деспотическую власть хана и окружающей его феодальной клики, наоборот, делал все возможное, чтобы сохранить ее. Для осуществления колонизаторской политики царизма в Хиве неоднократно использовались царские войска, находившиеся при начальнике Амударьинского отдела. Они часто применялись в собственных эгоистических, корыстных целях и самой узбекской феодальной аристократией. Часто организовывались карательные экспедиции против каракалпаков, казахов и туркмен, выразивших свое нежелание подчиняться притязаниям хана и его чиновников.

Поэтому не случайно, что первые решительные выступления против ханской власти начали происходить именно в районах, где в основном живут каракалпаки, туркмены, казахи.

Разумеется, важную роль сыграл и географический фактор: население указанных районов было расположено буквально рядом с Правобережной Каракалпакией, с ее северной группой районов — Нукусом, Чимбаем и другими культурными центрами каракалпаков, компактно живущих здесь. Они, естественно, имели больше шансов на получение действенной помощи и непосредственной поддержки со стороны своих братьев-каракалпаков в случае необходимости в этом. Так оно и случилось: по зову своих братьев первыми на помощь пришли революционные силы со стороны Нукуса, Чимбая и других городов.

В успешном развитии Левобережной Каракалпакии в условиях ее нахождения в составе Хорезмской республики важную роль сыграла и Красная Армия. Притом ее роль не ограничилась лишь борьбой против контрреволюционных сил в Хорезме. Части Красной Армии принимали деятельное участие и в распространении среди населения передовой культуры , в организации первых школ, библиотек, показе спектаклей и кинофильмов. Большую работу по организации культурно-массовой работы среди гражданского населения провело политуправление Хивинской (Хорезмской) Красной Армии (Пурхив). Исключительно плодотворной в интернациональном воспитании трудящихся Хорезма, в том числе Левобережной Каракалпакии, в укреплении уз дружбы между представителями разных народов и наций была деятельность посланцев ряда мусульманских народов, а именно таких, как башкир Афзал Тагиров, создатель первого народного университета в Хорезме, узбек Хамза Хаким-заде Ниязи, организатор первой школы-интерната для детей-сирот в Ходжейли, татарин Хамза Мусаев, руководитель политуправления Хивинской (Хорезмской) группы войска Пурхива.

Значительна роль II курултая Советов (май 1921 г.) в решении национального вопроса, в частности в решении проблем, связанных с развитием Левобережных районов. Решительно утверждая равноправие всех народов, проживающих в ХНСР, делегаты Курултая Советов дали клятву «покончить с пережитками национальных распрей между народами Хорезма». Чтобы навсегда покончить с многовековой враждой между собой, отвлечь народ «от исключительно родовых интересов», чтобы вырвать каракалпаков, казахов, туркмен из-под влияния феодально племенной знати, при правительстве ХНСР были созданы два национальных отдела—туркменский и казахско-каракалпакский. Не менее важным было и решение III Всехорезмского курултая Советов народных представителей (июль 1922 г.), который, беря во внимание исконное желание каракалпакского народа, его экономические и культурные интересы, решил создать при Хорезмском Исполнительном комитете—Хор ЦИКе—Казахско-каракалпакское бюро из 7 человек, пользовавшегося правом областного управления.

Отличительной чертой работы данного курултая явилось и то, что в его работе участвовала и лояльно настроенная часть духовенства. Это имело большое политическое значение, ибо было рассчитано на привлечение к активной борьбе за новую жизнь широких слоев трудящихся масс, среди которых, как известно, духовенство пользовалось сильным влиянием. Тем более, надо было учитывать, что отдельные из представителей духовенства были готовы активно сотрудничать с народной властью в борьбе за революционно-демократические преобразования.

Решающую роль в возникновении первого национально-государственного образования каракалпакского народа сыграло то, что IV Всехорезмский курултай Советов (октябрь 1923 г.) принял историческое решение «Об организации внутри Хорезмской Советской Социалистической Республики автономных областей: Туркменской и Киргизско-Каракалпакской».

Словом, национальная политика, в частности политика, направленная на успешное решение задач, связанных с особенностями социально-экономического и культурно-политического развития Левобережной Каракалпакии, в основном сооветствовала реальной жизни этих районов. Она способствовала установлению и развитию дружбы и взаимному уважению всех народов Хорезмского региона—каракалпаков, узбеков, казахов и туркмен.

Все это вместе взятое открыло возможность для осуществления вековой мечты многострадального каракалпакского народа — создание своего национального государства в виде Каракалпакской автономной области и воссоединения всех каракалпакских земель в составе единого государства. Образование Каракалпакской автономной области стало решительным и важным шагом на пути создания нынешней суверенной Республики Каракалпакстан.

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

[1] Партия младохивинцев выражала в основном интересы средних слоев — частных предпринимателей, торговцев, банкиров, деловых людей самых разных занятий. Она, хотя и будучи партией буржуазно-националистического толка, главным образом состояла из узбекской части населения тогдашнего Хорезмского общества. Но, благодаря своей реформаторской деятельности, находила поддержку и со стороны патриотических сил других народов этого региона. Более подробно о младохивинцах речь пойдет в соответствующих разделах данной работы.

[2] Как свидетельствуют достоверные архивные документы, вопрос об образовании Каракалпакской автономной области впервые был рассмотрен на заседании Территориальной комиссии по проведению национально-территориального размежевания Среднеазиатских республик с участием представителей каракалпакского народа, настаивавших на его положительном решении в конце августа 1924 г., а уже в октябре того же года ВЦИК СССР и ЦК РКП(б) одобрили его.

[3] Правда. — 1989. — 25 февраля.

[4] См.: Досумов Я. М. Историография победы Советской власти в Каракалпакии.—Ташкент: Наука, 1960; Он же. Каракалпакия в годы гражданской войны (Краткий обзор источников и литературы. Нукус: «Каракалпакстан», 1975. — С. 7—28; Камалов С. К. Развитие исторической науки в Советской Каракалпакии). (Вестник Каракалпакского филиала АН УзССР. 1967, № 1. — С. 39—43; Камалов С. К., Максетов К. М. XXV съезд КПСС и задачи общественных наук). (Вестник Каракалпакского филиала АН УзССР. 1976. — № 2. — С. 3—15; Мухамедбердыев К. Б. Октябрь и воссоединение Каракалпакстана. Историография первых лет Советской власти в Каракалпакстане. — Нукус: «Каракалпакстан», 1977. — С. 9—57; Он же. Ленин и народы Хорезмского оазиса. Вопросы истории, историографии и источниковедения перехода к социализму. — Нукус: «Каракалпакстан», 1982. —С. 75 — 133; Караев Р. Общественные организации трудящихся Хорезма в 1920—1924 гг. (Из опыта некапиталистического развития). Ашхабад. «Ылым», 1980—С. 3—14; Утепов К. Великий Октябрь, становление и развитие исторической науки в Каракалпакстане. Нукус: «Каракалпакстан», 1988; Германов В. Некото-

рые проблемы историографии молодежного движения в Хорезме). (Вестник Каракалпакского филиала АН УзССР, 1977, № 2. — С. 70—75; Аллаииязов Т. Историография становления и развития Каракалпакской национальной советской государственности) (Вестник Каракалпакского филиала АН УзССР. — 1986. — № 1. — С. 51—57; Алламбергенов С., Мухамедбердыев К. Б. О преобразовании ХНСР в социалистическую республику и особенности борьбы за ее упрочение.— научно-теоретическая конференция (Нукусского Госуниверситета им. Т. Г. Шевченко). Тезисы докладов и сообщений. Общественные науки. — Нукус «Каракалпакстан», 1986. — С. 53—56; Ниязова Д. Некоторые проблемы истории Каракалпакской автономии (Вестник Каракалпакского филиала АН УзССР. — 1984. — № 1. — С. 84—90).

[5] Ниязова Д. Указ. соч. — С. 85.

[6] Досумов Я. М. Очерки истории Кара-Калпакской АССР (1917—1924) Ташкент: изд. АН УзССР, 1960.

[7] Очерки истории Кара-Калпакской АССР. —Т. II. (1917—1963 гг.) — Ташкент: изд. Наука УзССР. 1964.

[8] Там же. — С. 125—133.

[9] См.: Очерки истории Каракалпакской АССР. — Т. 1. (1917—1963 гг.). — Ташкент: Наука УзССР, 1964. — С. 320—321.

[10] История Каракалпакской АССР. Т. 1. С древнейших времен до Великой Октябрьской Социалистической Революции. — Ташкент: ФАН, 1976. — С. 224—240; т. II. От победы Великой Октябрьской Социалистической революции до наших дней. — Ташкент: ФАН, 1974. — С. 99—109.

[11] Осуществление ленинской программы построения социализма в Каракалпакии (1917—1937 гг.). — Ташкент: ФАН, 1971.

[12] Там же. — С. 3.

[13] Г. Непесов. 1920—1924 жылларда Хорезм халк революциясында Каракалпакстанлы мийнеткешлердин роли.—Нукус: «Каракалпакстан», 1964; Он же. Помощь старшего брата. На материалах Каракалпакской АССР, Хорезма и Туркестанской ССР.—Нукус: «Каракалпакстан», 1968.

[14] С. У. Татыбаев. Исторический опыт построения социализма в Каракалпакии (1917—1941 гг.). — Нукус: «Каракалпакстан», 1971.

[15] Там же. — С. 63—64.

[16] Там же. — С. 65—66.

[17] Там же. — С. 62.

[18] К. Б. Мухамедбердыев. Октябрь и воссоединение Каракалпакстана. — С. 119—137.

[19] Т. Аллаииязов. Указ. соч., С. 53.

[20] Кстати автор полностью разделяет в этом отношении мысль Д. Ниязовой: (Ниязова Д. Указ. соч., с. 89) что же явилось причиной тому: «До сих пор в литературе нет ясного ответа на вопрос: почему именно Средазбюро ЦК РКП(б) приняло в 1924 г. решение о включении Каракалпакской автономной области в состав Казахской АССР».

[21] Декреты Советской власти. — Т. I. — М., 1957. — С. 39—41.

[22] Там же.

[23] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34.— С. 379; т. 38. — С. 161.

[24] 2-ой Конгресс Коммунистического Интернационала. Стенографический отчет. — Петроград: изд-во Коминтерна, 1921. — С. 582.

[25] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31. — С. 437, т. 32. — С 274.

[26] Иностранная военная интервенция и гражданская война в Средней Азии и Казахстане. Сб. док. и мат. в 2-х томах. — Алма-Ата: Наука, 1964; История Хорезмской Народной Советской Республики (1920—1924 гг.). — Ташкент: ФАН, 1976.

[27] См.: И. С. Кутяков. Красная конница и воздушный флот в пустынях. — С. 6.

Кстати это о нем писал четырежды Герой Советского Союза, маршал Советского Союза Г. К. Жуков: «Не могу не вспомнить И. С. Кутякова (1897—1938—К. П.), с которым меня связывала давняя дружба. Знал я Ивана Семеновича более двадцати лет и всегда восхищался им и как командиром, и как сильным и волевым человеком. И. С. Кутяков — солдат царской армии. В своем полку он пользовался большим авторитетом и в первые дни революции был выбран командиром полка. Это большая честь —быть избранником солдат-фронтовиков. Для этого надо было отличаться большими достоинствами: всегда и во всем быть примером для своих товарищей, иметь ясную голову, отзывчивое сердце, хорошо знать и любить людей, понимать их думы и чаяния.

В годы гражданской войны И. С. Кутяков командовал стрелковой бригадой 25-Чапаевской дивизии. После гибели В. И. Чапаева. И. С. Кутяков был назначен вместо него командиром дивизии. За успешное командование частями в боях с белогвардейщиной он был награжден тремя орденами Красного Знамени и орденом Красного Знамени Хорезмской Республики, а также почетным оружием. В 1937 г. И. С. Кутяков был выдвинут заместителем командующего войсками Приволжского военного округа. См.: Жуков Г. К. Маршал Советского Союза. Воспоминания и размышления. М., изд. Агентство печати «Новости». 1971. — С. 142—143. И. С. Кутяков оказался жертвой сталинских репрессий: в 1937 г. он был арестован и в 1938 г. — расстрелян. Ныне полностью реабилитирован. Более подробно о нем см.: Гражданская война и военная интервенция в СССР. М., Советская Энциклопедия», 1987. —. 320—321.

[28] Правда. — 1991. — 8 февраля.

Глава I. Левобережная Каракалпакия в составе Хивинского ханства накануне и в период его падения

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч. — Т. 27. — С. 67.

[2] По данным территориальной комиссии, созданной перед национально-территориальным размежеванием в Средней Азии в 1924 г., в Хорезмской ССР было 342000 каракалпаков. См.: Зарубин И. И. Список народностей Туркестанского края. Л., 1925, с. 17. А в очерках истории Каракалпакской АССР. Т. I, приводятся другие цифры, якобы в Левобережной Каракалпакии общая численность каракалпаков составляла 43778 чел. (с. 362).

[3] См.: Камалов С. К. Каракалпаки в XVIII—XIX вв. (К истории взаимоотношений с Россией и среднеазиатскими ханствами) Ташкент: ФАН, 1968; Косбергенов Р. К. Каракалпакстанный

Россияга косылыўы. Тарийхы (этнографиялық монография). Нукус. «Каракалпакстан», 1972.

[4] Р. К. Косбергенов. Указ. соч. —С. 190.

[5] Юлдашев М. Ю. К истории крестьян Хивы (XIX века. — Ташкент: ФАН, 1966. — С. 158.

[6] Там же. — С. 196.

[7] Иванов П. П. Очерки истории каракалпаков. МИКК. — М. — Л., 1935. — С. 55.

[8] Казу—прокладывание каналов, ирригационных сооружений.

[9] См.: Мухамедбердыев К. Коммунистическая партия в борьбе за победу народной революции в Хорезме. — Ашхабад: Туркменгосиздат, 1959. — С. 28—30.

[10] Садыков А. С. Россия и Хива в конце XIX——начале XX вв. — Ташкент: ФАН, 1972. — С. 56.

[11] Косбергенов Р. Каракалпакстанның Россияга косылыўы Нукус: «Каракалпакстан», 1972; История Каракалпакской АССР. Т. 1. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. — Ташкент: ФАН, 1974. — С. 233.

[12] См.: Досумов Я. М. Указ. соч. — С. 25, 39; Садыков А. С. Указ. соч. — С. 58—59, 119.

[13] Цит. по «Истории Каракалпакской АССР. Т. I. С древнейших времен до наших дней». — С. 213.

[14] Косбергенов Р. К. Указ. соч. — С. 191.

[15] Туркестанские ведомости, 1875, № 4.

[16] Там. же

[17] См.: Садыков А. С. Указ. работа — С. 24.

[18] См.: Погорелский И. В. Очерки экономической и политической истории Хивинского ханства конца XIX и начала XX вв. (1873—1917 гг.). — Л.: изд. ЛГУ, 1962; Юдашев М. Ю. Указ. соч. — С.

[19] Более подробно см.: Садыков А. С. Экономические связи Хивы с Россией во второй половине XIX—начале XX в. — Ташкент, Наука, УзССР, 1965. — С. 137—143.

[20] ЦГА УзССР. — ф. 1. — Оп. 1. — Д. 17.—Л. 58.

[21] ЦГВИА СССР. — Ф. 1422. — Оп. 1. — Д. 1. — Лл. 27—28.

[22] ЦГА УзССР. — ф. 1. — Оп. 12. — Д. 1950. — Л. 10.

[23] См.: Досумов Я. М. Указ. соч., с. 60. Борьба трудящихся Каракалпакстана против социального и колониального гнета (1873—февраль 1917 г.). — Ташкент: ФАН, 1971. — С. 100—104.

[24] ЦГА УзССР. — ф. 1. — Оп. 1. — Д. 370. — Л. 501.

[25] ЦГА УзССР. — ф. 1. —Оп. 1. — Д. 370. — Л. 66.

[26] Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 31. — С. 436—437.

[27] См.: Татыбаев В. Х. Нукус — столица Каракалпакской АССР. История становления и развития народа. — Нукус, Каракалпакстан, 1979; Кощанов А. Турткуль—центр революционных движений в низовьях Амударьи (Вестник Каракалпакского филиала АН УзССР, 1976. — № 3. — С. 57—62;) Уббинниязов Д. А. Турткуль—город социалистический. — Там же.

[28] Гуменюк Борьба за Петро-Александровск. В кн.: «Пятая годовщина Красной Армии. — Ташкент.— 1923. — С. 91.

[29] См.: Мухамедбердыев К. Коммунистическая партия в борьбе за победу народной Советской революции. — С. 76—77.

[30] Федько И. Мирные переговоры. — В кн.: Октябрьская Социалистическая революция и гражданская война в Туркестане. Воспоминания участников. — Ташкент, 1957. — С. 480.

[31] Востриков Н. Военно-революционные события в Амударьинском отделе и Хорезме. Там же. — С. 493.

[32] ЦГА УзССР. — ф. Р—25. — Оп. 1. — Д. 118. — Л. 219; Более подробно см.: Вестник Каракалпакского филиала АН УзССР, 1976. № 3. — С. 48—57.

[33] См.: История Бухарской и Хорезмской Народных Советских республик. М., 1971. — С. 69.

[34] Там же. — С. 75.

[35] Там же.

[36] См.: Досумов Я. М. Очерки истории Каракалпакской АССР. 1917—1927. — С. 133.

[37] ЦГА УзССР. — ф. Р. 17. — Оп. 1. — Д. 222. — Л. 81—84; См. также: История Каракалпакской АССР с древнейших времен до наших дней. — Ташкент, ФАН, 1986. — С. 189; Мухамедбердыев К. Б. История Хорезмской революции. — Ташкент. ФАН, 1986. — С. 66.

[38] См.: Победа Советской власти в Средней Азии и Казахстане. — С. 665.

[39] Кстати, по данным архивных источников, еще до начала народной революции количество членов этой дружины достигло более 600 человек. См.: Иностранная военная интервенция и гражданская война в Средней Азии и Казахстане. Документы и материалы. Т. П. Алма-Ата: Наука, 1964. — С. 695.

[40] ЦГА ҚКАССР. — ф. 87. — Оп. 1. — Д. 33. — Л. 138.

[41] См.: История Бухарской и Хорезмской Народных Советских Республик. — М.: Наука, Главное издательство Восточной литературы. 1971. — С. 105.

[42] ЦГА УзССР. — ф. 71. — Оп. 1. — Д. 6. — Л. 47—49.

[43] Среднеазиатский экономический район. — Изд-во ТЭС, 1922. — С. 20—42.

[44] Там же.

[45] См.: Победа Советской власти в Средней Азии и Казахстане. — Ташкент: ФАН, 1967. — С. 105.

[46] ЦГА СССР. —ф. 1318. — Оп. 1. — Д. 715. — Л. 4; ЦГА СССР — ф. 110. — Оп. 1. — Д. 611. — Л. 97.

[47] Известия ТуркЦИКа и Ташкентского Совета рабочих, солдатских и дехканских депутатов. — 1919. — 20 ноября.

[48] Скалов Г. Б. Хивинская революция 1920 г. // Новый Восток. — 1923. — № 3. — С. 101.

[49] См.: Мухамедбердыев К. Б. Коммунисты во главе масс. — Свержение феодального строя и установление народной Советской власти в Хорезме (1917 февраля 1920 г.).—Вопросы истории КПСС. — 1957. — № 3. — С. 62.

[50] Известия Ново-Бухарского Исполкома Совета рабочих, крестьянских депутатов и ПКБ. — 1920. — 14 февраля.

[51] Там же.

[52] Жизнь национальностей. — 1923. № 1. — С. 183.

[53] См.: Росляков А. А. К вопросу о политике ЦК ВКП(б) и советского правительства в отношении Хивы (об истинной дате начала Хорезмской революции). — Труды Туркменского филиала ИМЛ при ЦК КПСС Вып. VI. — Ашхабад: Туркменгиздат, 1959. —

С. 56—70; Мухамедбердыев К. Б. Ленин и народы Хорезмского оазиса. История, историография, источниковедение перехода к социализму. — Нукус: «Каракалпакстан», 1982. — С. 119—120.

[54] См.: например, статьи английского советолога Эни Шихи, напечатанные в периодическом журнале «Сектрал Эйшн ревью» («Среднеазиатское обозрение») в 60-годы: «Джунандхан—король Каракумов» (Лондон, 13, 1965, № 3), «Конец Хивинского ханства (15, 1967, № 1). «Хорезмская Коммунистическая партия. 1920—1924» (16 1968, № 3), в которых она в основном правильно определяет роль и место младохивинцев в революционных событиях тех лет, единственной политической партии в Хивинском ханстве, достойной упоминания, как во время революции, так и непосредственно после революции, были младохивинцы»,—пишет Эни Шихи в упомянутой статье «Хорезмская Коммунистическая партия. 1920—1924 гг.». — ,С. 308). И это верно. Более подробно см.: Мухамедбердыев К. Б. Ленин и народы Хорезмского оазиса. Вопросы истории, историографии и источниковедения перехода к социализму. — Нукус, «Каракалпакстан», 1982. — С. 124—131.

[55] ЦГА УзССР. — ф. Р. 17. — Оп. 1. — Д. 659.— Л. 121.

[56] Кстати впервые этот документ был опубликован на страницах газет: Известия Н. — Бухарского исполкома Совета рабочих, крестьянских, красногвардейских депутатов и ПКБ. 1920. 14 февраля. Набат революции. 1920. 14 февраля.

[57] Там же.

[58] По некоторым источникам количество членов этой дружины доходило до 600 с лишним человек. См.: Иностранная военная интервенция и гражданская война в Средней Азии и Казахстане. Документы и материалы. Т. II. —— С. 695.

[59] Кстати, в ряде публикаций, неточно названа дата начала работы данного знаменательного форума. — 1 Всехорезмского курултая народных представителей—вместо 27 апреля 1920 г. указывается 26 апреля, а в отдельных из них даже 22 апреля. См.: например. Г. Непесов. Победа Советского строя в Северном Туркменистане. —— С. 150; Неточно указана эта дата и в сб. документов и материалов: «Иностранная военная интервенция и гражданская война в Средней Азии и Казахстане». Т. 3. — С. 695.

[60] ЦГА СССР. — ф. 1318. — Оп. 1. — Д. 715. — Л. 107; Известия Ново-Бухарского исполкома Совета рабочих, крестьянских, красноармейских депутатов и ПКБ (партии коммунистов Бухары—К. П.), — 1920. —22 апреля.

[61] ЦГАСА. — ф. 110. — Оп. 1. — Д. 21. — Л. 55—56.

[62] Там же.

[63] История коммунистических организаций Средней Азии. — С. 471.

[64] Победа Советской власти в Средней Азии и Казахстане. — С. 678.

[65] ЦГАОР СССР. — ф. 1318. — Оп. 1. — Д. 715. — Л. 13: Известия Полпредства РСФСР в ХНСР. — 1921. — 20 июля.

[66] ЦГАСА СССР. — ф. 110. — Оп. 1. — Д. 20. — Л. 48.

[67] Там же.

[68] Там же.

[69] Там же. — Оп. 2. — Д. 25. — Л. 38.

[70] Подробно см.: Мухамедбердыев К. Б. Коммунистическая партия в борьбе за победу народной Советской власти в Хорезме. — С. 162.

[71] Известия Ново-Бухарского исполкома Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов и ПКБ. — 1920. — 26 апреля.

[72] ЦГАСА СССР. — ф. 110. —Оп. 2. — Д. 25. —Л. 38.

[73] Там же. — Д. 27. — Л. 11.

[74] Там же. — Л. 17.

[75] Цит. по Непесов Г. из истории Хорезмской революции. — Ташкент: Узбекистан, 1962. — С. 97.

[76] См.: Сб.: Пятая годовщина Красной Армии» — Ташкент: 1923. — С. 15—16.

[77] ЦГАОР СССР. — ф. 1318. — Оп. 1. — Д. 715. — Лл. 15—17.

[78] Там же.

[79] Известия. — 1921. — 15 февраля.

[80] Виноградова ...— Хорезмская Советская Народная Республика. —Жизнь национальностей. —1923. — С. 55.

[81] Там же. — С. 56.

[82] Более подробно см.: Ниязматов М. Посланец Ильича Сергей Малышев. — Хорезмская правда. — 1978. — 21 апреля; Мухамедбердыев К., Камалов А. Посланцы русского рабочего класса в судьбах народов Хорезмского оазиса. // Вестник Каракалпакского филиала АН УзССР, 1982. — № 1. — С. 55—59.

[83] Воспоминания Петра Солдатова (Архив Института истории СССР АН СССР. Материалы обсуждения макета-книги «Путь Хивы и Бухары к социализму. История Бухарской и Хорезмской Народных Советских Республик», 1967).

[84] ЦГАСА. — ф. 110. — Оп. 1. — Д. 5. — Л. 91.

[85] ЦГАСА..— ф. 110. — Оп. 1. — Д. 82. —Лл. 12—13.

[86] Там же.

[87] Там же.

[88] Там же.

[89] См.: История Бухарской и Хорезмской Народных Советских Республик. — С. 142; История Каракалпакской АССР с древнейших времен до наших дней. — Ташкент: ФАН, 1986. — С. 209.

[90] См.: ЦГАСА. — ф. 110. — Оп. 3. — Д. 526. — Л. 2.

[91] Цит. по Мухамедбердыеву К. Б. Коммунистическая партия в борьбе за победу народной Советской революции в Хорезме. — С. 204.

[92] ЦГАСА. — ф. 110. — Оп. 3. — Д. 527. — Л. 2.

[93] См.: Там же. — Д. 528. — Лл. — 5—6. — Д. 449. — Лл. 9—13.

[94] См. сб.: Пятая годовщина Красной Армии. — Ташкент, 1923. — С. 15.

Глава II. Левобережная Каракалпакия в составе ХНСР: революционно-демократические преобразования

[1] Давид Юльевич Гоппер (1885—1925)—один из активных организаторов Советской власти. 14 апреля 1921 г. Д. Ю. Гоппер, работавший до этого уполномоченным РСФСР при СНК Украины, где он организовал комитеты помощи голодающей России, был назначен уполномоченным Народного Комиссариата РСФСР в Туркестанской АССР, а 15 апреля—членом Туркомиссии ВЦИК и

СНК РСФСР. Сразу же после приезда в Ташкент, он был направлен в самую «горячую точку» в Средней Азии—в ХНСР в качестве уполномоченного НКИД. С этого момента вся дальнейшая жизнь Д. Ю. Гопнера неразрывно связана с республиками Средней Азии. Умер он в 1925 г. в Ашхабаде, будучи наркомом юстиции Туркменской ССР. См.: Туркменская искра, 1984, 17 декабря. Но, увы, с легкой руки историка Шихберды Аннаклычева, безо всякого на то доказательства, Д. Ю. Гопнер объявляется заядлым врагом новой власти в Средней Азии, против которого якобы пришлось вести долгую решительную борьбу» и что странно такое безапеляционное заявление делается на страницах той же газеты «Туркменская искра» (июль 1991 г.), писавшей о Д. Ю. Гопнере как об истинном борце за власть Советов в Средней Азии, посвятившем свою жизнь укреплению дружбы и братства народов...

[2] Известия Всебухарского Центрального исполнительного комитета. — 1921. — 26 мая.

[3] Там же.

[4] ЦГАОР УзССР. — ф. 71. — Оп. 1. — Д. 46. — Лл. 34—35.

[5] Там же. — Д. 2. — Лл. — 281—282.

[6] Там же. — Д. 46. — Лл. — 34—35. — Д. 22— Лл. 281—282.

[7] См.: История коммунистических организаций Средней Азии. — Ташкент: Узбекистан, 1967. — С. 637.

[8] Там же.

[9] Колменов — активный строитель каракалпакской национальной государственности, долгое время работавший постпредом ККАССР в Москве, в 1937 г. был расстрелян.

[10] См.: ЦГАОР. — ф. 1318. — Д. 71. — Т. 1. — Л. 101.

[11] См.: ЦГА УзССР. — ф. 118. — Оп. 1. — Д. — 77. — Л. 15.

[12] ЦГА ККАССР. — ф. 17. — Оп. 1. — — Д. 5. — Л. 19.

[14] Альфин М. В Хиве. Съезд Хорезмской (Хивинской) Коммунистической партии и Союза малоземельных и безземельных дехкан. — Жизнь национальностей. — — 1922. — 22 марта.

[13] Альфин М. В Хиве. Съезд Хорезмской (Хивинской) Коммунистической партии и «Союза малоземельных и безземельных дехкан». — Жизнь национальностей. — № 4 (10). — 1922. — 22 марта.

[15] Там же.

[16] Жизнь национальностей. — — 1922. — 22 марта.

[17] Жизнь национальностей кн. 1 — 1923. — С. 191.

[18] Жизнь национальностей. — 1922. — 22 марта.

[19] Там же.

[20] Жизнь национальностей. — Кн. 1. 1923. — С. 192.

[21] Жизнь национальностей. — Кн. 1. 1923. — С. 191.

[22] Жизнь национальностей. — 1922. — 22 марта.

[23] Там же.

[24] Жизнь национальностей. — Кн. 1. — 1923. —С. 191.

[25] Жизнь национальностей. — 1922. — 22 марта.

[26] Цит. по рукописи докт. дисс. Мухамедбердыева К. Б. Руководство Коммунистической партии процессом развития Хорезма к социализму. — М., ИМЛ при ЦК КПСС. — 1968. — С. 337.

[27] Более подробно см.: Мухамедбердыев К. Коммунистическая партия в борьбе за победу народной советской революции в Хорезме. Туркменгосиздат, Ашхабад, 1959. — С. 214; Караев Р. Комсомольская организация Хорезма в 1920—1924 гг. — Кандидатская дис. — Ашхабад, 1967. — С. 113.

[28] Архив ЦК ВЛКСМ. Протоколы заседаний Средазбюро ЦК РКСМ. — № 25. — Д. 404. — Л. 99.

[29] Там же. — Л. 506.

[30] ЦГА УзССР. ф. 118. — Оп. 1. — Д. Н. 77. — К. 35.

[31] Караев Р. Комсомольская организация Хорезма в 1920—1924 гг. Автореферат. — Ашхабад, 1967. — С. 9.

[32] Архив ЦК ВЛКСМ. Протокол засед. Средазбюро ЦК РКСМ. — № 25. — Д. 404. — Л. 10.

[33] Там же. — Л. 506.

[34] ЦГА ККАССР. — ф. 17. — Оп. 1. — Д. 15. — Л. 31.

[35] Иниклаб куяши. — 1923. — 24 марта.

[36] История Хорезмской Народной Советской Республики (1920—1924 гг.). Сборник документов. Ташкент: ФАН, 1976.—С. 207.

[37] Иниклаб куяши. — 1923. —24 марта. Перевод с узбекского.

[38] Иниклаб куяши. — 1923. — 24 марта. Перевод с узбекского.

[39] Там же.

[40] История Хорезмской Народной Советской Республики. Сборник документов. — С. 207.

[41] См.: Аллабергенов С. Большевичка. Чарджоуская правда. — 1972. — 8 марта.

[42] К десятилетию Бухарской и Хорезмской революции. Ташкент, 1930. — С. 25.

[43] См.: Чарджоуская правда. — 1972. — 8 марта.

[44] ЦГАСА. — ф. 110. — Оп. 3. — Д. 595. — Л. 12.

[45] Там же. — Лл. 31—32.

[46] ЦГАСА. — ф. 110. — — Оп. 3. — Д. 595. — Л. 9.

[47] ЦГА УзССР. — ф. 71. — Оп. 1. — Од. хр. — 6. — Л. 114.

[48] ЦГАСА. — ф. 110. —Оп. 3. —Д. 595. —Лл. 31—32. Но к сожалению, и на этот раз перемирие с Джунандом не состоялось.

[49] Хорезмский областной архив. — ф. 98. — Оп. 1. — — Д. 6. — Л. 18. (протокол № 18).

[50] Караев Р. Комсомольская организация Хорезма. Туркменгосиздат. — С. 51.

[51] См.: Комсомол Узбекистана. Ташкент: Еш гвардия, 1978. — С. 71.

[52] Хорезмский областной архив. — ф. 98. — Оп. 1. — Д. 13. — Л. 5.

[53] Там же.

[54] Там же. — Д. 6. —Л. 27.

[55] Бабашев Ш. Комсомолу Каракалпакии—40 лет. Советская Каракалпакия. — 1959. — 25 декабря.

[56] Жизнь национальностей. М., 1923. — № 1. — С. 192.

[57] Там же.

[58] Туркменский отдел при ХорЦИКе был создан в 1921 г. на II Всехорезмском курултае народных представителей с правом областного управления. См.: Мухамедбердыев К. Коммунистическая партия—как партия в борьбе за победу народной Советской республики в Хорезме. Ашхабад, Туркменгосиздат, 1959.—С. 241.

[59] Жизнь национальностей. М., 1923. — кн. 1. — С. 188.

[60] Жизнь национальностей. М., 1923. — кн. 1. — С. 194.

[61] Непесов Г. Из истории Хорезмской революции 1920—1924 гг. — Ташкент, Узбекистан. — 1962. — С. 226.

[62] ЦГА УзССР. — Оп. 1. — Д. 46. — Лл. — 17—20: Кара Икул О роли внешторга в независимых Восточных советских республиках. Жизнь национальностей. М., 1922. — 1 июля. — № 11 (17).

[63] ЦГАОР УзССР. — ф. 71. — Оп. 1. — Д. 46. — Лл. 17—20. Кара Икул. О роли Внешторга в независимых Восточных советских республиках. // Жизнь национальностей. М., 1922. — 1 июля. — № 11(17).

[64] Там же.

[65] Там же.

[66] Первая экономическая конференция Среднеазиатских республик Туркестана, Бухары и Хорезма. — 5—9 марта 1923. — Стенографический отчет. Ташкент, 1923.

[67] Первая экономическая конференция среднеазиатских республик Туркестана, Бухары и Хорезма. 5—9 марта 1923. Стенографический отчет заседания от 7 марта 1923 г. Ташкент. 1923. — С. 3—5.

[68] Там же.

[69] Там же. — С. 6.

[70] Там же.

[71] Там же.

[72] Там же. — С. 5.

[73] Там же. — С. 11—13.

[74] Там же. — С. 3.

[75] Там же. — С. 7.

[76] Там же. — С. 3.

[77] Там же. — С. 7.

[78] Там же. — С. 7.

[79] Там же.

[80] Зубрек К. Земледелие и ирригация Хорезма в связи с вопросом экономического объединения среднеазиатских республик. Новый Восток. — 1923. — № 3. — С. 217.

[81] Там же.

[82] Там же — С. 218.

[83] Там же. — С. 219.

[84] Там же.

[85] Новый Восток. — 1923. — № 3. — С. 221.

[86] Хозяйственный план Хорезмской Народной Советской Республики на 1923—1924 гг. Изд. Средазэкономсовет. Ташкент, 1924. — С. 3.

[87] ЦГА УзССР. — ф. Р—71. — Оп. 1. — Д. 163. — Л. 31.

[88] Там же.

[89] См.: История Хорезмской Народной Советской Республики. — С. 55—57.

[90] Партархив Узбекского филиала ИМЛ при ЦК КПСС. — ф. 361. — Оп. 1. — Д. 790. — Л. 26. (Цит. по «Истории Хорезмской Народной Советской Республики») — С. 55.

[91] АВП СССР, — ф. 218. — Оп. 10. — Д. 97. — Лл. 6—10.

[92] Хорезм хабарлари. — 4 февраля—1922.

[93] См.: Инклаб куяши. — 24 апреля—1923. — 11 и 20 мая. — 1924.

[94] См.: Инклаб куяши. — 24 апреля — 1923. — 11 и 20 мая. — 1924.

[95] Хозяйственный план Хорезмской Народной Советской Республики на 1923—1924 гг. Средазэкономсовет. Ташкент, 1924. — С. 24.

[96] Там же.

[97] Там же.

[98] Там же.

[99] ЦГА УзССР. — ф. Р—71. — Оп. 1. — Д. 46. — Лл. 5—9.

[100] Там же.

[101] См.: Мелламед М. П. История развития советского здравоохранения в Ташаузской области Туркменской ССР (Канд. дисс. Чарджоу, 1958. М., Библиотека им. В. И. Ленина) — С. 18.

[102] Хозяйственный план Хорезмской Народной Советской Республики на 1923—1924 гг. Средазэкономсовет. Ташкент, 1924. — С. 27.

[103] Там же.

[104] ЦГА УзССР. — ф. Р—71. — Оп. 1. — Д. 45. — Л. 20.

[105] Минкевич. Народное здравие в Хорезме. // Народное хозяйство Средней Азии. 1924. — № 4. — С. 175.

Глава III. Левобережная Каракалпакия в составе ХССР. Объединение ее с Правобережной Каракалпакией.

[1] История Хорезмской Народной Советской Республики. Сборник документов. — С. 307.

[2] Там же. — С. 318.

[3] Шадыр Муртазин. 1901 г. рожд., татарин, член ХКП с 1919 г., рабочий, образование — среднее.

[4] История Хорезмской Народной Советской Республики. Сборник документов. — С. 305.

[5] Подробно см.: Билялов Г. М. Из истории культуры и просвещения Хорезмской Народной Советской Республики. Ташкент, Госиздат. 1966. — С. 43.

[6] ЦГА УзССР. — ф. Р—71. — Оп. 1. — Д. 45. — Лл. 25-29.

[7] Съезд Советов Союза ССР, союзных и автономных республик. Т. 7. М., 1965. — С. 23.

[8] ЦГА УзССР. — ф. Р—71. — Оп. 1. — Д. 45. — Л. 25—29.

[9] История Хорезмской Народной Советской Республики. Сборник документов. — С. 254.

[10] Скалов Г. Хивинская революция 1920 г. // Новый Восток. 1923. № 3. — С. 241.

[11] Петин В. Налоги в Хорезме при хане и теперь. // Народное хозяйство Средней Азии. 1924. — № 1. — С. 21—23.

[12] Там же.

[13] ЦГА УзССР. — ф. Р—71. — Оп. 1. — Д. 39. — Л. 41.

[14] Туркменская правда. — 1924. — 7 мая.

[15] Петин В. Налоги в Хорезме при хане и теперь. // Народное хозяйство Средней Азии. 1924 г. — № 1. — С. 21—23.

[16] ЦГА УзССР. — ф. Р—73. — Оп. 1. — Д. 35. — Л. 17.

[17] История Хорезмской Народной Советской Республики. Сборник документов. С. 275.

[18] См.: Воспоминания Атабаева Бабаджана, активного участника борьбы за Советскую власть в Хорезме.

[19] История Узбекской ССР. Т. 3. Ташкент. 1967. — С. 305.

[20] Непесов Г. Победа Советского строя в Северном Туркменистане. (1917—1936 гг.). Ашхабад, 1950. — С. 217.

[21] Туркестанская правда. — 1924. — 3 февраля.

[22] Там же. — 5 марта.
[23] Там же.
[24] Березин Р. Политическая обстановка в Хиве. // Туркестанская правда. — 1924. — 14 марта. — № 60(337).
[25] См.: Ишанов А. Укрепление Советской государственности в Узбекистане в начальный период восстановления народного хозяйства (1923—1924 гг.). Ученые записки юридического факультета Среднеазиатского госуниверситета. Выпуск III. Ташкент. 1957. — С. 33.
[26] Ишанов А. Указ. соч. — С. 34.
[27] См.: Аллабергенов С., Мухамедбердыев К. О преобразовании ХНСР в социалистическую республику и особенностях борьбы за её упрочение. Нукусский государственный университет им. Т. Г. Шевченко. Научно-теоретическая конференция. Тезисы докладов и сообщений. Общественные науки. Нукус, 1986.—С. 54.
[28] Некоторые выводы из обсуждения вопросов некапиталистического пути развития. // Вопросы истории КПСС. 1965.—№6.—С. 61.
[29] История Хорезмской Народной Советской Республики. Сборник документов. —С. 160.
[30] ЦГА УзССР. — ф. Р —71. —Д. 45. —К. 15.
[31] ЦГА УзССР. — ф. Р—71. — Оп. 1. — Д. 37. — Лл. 74—80. История Хорезмской Народной Советской Республики. Сборник документов. — С. 277, 281—283.
[32] Там же. — Д. 31. — Л. 32.
[33] Съезды Советов Союза ССР, союзных и автономных советских социалистических республик. Т. 7. — М., 1965. — С. 35—36.
[34] Более подробно см.: Караев Р. Общественные организации трудящихся Хорезма в 1920—1924 гг. (Из опыта некапиталистического развития республики). Ашхабад: Илим, 1980. — С. 185—196.
[35] ЦГА УзССР. —ф. Р—71. —О. 1. — Д. 39. — Лл. 281—282.
[36] Съезды Советов Союза ССР, союзных и автономных республик (1917—1937 гг.). Т. 7 — М., 1965. — С. 22—29.
[37] ЦГА УзССР. — ф. Р—73. —Оп. 1 — Д. 94. Л. 3.
[38] Билялов Г. Культура и просвещение Хорезмской Народной Советской Республики. Ташкент: Узбекистан, 1966. — С. 51.
[39] История Хорезмской Народной Советской Республики. Сборник документов. — С. 325.
[40] Там же. — С. 326.
[41] В ряде документов тех лет Киргизско-Каракалпакская область ошибочно называется Ходжейлинской, то есть по названию областного центра — города Ходжейли.
[42] История Хорезмской Народной Советской Республики. Сборник документов. — С. 326.
[43] АВП СССР. — ф. 0218. — Оп. 3. — Д. 29. — Лл. 59—68.
[44] Там же. См. также: История Хорезмской Народной Советской Республики. Сборник документов. — С. 270—273.
[45] ИГА УзССР. — ф. Р—73. — Оп. I. — Д. 19. — Л. 95.
[46] Ленин В. И. Полн. собр., соч. — Т. 24. — С. 149.
[47] Турсунов Х. Образование Узбекской Советской Социалистической Республики. Ташкент, 1957, изд. АН УзССР, 1957. — С. 146—147.
[48] Калниязов У. Указ. соч. — С. 68.

[49] Кстати, вскоре же, за проявленные близорукость и нежелание подчиниться мнению большинства К. Адинаев был отстранен от должности ответ. секретаря ЦК ХКП.
[50] См.: Советская Каракалпакия. — 1990. — 24 июля.
[51] История коммунистических организаций Средней Азии. — С. 748.
[52] См.: Аллаяниязов Б. Чункар (Аллаяр Досназаров), Гулистан, 1974, № 2. — С. 4.
[53] См.: Советская Каракалпакия. — 1990.—8 и 24 июня.
[54] Советская Каракалпакия — 1990. —,8 июля.
[55] К. Байниязов. Аяпберген Мусаевтың шайырлық стилиниң өзгешеликлери. Нукус. Каракалпакстан. 1972 — С. 84.
[56] Досумов Я. М. Очерки истории Каракалпакской АССР (1917—1927 гг.). — С. 251.
[57] ЦГА УзССР. — ф. 71. — Оп. I. — Д. 31. — Л. 31.
[58] Там же. — ф. Р—86. — Оп. I. — Д. 2137. — Л. 295.
[59] ЦГА УзССР. — ф. Р—71. — Оп. I. — Д. 31. — Л. 31.

БИБЛИОТЕКА
Каракалпакск. госуд.
верситет им. Бердаха
Инв. №4362/56

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 3

ГЛАВА I. Левобережная Каракалпакия в составе Хивинского ханства накануне и в период его падения

1.1. Внутриполитическая обстановка в Левобережной Каракалпакии в период Февральской и Октябрьской революции в России 20

1.2. Левобережная Каракалпакия под властью военно-феодальной диктатуры. Влияние Правобережной Каракалпакии 32

1.3. Падение Хивинского ханства и образование Хорезмской Народной Советской Республики . . . 38

ГЛАВА 2. Левобережная Каракалпакия в составе ХНСР: революционно-демократические преобразования

2.1. Общественно-политическая жизнь. Создание Казахско-Каракалпакского отдела при ХорЦИКЕ . . 56

2.2. Социально-экономическое положение. Экономическое объединение ХНСР с ТАССР и БНСР, его значение для Левобережной Каракалпакии. . . . 78

2.3. Культурное строительство 87

ГЛАВА 3. Левобережная Каракалпакия в составе ХССР; объединение ее с правобережной Каракалпакией

3.1. Провозглашение ХНСР социалистической республикой. Обострение внутриполитической обстановки 97

3.2. Деятельность органов народной власти в новых условиях. Создание Казахско-Каракалпакской автономной области в составе ХССР . . . 108

3.3. Образование Каракалпакской автономной области и объединение Левобережной Каракалпакии с Правобережной 115

Заключение 125

Примечания 129

КОШМУРАТ АЛМАМБЕТОВИЧ

ПАЛУАНИЯЗОВ

ИСТОКИ РОЖДЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ КАРАКАЛПАКСТАН

Часть I. Левобережная Каракалпакия в 1917—1924г.г.

На русском языке

Издательство «Каракалпакстан»
Нукус—1992

Редактор **А. Қощанов**
Художник **П. Ганиев**
Худ. редактор **У. Ережепов**
Тех. редактор **Б. Насыров**
Корректор **Ж. Алманова.**

ИБ 340

Сдано в набор 7.01.92 г. Подписано в печать 20.03.92 г. Формат 84x108 1/32. Бумага газетная. Литературная гарнитура. Кегль 10. Высокая печать. Объем 4,5 п. л., 7,56 усл. п. л., 7,53 учетно-изд. л. Тираж 3000 экз. Заказ № 177. Цена 11 рублей.

Издательство «Каракалпакстан», 742000, г. Нукус, ул. К. Маркса, 9

Нукусский полиграфкомбинат имени 50-летия газеты «Правда» Государственного комитета Республики Каракалпакстан по печати. 742000, г. Нукус ул. К. Маркса, 9